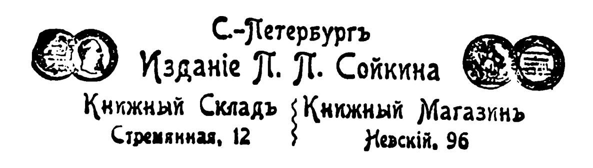
Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

Женская обитель. Святыя горы

Воспоминанія и разсказы изъ поѣздки съ богомольцами.



С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
Книжный Складъ
Стремянная, 12
Книжный Магазинъ
Невскій, 96

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 іюня 1904 г

Типографія П. П. Сойкина. С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

I.

Тихая пристань.

— Въ монастырь къ намъ желаете?—обернулся ко мнѣ кучеръ, похлестывая пару сытенькихъ коней, неохотно взбиравшихся въ гору.

— Да, обитель посмотрѣть!

— Обитель у насъ, господинъ, необыкновенная. Истинное умиленіе!—разомъ разчувствовался онъ.

Нужно прибавить, что, несмотря на свою чрезвычайную мордастость, кучеръ мой говорилъ самымъ тонкимъ фальцетомъ.

— Почему это?

— Эти самыя, которыя, значитъ, монахини, житія ужъ очень благочестиваго... Съ самой затворницы Меланіи ведется это. Господа пріѣзжали—хвалили: Одно слово—тишина!

— Не бывало грѣха, значитъ?

— Какой грѣхъ? Есть одинъ грѣхъ, есть и другой грѣхъ. Грѣхъ грѣху рознь. Случается, повздорятъ старушки. Съ бобылями, что на старой землѣ поселились, свару заведутъ. Это бываетъ, но чтобы женскаго грѣха, соблазну—ни-ни! Не пообѣдаешь!.. Отъ самой затворницы, отъ Меланіи строгость такая заведена. Настоящіе ангелы, только что въ человѣческомъ видѣ!—совсѣмъ размякъ кучеръ.

Этихъ-то ангеловъ повидать и съ ними познакомиться ѣхалъ я на такъ называемую Каменную гор-

гдѣ на краю Ельца стоитъ Знаменскій дѣвичій монастырь. Видъ монастыря издали замѣчательно красивъ. По горѣ по песку идетъ террасами громадная каменная лѣстница. Вверху, за стѣнами, видны купола храмовъ. Кругомъ лѣпится по откосамъ жалкая слободка, гдѣ поселились обижающіе монахинь бобыли. По наружному виду ожидаешь отъ обители чего-нибудь грандіознаго: красивыхъ келій въ нѣсколько этажей, окруженныхъ садомъ— благо сторона кругомъ фруктовая, богатая на всякій плодъ и цвѣтъ, роскошной расписной трапезной, отдѣльнаго дома для настоятельницы, думаешь увидѣть самихъ монахинь на «улицѣ» передъ келіями въ шелковыхъ платьяхъ, хотя и чернаго цвѣта—и изумляешься, встрѣтивъ совершенно противоположное. Ворота монастырской стѣны настежъ раскрыты. Лампадка теплится передъ вдѣланнымъ въ стѣну образомъ; намъ на встрѣчу, стоя на полозьяхъ, ѣдетъ крестьянская баба въ полушубкѣ и въ монашескомъ головномъ уборѣ. Бочка за нею совсѣмъ оледенѣла, въ сосулькахъ вся. Мой кучеръ живо сорвалъ шапку.

— Матери Анемподистѣ!

Баба кивнула ему головой.

— Монахиня!—шопотомъ пояснилъ онъ.—Какъ трудится, какъ трудится! То есть—до бѣла! Иной мужикъ столько не сробитъ!

— Воду возитъ?

— На черной работѣ... Барышней была прежде. Своихъ рабовъ имѣла, какъ величалась—фу-ты, ну-ты! Но только сама пожелала на черную работу чтобы! Господу-Богу старается. Иному другому...

Громадный и пустынный дворъ. Ни одной живой души на немъ. Точно вымерло все, ни большихъ зданій, ни великолѣпныхъ церквей. Все скромно и убого. Зимнее солнце ярко искрится на бѣломъ снѣгу. Вдали къ самымъ стѣнамъ прислонились сотни маленькихъ домиковъ. Какой-то микроскопическій городокъ тѣсно сдвинулся. Стѣна къ стѣнѣ—безъ промежутковъ. Въ кро-

шечныхъ хижинкахъ, кажется, могутъ жить только гномы, а не люди. И живописенъ этотъ полуфантастическій городокъ удивительно. Каждый домъ строили не по общему плану, не на одинъ разъ для всѣхъ утвержденному рисунку, а какъ хотѣлось его хозяйкѣ. То узенькій, въ два этажа, по два, по три окна въ каждомъ, то низенькій и длинный, то съ высокими, острыми, то пологими крышами. И всякая клѣтушка чувствуетъ свою сосѣдку локтемъ. Постарѣвшіе осѣсть, покривиться не могутъ—рядомъ стоящій крѣпко держитъ ихъ подъ руки. Каждый домикъ въ свою краску росписанъ: голубые, зеленые, красные, сѣрые, бревенчатые, тесомъ обшитые—но всѣ съ крылечками въ наружу то подъ пестрымъ навѣсомъ, то совсѣмъ простенькій. Между ними нѣсколько побольше и пощеголеватѣе, желѣзомъ крытые съ рядами оконъ, закрывшихъ свои ставни, точно заснувшихъ, низко опустивъ вѣки. Передъ нѣкоторыми палисадники. Голыя вѣтви точно отъ холода вздрагиваютъ на морозѣ. Зеленые и желтые заборы—сквозили совсѣмъ полузасыпанные снѣгомъ... И—никого. Кажется, что на кладбище попалъ, только скрипятъ полозья моихъ саней да звонко въ облежавшійся снѣгъ бьютъ копытами усталыя лошади. Ни звука не слышно изъ-за этихъ дверей, оконъ и ставень.

— Не дай Богъ—пожара... Тѣснота какая!

— Тутъ пожару не бывать!—улыбается кучеръ.

— Почему—попадетъ огонь, и кончено?

— И огню не попасть. Образованные господа, а этого не понимаютъ. За этимъ, можетъ, сколько ангеловъ приставлены. Ходютъ, смотрютъ. Какому-же тутъ пожару быть? Намъ мірскимъ, отъ пожару — кишка нужна, а онѣ здѣсь и безъ кишки чудесно обходятся. Ангелы-то почище нашихъ пожарныхъ Иродовъ будутъ. Ангелы-то по скулѣ не дадутъ. Будьте покойны!

— А развѣ влетало?

— По скулѣ? У нихъ, у фараоновъ, скула первымъ дѣломъ. Сейчасъ ты со всѣмъ усердіемъ, а они, за-

мѣсто того, по скулѣ—рраз, и готово, въ свое удовольствіе!

— Гдѣ-же монахини сами?

— По кельямъ сидятъ, работаютъ. Не какъ иныхъ прочихъ. Шляющихъ тутъ нѣтъ. Вамъ куда теперь, къ матушкѣ игуменьѣ, что-ли?—И кучеръ—видимо, богомольный человѣкъ—держа шапку въ рукахъ, поѣхалъ вдоль крошечныхъ домиковъ.

Снѣгъ опять заскрипѣлъ подъ полозьями саней.

Каменная гора, на которой стоитъ монастырь этотъ, чрезвычайно живописна. На югѣ, весной, какъ вскроется ледъ, зажужжитъ рѣка Ельчикъ, съ другихъ сторонъ, точно провалъ, темнѣетъ глубоко оврагъ Сухой-лучекъ. Во времена оны здѣсь, на склонахъ, росъ тѣнистый лѣсъ, въ прохладномъ царствѣ котораго—селились «вольные монахи», поближе къ студеному ключу, бьющему изъ сырыхъ скалъ. «Вольные монахи» были люди, возлюбившіе мати зеленую пустыню и изъ городскаго шума ушедшіе сюда спасаться, не принимая формально иноческаго званія. Такъ шло до 1675 года, когда здѣсь поставили монастырь Курской иконы Божіей Матери. Монахи жили здѣсь въ тѣсныхъ кельяхъ, какъ черви въ орѣхѣ, по картинному выраженію одного елецкаго старожила.

— Зато въ тѣ поры монахинямъ было жутко!

— А что?

— Скитались. Мѣста для нихъ не оказывалось. Гдѣ день, гдѣ ночь. Сами посудите, каково это дамамъ! Но и онѣ нашли себѣ защиту. Ужь очень благочестіемъ своимъ прославился за нихъ и вступился нынѣ въ святыхъ чудотворецъ Митрофанъ. Это какія, другъ ты мой, времена-то были. Три царя Русью правило. Во какъ, и орелъ у насъ трехглавый былъ!

— Вотъ тебѣ и на!—засмѣялся я.

— Самъ считай, цари Іоаннъ да Петръ Алексѣевичи, да царица Софія. Ну-ко—прикинь на пальцахъ. Анъ, три и выйдетъ!

— Орелъ-то какъ же?

— Орла не видалъ самъ такого. Не знаю. Старики сказывали. Св. Митрофанъ сейчасъ къ царямъ: такъ и такъ. Судъ, братъ, тогда правѣе былъ. Сейчасъ всѣхъ иноковъ въ Елецъ, въ мужской монастырь—онъ и до сихъ у насъ стоитъ, а монахинь съ игуменіей Іулитой на ихъ мѣсто. Молись! Ну, тогда эта самая Елисавета и прославилась!

— Какая Елисавета?

— Монахиня. Богатая прежде была. Жемчугу одного бочки у нея стояли, золота сколько. Но только она на все наплевала и въ лѣсъ ушла. Мірское богатство, говоритъ, чорту вѣнецъ, пропадай прахомъ. Поставила она себѣ въ лѣсу келію убогую, а лѣсъ былъ дремучій, темень несосвѣтимая. Тутъ къ ней они и повадились!

— Кто они?

— Бѣглые, которые. Извѣстное дѣло, гдѣ лѣсъ, тамъ и бѣглецы. Солдаты разные, крестьяне. Но только она, Елисавета, была добрая, бродягъ не гоняла и нисколечко ихъ не страшилась. Мнѣ, говоритъ, все равно—у Бога паспортовъ не показано. Кормила ихъ овощами, хлѣбомъ. Разъ на нее начальство набросилось за это за самое. Но и она тоже ихъ отчехвостила чудесно!

— Какъ-же именно?

— То-есть, въ лучшемъ видѣ. Вышла это съ Евангеліемъ, развернула да и показываетъ Матѳія 5,42. Что написано? спрашиваетъ. «Просящему у тебя—дай». Ну, и убирайтесь вы, говоритъ, съ празднымъ вопросомъ своимъ. Такъ ихъ смутила схимница наша, такъ смутила!

Странное начальство, дѣйствительно, было въ то время! Теперь оно Евангелія-бы не испугалось. Благоденствіе и изобиліе обители продолжалось до 12-го апрѣля 1769 года, когда громадный пожаръ уничтожилъ весь Елецъ, со всѣми его храмами и монастырями. Женскій тоже не уцѣлѣлъ.

— И настало тогда уничиженіе наше!—вздыхаютъ монахи о тѣхъ временахъ.—Безъ крова, аки звѣри, скиталимы. Безъ храма Божьяго, безъ устава благовидна

Преемникъ святителя Тихона Задонскаго (самъ-то святитель—на покоѣ жилъ)—Тихонъ Второй переселилъ ихъ въ воронежскій монастырь, но двѣ «боголюбивыя старицы»—60-ти лѣтняя Ксенія и 80-лѣтняя Агапія—отказались отъ этого и остались подъ открытымъ небомъ.

— Какъ-же это онѣ?

— Такъ ихъ Христосъ вооружилъ твердостью—не покидать возлюбленнаго уединенія своего. Ихъ и гнали неподобно, и страшили страхами разными, но онѣ на своемъ стояли! Сгонятъ на сегодня, а завтра онѣ опять назадъ, на погорѣлое мѣсто. Вырыли онѣ потомъ себѣ землянку [illegible]ую и стали пребывать въ оной, въ родѣ какъ въ погребѣ.

— Долго ихъ преслѣдовали такъ?

— Пока святитель Тихонъ не послалъ къ нимъ схимника одного съ утѣшеніемъ... Ну, тогда точно оставили въ покоѣ. Не смѣли трогать. Купцы, боголюбивые купцы тогда были, шкурой-то да щетиной не обросли еще, хотѣли помочь схимникамъ, храмъ воздвигнуть, но и сами еще отъ пожара оправиться не могли. Только хлѣбомъ и помогали. Тутъ съ ними чудо и случилось. Вышла разъ Ксенія изъ-подъ земли помолиться на то самое мѣсто, гдѣ прежде церковь стояла. А ночь темная, темная—ни зги не видно. На небѣ обложникъ—всѣ звѣзды попрятались... И давай старица плакать—плакала-плакала, и вдругъ словно молонья во мракѣ свѣтъ передъ ней. Пала ницъ она и только поднялась опять изъ свѣта, какъ передъ нею всадникъ, осіянный весь. Золотыя латы на немъ... Шеломъ—точно на образахъ пишутъ. Перепугалась и вострепетала мать Ксенія. А онъ, всадникъ то этотъ, благословилъ ее и говоритъ: буди имя Господне благословенно на мѣстѣ семъ отнынѣ и до вѣка!.. Кто ты?—спрашиваетъ монахиня... «Я, говоритъ, Іоаннъ-воинъ—вотъ кто я!»... И точно вдругъ вовсе и не было его. Опять тьма кругомъ. Про-
[illegible]з въ ней и пропала... Тутъ наша обитель и

стала вновь исправляться. Сначала Тихонъ Задонскій послалъ сюда дѣвицу Матрену Сонцеву. Пришла Сонцева и видитъ—дыра въ землѣ дубовыми вѣтвями покрыта. Крикнула—кто тутъ живой есть? Оттуда и отозвалась она, Ксенія. Одна осталась на семъ мѣстѣ—Агапія померла уже. Увидѣла Матрена скорбное житье Ксеніи и смутилась. А тутъ еще—мужички пришли и давай пугать. Они на монастырской землѣ поселились и хотѣли пустынницу совсѣмъ выгнать отсюда. «Мы, говорятъ, тебя, какъ лису изъ норы, коломъ выжжемъ», а она имъ «живъ Богъ—живъ, душа моя!» Они ей—«мы твой погребъ этотъ водой зальемъ», а она имъ: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его».—Они ей—«зашибемъ мы тебя, старушка Божья, потому не на своемъ мѣстѣ ты сѣла», а она имъ «не единаго волоса безъ воли Его»!.. Такъ они столковаться и не могли... Что ты тутъ подѣлаешь? Испугалась Матрена и домой. А дома болѣть стала, «дотоль болѣла, пока не пришла сюда на каменную гору и не поселилась въ кельѣ».

— Какъ въ кельѣ?

Къ тому времени, господинъ милостивый мой, елецкіе нахлѣбники наши опять въ силу входить начали, ну, и поставили тутъ кеміи. Одну Ксеніи, а другую Матренѣ съ ея подругой... И сейчасъ же, что пчела, налетѣла на это самое святое мѣсто наша сестра. Все-то обиженныя, всѣ-то убогія, всѣ-то измученныя! Въ иную обитель па даровые хлѣба идутъ, а сюда, другъ ты мой, на нищету, да на работишку непосильную. Потому окромѣ животовъ—ничего тогда у инокинь здѣшнихъ не было. Да и теперь, правду сказать, мало!.. Потомъ нашъ елецкій гражданинъ Иванъ Шапошниковъ пожертвовалъ 12,000 руб. на монастырь и исходатайствовалъ ему третій классъ у Александра Благословеннаго!

— Это что-же за третій классъ?

— Монастырь каждый въ своемъ классѣ утверждается. Ну, вотъ, нашъ въ шестомъ стоитъ... Извѣстно, начальство утвердило, значитъ, помогать можно!

— Народъ, вѣдь, и самъ здѣсь бѣденъ.

— А тогда и еще бѣднѣй были. Сапогъ не носили и чаю не пили, а обителямъ помогали. Потому сказано— «рука дающаго не оскудѣваетъ» и еще въ посланіи къ коринфянамъ—«доброхотна бо дателя любитъ Богъ». Какъ ты объ этомъ понимаешь? Намѣстничество орловское обижать стало обитель; но за оную, какъ за овцу сирую, тотъ же св. Тихонъ вступился и отогналъ волковъ. Бывало, только налетитъ какой чиновникъ, потому тишина наша уже очень противна была, съ тишины взять-то нечего, а его сейчасъ же по хвосту. Онъ его подожметъ да и прочь... Анна Ивановна Хлусова 18,000 пожертвовала, сугубая и ипостасная помѣщица была, мы на эти деньги храмъ поставили, но не безъ преткновеній!

— И въ этомъ преткновенія были?

— Потому какъ деньгами запахло, сейчасъ же и мздоимцы проявились. Одинъ такой и даже, сказываютъ, будто въ генеральскомъ чинѣ, съ форсомъ разлетѣлся былю къ намъ, но мать Досиѳея—инокиня такая была, изъ простыхъ она, этого самаго кочета обернула да собственноручно по тѣлу и наказала, такъ онъ замѣсто форсу и отошелъ съ миромъ. И были мы послѣ сего подвига спокойны и благополучны. Смиренная и кроткая нравомъ мать Глафира скромную трапезу нашу воздвигла, и при умной и бдительной игуменьѣ Паулинѣ и каменная ограда сооружена!.. Вотъ какъ Господь насъ изъ ничего вознесъ!..

Все это мнѣ сообщили уже потомъ, а пока до келіи игуменьи, по дорогѣ, я не могъ оторваться отъ этихъ маленькихъ домиковъ, словно испуганное стадо, прижавшихся къ каменной стѣнѣ монастыря, одинъ наивнѣе другого—и всѣ одинаково мертвы, одинаково безжизненны. Напрасно я пристально всматривался въ окна — за ихъ стеклами не мелькало ни одного лица... Разъ, вдали, показалась черная фигура, но, увидѣвъ насъ, спряталась.

— Чего онѣ бѣгаютъ?

— Какъ отъ насъ, отъ козловъ, и не бѣгать?— сокрушался кучеръ, тоже тоненькимъ фальцетомъ.

— Да почему же?

— Мірскіе мы, отъ насъ псой пахнетъ, опять же — вы господинъ, а они господскаго мудрованія страсть боятся!..

— Развѣ обижали ихъ?

— Какъ мудрили еще!.. Она что, она баба пуганая, а тотъ, какъ воронъ, налетитъ и клюнетъ. Обругаетъ и прочь. Ему, подлецу, ничего, а ей обидно, потому она Божья. Бобыли теперь. На монастыря землю сѣли и сидятъ. А замѣсто почету отъ него баловство только. Станетъ бобыль передъ обителью и давай зѣвать... Нешто это хорошо. Такое развѣ это мѣсто? Тутъ, можетъ, сколько наплакано, да намолено. Понять тоже это надо... Господи, Господи, и все то грѣхъ, и все то грѣхъ!

Чистое крылечко игуменьи. Я постучался къ ней. За дверями послышался шорохъ и замеръ... Я постучалъ еще... Выглянуло въ окно какое-то блѣдное лицо... Молоденькая дѣвушка. Даже странно было видѣть на ней черную шапку монахини.

— Вамъ чего?

— Мать игуменью...

— Вы отъ кого?

— Отъ самаго себя...

Головка спряталась, черезъ минуту ключъ повернулся въ замкѣ, и дверь отворилась.

Мать Клеопатра—радушно встрѣтила меня и пригласила въ пріемную. На стѣнахъ—портреты архіерея. Въ окнахъ герань. Пахнетъ ладономъ. Мебель жесткая—не очень-то засидишься на ней... Нѣсколько черныхъ монахинь, закутанныя. Только лица, блѣдныя и безкровныя, съ какими-то уже слишкомъ спокойными глазами, видны. Ни любопытства, ни вопроса... Тишина такая, что шорохъ мухи, бьющейся въ стекла, наполняетъ всю комнату...

— Къ намъ пожаловали?..—начала игуменья.

Я поклонился.

— Милости просимъ. Писать будете?.. Сказывали намъ про васъ... Что же, мы рады...

Та же молоденькая послушница неслышно внесла чай, отдала всѣмъ уставной низкій поклонъ и такъ же беззвучно исчезла въ переднюю... Еще нѣсколько совсѣмъ иконописныхъ монахинь стали въ дверяхъ... Я всмотрѣлся въ нихъ. Эти, видимо, пережили уже жизненныя тревоги. Молчатъ могучіе инстинкты, замерло все, что мучило и волновало когда-то. Въ лицахъ нѣкоторая строгость, движенія истовы, медленны... Только раннія морщины, блѣдность да впалыя груди выдаютъ, что не даромъ досталась имъ эта побѣда надъ собою. Цѣною тяжелой борьбы, безмолвныхъ страданій, никому не переданныхъ разочарованій и утраченныхъ надеждъ. Сукно монашескихъ платій грубо и тяжело, въ покроѣ головныхъ уборовъ—ни малѣйшаго изящества, все разсчитано на то, чтобы эти и безъ того безкровныя лица сдѣлать еще постнѣе и еще некрасивѣе...

Я попросилъ позволенія осмотрѣть монастырь.

— А, вотъ, мать Варлаама все покажетъ вамъ!

Вся въ хлопотахъ, видимо, большая работница на обитель, мать Варлаама явилась получить благословеніе сопровождать меня по монастырю.

— Мало любопытнаго у насъ. Убого все, тѣсно! Сами увидите!—напутствовала меня монахиня, прощаясь.

II.

У затворницы Меланіи.

— Что вамъ прежде всего показать? — заторопилась мать Варлаама.

— Я не знакомъ съ вашимъ монастыремъ. Предоставляю вамъ выбрать!

— Не угодно-ли вамъ посѣтить могилу затворницы Меланіи... Большая подвижница была покойная и многими благодѣяніями себя нынче оказываетъ. Къ намъ кто ни пріѣдетъ—сейчасъ къ ней. Сначала ей поклонится, а потомъ уже монастырь осматривать!

Вымирающіеся типы нашихъ обитателей заслуживаютъ большаго вниманія. Можетъ быть, нигдѣ не обрисовываются настолько выпукло характеры, какъ здѣсь. Я не мало перевидалъ на своемъ вѣку, но, несомнѣнно, самые крупные люди по внутренней силѣ, неустанной энергіи, упорству въ достиженіи цѣлей—мнѣ попадались, именно, за стѣнами монастырей. Борьба въ одинокой кельѣ достается не легко, и подъ черной рясою человѣкъ переживаетъ много драмъ, прежде чѣмъ онъ отвердѣетъ въ извѣстную традиціонную форму. Потому-то я съ такимъ любопытствомъ всегда заглядывалъ въ это само въ себя замкнувшееся царство. Въ Соловкахъ, на Валаамѣ и въ Святыхъ горахъ, куда меня ни заносило — передо мною проходили цѣлые ряды въ высшей степени оригинальныхъ сильныхъ натуръ, для усмиренія и успокоенія которыхъ нужны были строгіе внѣшніе уставы, вѣчный трудъ, наконецъ, затворничество, схима, обѣты молчанія, вериги, бичеваніе, голодъ. Люди стремились побѣдить себя, въ силу раздѣляемаго нами или нѣтъ, но, все-таки, принципа—раздавить въ себѣ собственное «я», уничтожить его, принести въ жертву идеѣ. Это имъ удавалось, но ранѣе торжества, въ безсонныя ночи и трудные дни, они исходили кровью и слезами.

Одною изъ такихъ самоотверженныхъ была и подвижница Каменногорской дѣвичьей обители мать Меланія.

Она очень рано осталась сиротою. Красавица, она чувствовала ненависть къ жизни, которая, напротивъ, должна была бы улыбаться ей. Трудясь у себя дома, она приросла сердцемъ къ идеаламъ аскетизма. На ея рукахъ оставалась маленькая сестренка, нужно было жить въ мірѣ ради нея, а тутъ, какъ нарочно, въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ борьбы, точно откровеніе свыше, ей прозвучало въ церкви:

— Иже любишь отца или матерь, паче Мене, несть Меня достоинъ; и иже не пріимешь креста своего и вслѣдъ Мене не грядешь, несть Меня достоинъ.

Меланія стала думать и плакать, плакать и думать. Время было во второй половинѣ прошлаго вѣка, вовсе не

подходящее для проявленій личной воли, да еще у дѣвушки и при старшемъ братѣ. Этотъ послѣдній задумалъ окончательно сломить упорство сестры, выдавъ ее замужъ. Жениха такой красавицѣ пріискать было не трудно. Какъ она не возставала противъ, а ей былъ объявленъ день помолвки. Въ тѣ времена мало любопытствовали, согласна ли невѣста. Въ назначенный день—Меланія исчезла. Искали, искали ее, нѣтъ нигдѣ. Впослѣдствіи оказалось, что она спряталась у сосѣдей.

— Сосѣди противъ брата пошли?

— Потому они богобоязненные люди были, поняли, что отроковица убѣгаетъ отъ брака, ибо возлюбила Жениха Небеснаго, а не земнаго!..

Когда она вернулась—начались всякія тиранства. Въ темномъ царствѣ тогдашней русской семьи это было дѣло обычное. Но что съ Меланіей не творили, она ни на волосъ не отступила отъ своего намѣренія.

— Сколь одного бою было! Жестокое время, слава Богу, что прошло!

Скоро и бить устали. Опять назначили день для новой помолвки—невѣста вновь изъ-подъ замка бѣжала. Всячески ее изводили. Но она все свое. Наконецъ, братъ ея понялъ, что дѣло не спроста, что однимъ боемъ тутъ ничего не добьешься, и умѣрилъ свою воинственность. Даже «сердцемъ умилился» и самъ отпустилъ сестру—но въ томъ, въ чемъ она была. Ни вещей, ни денегъ, не далъ.

— Несмотря на это, наша матушка незабвенная проникла къ намъ въ обитель, какъ жаждущій елень на источники водные...

Дѣла Каменногорскаго монастыря были не блестящи. Густой лѣсъ росъ кругомъ; убогія келейки, изъ него срубленыя, стояли посреди бора. Обстановка, испугавшая-бы всякую другую натуру—этой пришлась какъ разъ по душѣ. Меланія начала въ монастырѣ трудиться, не складывая рукъ.

— И работала какъ!.. Соблюдая въ тайнѣ постоянную молитву и молчаніе устъ.

Замкнувшись сама въ себя, молодая инокиня проводила цѣлые часы въ лѣсу на молитвѣ. Кудрявыя березы передъ нею золотились изумруднымъ блескомъ, ручьи съ звонкимъ говоромъ сбѣгали внизъ, птицы пѣли—все звало къ жизни, къ сегодняшнему, именно, счастію, но красавицѣ-монахинѣ во всѣхъ этихъ звукахъ слышалось совершенно другое. Они говорили ей о далекомъ грядущемъ, въ ея пониманіи они являлись призывомъ къ подвигу, къ новымъ и еще болѣе труднымъ послушаніямъ. Важный торжественный шумъ лѣсныхъ вершинъ, это царство вѣковыхъ сосенъ—настраивало ее на благоговѣйный ладъ. Она, наконецъ, захотѣла окончательно умертвить плоть свою, стала питаться исключительно водою и хлѣбомъ: недовольствуясь этимъ, послѣ цѣлаго дня сзмаго утомительнаго труда — вставала съ полуночи, шла пѣшкомъ верстъ за тридцать въ Задонскъ, выслушать тамъ обѣдню, принять благословеніе отъ святителя Тихона, и также пѣшкомъ возвращалась назадъ въ монастырь. Меланія была безграмотна. Черезъ нѣсколько времени къ ней въ монастырь перешла совсѣмъ и сестра ея Екатерина. Онѣ зажили въ одной кельѣ. Захотѣли обѣ учиться читать, просили на это благословенія у Тихона.

— На что вамъ учиться по книгамъ? Васъ благодать Божія свыше научитъ, и довольны будете!

Онѣ сократили свои потребности до невозможности. Кувшинъ съ водою и сухари—вотъ и все, что у нихъ было въ келіи. Бросили всякую мірскую работу, даже рукодѣліемъ перестали заниматься.

— Что же онѣ дѣлали?

— П[illegible]

— То[illegible]акъ же это?

— Плакали цѣлые дни о грѣхахъ своихъ неутѣшно. Э[illegible] называется Петровымъ исповѣданіемъ!

При этомъ и обстановку для жизни создали онѣ себѣ необычную. Келью свою по зимамъ не топили вовсе. Часто отворяли окна при этомъ, чтобы еще болѣе [illegible]жи было. Выходить изъ извѣстныхъ рамокъ—нигдѣ [illegible]хо-

дится даромъ: полная самоистязаній и лишеній жизнь Меланіи навлекла и на нее гоненіе.

Игуменья Олимпіада вообразила, что монахиня ея обители спекулируетъ этимъ добровольнымъ мученичествомъ.

— Это ты нарочно дѣлаешь, чтобы тебѣ больше подавали милостыни. Смотри, не собираешь-ли ты тлѣннаго богатства?

Меланія не оправдывалась, падала на колѣни, просила прощенія и потомъ опять уходила къ себѣ молчать и плакать. Холодъ, голодъ, отдыхъ ночью на голой доскѣ— все болѣе воодушевляли затворницу. Дошло до того, что малѣйшія уклоненія отъ этого съуженнаго порядка жизни казались чуть не преступленіями. Мон ня Еваргія приноситъ имъ гостинецъ—свѣжихъ огурц Сестра Меланіи разрѣзала одинъ и хотѣла, было, ѣсть.

— Екатерина, что ты дѣлаешь?—съ ужасомъ указываетъ ей старшая.

— Какъ что?

— Огурецъ-то, огурецъ! Вѣдь это плотоугодіе, брось!

— Прости, матушка сестрица!—и огурецъ былъ брошенъ.

Когда Екатерина умерла, то оказалось невозм нымъ снять съ ея тѣла власяницу, узкая и грубая, она приросла къ ней.

Однимъ изъ подвиговъ монашескихъ считается добровольное юродство. Люди надъ этимъ смѣются — инокъ молчитъ и терпитъ, въ этомъ — заслуга. Типъ Меланіи, какъ заправской монахини, былъ бы не полонъ безъ юродства, и вотъ, по смерти своей сестры, она облекаетъ себя въ упомянутую переходную къ схимѣ форму Она притворно сердится, когда ей подаютъ милостыню:

— Ты мало даешь, ну, что тутъ? Видѣть нечего!..

А когда «благодѣтель» уйдетъ—она милостыню «полагала на дровахъ»..

— Зачѣмъ?

— Съѣдобное уносили птицы, а деньги и вещи брали нищіе, постоянно обшаривавшіе всѣ мѣста вокругъ ея келіи!

Цѣлыя ночи она стояла на молитвѣ надъ могилою своей сестры. Плакала такъ, что вопли ея слышались за монастырской оградой. Разъ діаконъ Георгій Преображенскій раньше пришелъ къ утрени, чѣмъ слѣдовало, и споткнулся о лежащую ницъ Меланію.

— Юродивая! Зачѣмъ ты здѣсь валяешься?—И онъ ударилъ ее палкой.

— Богъ тебя прости!—кротко, сквозь слезы, взглянула на него монахиня.—Тебѣ больнѣе будетъ, когда тебя бить станутъ!

Черезъ нѣсколько дней почтеннаго діакона, возвращающагося ночью домой изъ-за р. Сокны, изловили какіе-то «шатающіе» и вздули его такъ, что онъ зачахъ и умеръ. Меланія терпѣть не могла прислужницъ и «угождательницъ». Когда такія являлись изъ иноческой среды, она старалась довести ихъ капризами до раздраженія и заставить ее бросить. Подарили ей самоваръ, и чай приносилъ молчальницѣ пользу. Вдругъ ей показалось это грѣхомъ. Она унесла самоваръ въ лѣсъ и бросила тамъ. Но скоро вышла радость ея «душевредной». Постъ безъ смягченія невозможенъ, и на Меланію «возстали помыслы», по-просту чай былъ необходимъ для ея истощеннаго организма. Она мучилась, мучилась и, наконецъ, загадала:

— Если самоваръ цѣлъ, значитъ, Богу угодно, чтобы я пила чай...

Самоваръ оказался цѣлъ.

Постоянное одиночество, вѣчное напряженіе фантазіи, поиски грядущаго града, безсонныя ночи создали вокругъ монахини другой міръ. міръ призраковъ, существовавшихъ посреди самой неприглядной, полной лишеній и самоистязаній дѣйствительности. Въ одну ночь Меланія, долго молившаяся и плакавшая, забылась и сѣла у дверей кельи. Мракъ былъ густой. Ни луны, ни звѣздъ. Деревья во тьмѣ принимали чудовищныя формы. Вдругъ вдали показалось сіяніе. Ближе и ярче. Меланія всматривается... Не успѣла еще сообразить, чтобы это могло быть, какъ ослѣпительная огненная колесница, съ крылатыми конями, опустилась передъ

— Приди, о возлюбленная Богомъ...—воспріими мзду отъ трудовъ твоихъ!—Смотритъ монахиня—юноша въ бѣлой одеждѣ передъ нею.

— Богъ послалъ меня, ангела своего, возвести тебя въ райскія селенія... Тамъ ждетъ тебя сестра Екатерина!

Меланія, услышавъ о сестрѣ, обрадовалась, позабыла перекреститься и взошла на колесницу.

Крылатые кони взвились на недосягаемую высь и понеслись по ней къ великолѣпному бѣлому дому. Но тутъ Меланія перекрестилась, и все исчезло передъ нею, вдали послышался злорадный хохотъ. Она увидала себя на краю моста. Еще шагъ, и монахиня утонула бы въ рѣкѣ, глубокой, протекающей здѣсь далеко внизу, въ темной балкѣ. Рабочіе изъ ближайшей мельницы выскочили на ея крикъ и полумертвую доставили ее въ монастырь. Меланія славилась своею правдивостію. Она никогда не лгала, да и случай такого рода возвеличить ее не могъ, если-бы мы заподозрили смиренную инокиню въ излишней пылкости воображенія. Во всемъ настоящемъ очеркѣ мы не освѣщаемъ данныхъ изъ разсказовъ нашихъ монахинь Каменногорскаго монастыря. Мы не желали объяснить ихъ ни съ мистической стороны, ни съ точки зрѣнія психіатровъ. Наша роль—роль простого повѣствователя, сообщающаго читателямъ, не мудрствуя лукаво, о своихъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ. На гранитномъ утесѣ одного изъ острововъ Валаамскихъ, въ уединенную келью молчальника и затворника Іоанна, вмѣстѣ съ бурею, нѣсколько лѣтъ стучались духи, составлявшіе для него дѣйствительность несомнѣнную. Онъ изгонялъ ихъ молитвою и заклинаніями, и потомъ, когда ему от. Дамаскинъ вернулъ право «слова», т. е. приказалъ говорить, онъ въ чрезвычайно поэтической формѣ разсказалъ о своихъ видѣніяхъ.

Борьба съ помыслами у Меланіи не кончилась этимъ. Она напрасно морила себя на непосильномъ трудѣ—видѣнія и соблазны вставали кругомъ въ душной атмосферѣ одинокой кельи. Лѣтомъ, въ жаркое время, въ

разгоряченномъ воздухѣ скользили призраки смятеннаго ума, которымъ формальная вѣра давала опредѣленное значеніе искушеній. Странный міръ, и исходы изъ странныхъ положеній находитъ странные. Такъ отшельница металась и мучилась до тѣхъ поръ, пока совершенно неожиданно не взошелъ къ ней о. Иларіонъ-затворникъ.

— Егда бо не моществую, тогда силенъ есмь!..—привѣтствовалъ онъ ее.

Меланія зарыдала и «пала ему въ ноги». Оказалось, что и Илларіонъ испытывалъ тогда «гоненіе» и явился въ Елецъ «дать мѣсто гнѣву».

Въ Ельцѣ тогда славился прозорливой «Христа ради юродивый» Каменевъ. Онъ вскорѣ послѣ тоже пришелъ къ монахинѣ вмѣстѣ съ о. Илларіономъ.

— Оставь юродство, сиди въ келіи въ совершенномъ безмолвіи...—убѣждалъ онъ ее.

— Не могу понести сего!—отговаривалась Меланія.

О. Илларіонъ присоединился къ Каменеву. Въ концѣ-концовъ, Меланія рѣшилась на послѣдній подвигъ монашескаго поприща — замкнуться въ добровольное заключеніе навсегда. Стѣны ея кельи были ветхи. Печь зимою никогда не закрывалась, также какъ и труба. Мохъ, забитый между бревнами, осыпался, стужа проникала насквозь, съ наружи все обледенѣло, лампада у образа одна тускло свѣтила затворницѣ. Многіе начали заглядывать къ ней въ окно. Это стекло теперь было ея единственною связью съ міромъ. Она и его заколотила.

— Зачѣмъ это? —спрашивала ее игуменья.

— Дабы любопытное око не увидало моей худости!

По мѣрѣ того, какъ росъ авторитетъ затворницы, ея сила на подругъ по монастырскому заключенію оказываетъ чудесное вліяніе. Живущая до сихъ поръ въ Каменногорской обители монахиня Іулита была тогда молодою, здоровою и красивою дѣвушкою. Обѣты аскетизма въ этомъ возрастѣ дать легко, но выполнить ихъ трудно. Жизнь требуетъ своего неодолимо. Такимъ образомъ и на Іулиту возстала «естественная брань». Но достаточно было

дѣвушкѣ прилечь на постель Меланіи, чтобы все отъ нея, какъ рукой, сняло. Такова сила вѣры. Нервы наши въ этомъ отношеніи—большую власть имѣютъ надъ тѣломъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?..—подошла къ ней Меланія.—Я сама не могу избавиться отъ скверныхъ мыслей... Чуешь... Молчи!.. Да и молчи!..—несвязно окончила она. Затворничество для нея оказалось на первыхъ порахъ невыносимо. Она воспользовалась первымъ случаемъ пойти въ городъ. Но ей навстрѣчу попался юродивый Каменевъ.

— Ты зачѣмъ?—началъ онъ кричать на нее.

— Надо у благодѣтелей взять кусокъ хлѣба!

— Не малодушествуй... пошла, пошла назадъ въ келью... Хлѣбъ самъ придетъ къ тебѣ!

— Голодна я...

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ. Ищи прежде царствія небеснаго, остальное все приложится тебѣ!

И Каменевъ силою погналъ ее обратно до самой кельи.

— Помни часъ смертный!—пригрозилъ онъ затворницѣ.

Каменевъ тоже типъ любопытный. Родомъ изъ дворянъ—былъ въ провинціальной канцеляріи повытчикомъ, а потомъ вдругъ бросилъ все и сталъ юродствовать до конца дней своихъ. Характера былъ не изъ мелкихъ. Св. Тихонъ Задонскій самъ его называлъ своимъ «врачемъ отъ помысловъ высокоумія».

Меланія долго послѣ того еще боролась, но, наконецъ, рѣшилась окончательно.

6-го августа 1839 года пріобщилась и, закрывъ глаза платкомъ, попросила довести ее до келіи. Въ дверяхъ простилась съ монахинями и, затворясь, пробыла въ затворѣ восемнадцать лѣтъ, до своей кончины!.. Восемнадцать лѣтъ жизни въ могилѣ, одной, только со своими призраками.

У истиннаго монаха должно быть три главныхъ врага, съ которыми онъ непрестанно борется: міръ, плоть и дьяволъ. Эти три врага не оставляли въ покоѣ и затворницу Меланію, когда она окончательно оградилась отъ

всего живаго обледенѣвшими стѣнами своей убогой кельи. Но тутъ уже она была гораздо сильнѣе вооружена противъ нихъ, прежнихъ слабостей не было, міръ «прелестный» въ ней умеръ навсегда. Ей не такъ трудно оказалось выдержать вѣчное молчаніе грязнаго и холоднаго угла, заброшеннаго въ дикую глушь темнаго лѣса. Ей приносили, случалось, богатыя подаянія—она никого не оскорбляла отказомъ, брала ихъ, но затѣмъ немедленно, завязавъ деньги въ разныя тряпки, бросала ихъ далеко отъ своей кельи по тропѣ, по которой ходили нищіе. Бѣдныя послушницы (монастырь этотъ не кормитъ никого, всякая живетъ тѣмъ, что у нея есть или что она заработаетъ. Общежитія не заведено), приносившія къ дверямъ ея кельи воду въ ведрахъ, видѣли изъ-за деревьевъ, какъ она, выходя и сливъ воду къ себѣ, выставляла ведра обратно, бросая туда деньги. Сплетничество и пересуды въ монастыряхъ «свирѣпствуютъ» болѣе еще, чѣмъ гдѣ-нибудь въ иной средѣ. Отъ нихъ доставалось часто Меланіи, но, какъ истинная монахиня, она при этомъ радовалась «духомъ». Говорили, что она затворилась потому, что лѣнится ходить въ церковь и не хочетъ работать. Когда какая-либо инокиня, стоя у ея замкнутаго окна, выкрикивала ей такого рода новости, затворница старалась молчать, если же силъ у нея на это не хватало—то изъ нутри душной кельи слышалось:

— Ты еси терпѣніе мое, Господи, Господи упованіе мое отъ юности моея!

Такого рода недоступность, прежде всего, стала озлоблять инокинь.

Зависти здѣсь не початой уголъ, и какъ чиновничья душа не прощаетъ другу Станислава на шею, такъ и здѣсь низменные инстинкты не мирятся съ «подвигами» болѣе крупныхъ въ иноческомъ значеніи натуръ.

Особенная зависть бѣсовская волновала монахиню Ельпидифору, ближе другихъ жившую къ затворницѣ. Какъ-же, въ самомъ дѣлѣ, благодѣтели и поклонники, минуя ея келью, идутъ къ Меланіи? Дошло до того, что

она, въ виду ихъ, выскакивала, въ чемъ была, и «неистово» поносила соперницу.

Измученная молчальница — едва заснетъ, въ окно ея камнями начинаетъ бросать зловредная Ельпидифора и выкрикивать ругательство одно злѣе другого. Всего пуще гнѣвало ее, что на всѣ эти обиды Меланія не отвѣчала ни слова, и, какъ подобаетъ инокинѣ «по заповѣди Господней», молилась о своей обидчицѣ. Изобрѣтательность Ельпидифоры пошла дальше. Привезли къ ней больную родственницу, все время громко кричавшую и бившуюся. Она на все лѣтнее время устроила ей ложе подъ окнами затворницы. Когда стало холодно, и больную внесли въ келью, Ельпидифора поймала козу и привязала ее къ тому-же самому мѣсту, но такъ, что бѣдное животное все время блеяло. Это, наконецъ, задѣло Меланію. Она вышла изъ затвора и сломала загородку, освободивъ козу. Того только и ждала монахиня Ельпидифора вмѣстѣ съ другими, караулившими около, съ воплями бросились на старуху и давай ее бить. Уже въ безпамятствѣ швырнули ее въ келью, а сами ужъ чисто по одиночкѣ забѣгали къ игуменьѣ.

— Матушка игуменья... Благослови!

Та благословила.

— Что скажете?

— Бѣдная наша Малапьюшка-то, старица Божія...— И давай сокрушенно вздыхать.

— Что такое? Не пойму я васъ!

— Малапьюшка-то, боголюбезная!.. Ахъ, Господи, прости, какое искушеніе. Вотъ искушеніе-то, вотъ скорбь!.. Вѣдь помѣшалась она, молитвенница наша. Выскочила, вопитъ и колотится. Вопитъ и колотится... Ахъ, печаль-то какая всѣмъ намъ!

Собрали совѣтъ, что дѣлать? Рѣшили везти въ домъ умалишенныхъ въ Орелъ.

— Тутъ-то она и познала свою немощь и побѣжденіе отъ врага!

— Что она дѣлать стала?

— У всѣхъ начала прощенія просить!

— Да за что-же?

— А такъ, по смиренію своему...

Дьяволъ или, по словамъ моего кучера, «подлецъ» не успокоился. Онъ началъ ее пугать ночными привидѣніями, но и этимъ затворницу удивить нельзя было; тогда онъ сталъ устремляться на нее въ «звѣрскихъ подобіяхъ», бодалъ ее, топталъ ногами. Часто принималъ личину враждебныхъ ей монахинь и билъ старицу.

— Можетъ быть, это онѣ и врывались къ ней?

— Да, вѣдь, кто-бы ихъ могъ подвигнуть на это?.. Въ одно время какъ случилось: врагъ, демонъ, то-есть, ринулся на затворницу и, исторгнувъ волоса изъ головы ея, многократно ударялъ старуху о земь. На крики ея прибѣжала другая монахиня и застала Меланію едва дышащею.

Она, впрочемъ, и сама не особенно церемонилась. Чтобы совладать со сномъ, бодрствовать на молитвѣ, затворница привязывала свою голову за волосы къ стѣнѣ, въ которую были вбиты гвозди. Тутъ уже ее постоянно стали посѣщать видѣнія, она все время проводила въ состояніи «духовнаго восторга».

— Она уже не боялась Бога, а любила его!

Теперь келья ее не отворялась никому. Родной братъ ея «наконецъ, ощутивъ совѣсть» не задолго до смерти ея пришелъ къ ней. Онъ умолялъ сестру повидаться съ нимъ, но она, преподавъ ему чрезъ окно нѣсколько наставленій, не впустила къ себѣ. Явился архіерей, не пользующійся расположеніемъ затворницы. Вмѣстѣ съ игуменьей онъ стучался къ Меланіи. Они и просили, и приказывали ей отворить двери, но Меланія не подала признака жизни.—Такъ и ушелъ онъ, не солоно хлѣбавши. Генералъ одинъ пріѣхалъ, было, и съ криками подошелъ къ кельѣ, но затворница отослала его прочь, а какая-то полусумасшедшая монахиня заявила его превосходительству, что такимъ «козламъ смердящимъ» мѣсто не въ монастырѣ, а на «торжищахъ».

При чемъ тутъ были «торжища»—неизвѣстно. Съ этого времени жизнь уже кончается, а начинается житіе,—легенда. Меланія исцѣляетъ, пророчествуетъ, призрѣваетъ. У священника и діакона, являющихся къ ней со святыми дарами—свѣчки зажигаются сами собой. О днѣ своей смерти Меланія имѣетъ откровеніе, въ ночь ея кончины задонскія женщины видятъ огненной столбъ надъ каменною горою, достигающій неба. Одержимая бѣсомъ дѣвица Евпраксія—начинаетъ рыдать, кричать и драть себѣ ногтями лицо и грудь до крови.

— Чего ты кричишь?—унимали ее.

— Какъ намъ не кричать, какъ намъ не плакать, то *мы* ее мучили, теперь она насъ попалила!

И «изрыгая хулы на блаженную, бѣсноватая убѣжала». Начальство всполошилось. Стали дѣлать дознанія. Чѣмъ болѣе дознавали, тѣмъ болѣе объявлялось исцѣленій. Война полиціи съ чудесами приняла эпическій характеръ. На покойницу—посылались доносы. Квартальныхъ приставили, чтобы «исцѣленій не было», но одинъ квартальный временно ослѣпъ, а другой самъ сталъ юродствовать; явилась болѣе крупная власть—но невидимая сила его такъ ударила въ лобъ, что онъ съ той поры такъ и остался тронутъ. Вмѣшался орловскій епископъ Никодимъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взялъ да и запретилъ служить панихиды по Меланіи. А потомъ и самъ явился въ обитель. Народу, желавшему молиться, запретили это, и, разумѣется, отъ этого только выросли до необъятныхъ размѣровъ разсказы о чудесахъ покойницы. Такъ продолжалось довольно долго. Надо сказать правду, послѣдующіе епископы не слѣдовали примѣру о. Никодима. Преосвященный Макарій, Епископъ Орловскій и Сѣвскій, написалъ о ней книгу, и теперь желающимъ поклониться могилѣ затворницы—квартальные уже препонъ не полагаютъ, и война полиціи съ загробнымъ міромъ прекратилась.

III.

Въ рисовальной школѣ.—Мать Эсѳирь.—Дѣвицы изъ благородныхъ.—Въ соборѣ и на колокольнѣ.

— Что же васъ, собственно, интересуетъ?—обратилась ко мнѣ хлопотливая мать Варлаама.

— Да, нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь особеннаго, ну, хозяйства большого, что-ли?

— Хозяйства у насъ нѣтъ!

— Какъ же это?

— Каждая на себя. У насъ, вѣдь, не общежитіе, а всякая инокиня сама на себя трудится!

— А если труда нѣтъ?

— Благодѣтели не помогутъ, такъ свои поддержатъ. Монахиня монахиню... Общежитію слѣдовало-бы устроиться, да монастырь нашъ бѣденъ. Подняться не съ чѣмъ. Работы наши въ кельяхъ я вамъ покажу ужо, сами увидите, чѣмъ живутъ наши «матери!»

Варлаама оказалась потомъ не простою монахинею. Она изъ общества. Кончила курсъ чуть-ли не въ московскомъ Елизаветинскомъ институтѣ, хорошо говоритъ по-французски и по-нѣмецки, интересуется всѣмъ, читаетъ—но, разумѣется, вся сложилась въ чисто монашескую складку.

— И много тутъ еще такихъ, какъ вы?

— Изъ благородныхъ есть... Вотъ недавно двѣ дѣвицы изъ института пріѣхали, въ обитель пожелали постричься.

— Да вѣдь онѣ жизни еще не знаютъ?—вырвалось у меня.

— И славу Богу, что не знаютъ. Какая жизнь-то бѣдной дѣвушкѣ. Замужъ не выйдешь, куда дѣнешься! А и замужемъ что—дьяволу работаешь!

— Это-же какъ?

— Да развѣ честный бракъ нынче. Было да сплыло. Теперь всѣ врозь смотрятъ. Это не Господу служить, а ненависть адову тѣшить! Да, мало, мало нынче изъ

образованныхъ идутъ въ монастыри. И Богъ знаетъ, почему это. У насъ тутъ миръ, тишина, спокойствіе!

— Не вездѣ!

— Да, такого монастыря, какъ нашъ, въ другомъ мѣстѣ-то и не найдешь!—съ гордостію отвѣтила Варлаама.—Потому у насъ все по согласу. Единъ пастырь—едино стадо. Ни противленія, ни смуты нѣтъ. А, прежде всего,—перешла она на дѣловой тонъ,—покажу я вамъ нашу живописную школу!

— Что?—было не понялъ я.

— Рисовать у насъ дѣвицы учатся, для монастырскаго храма, для часовень... Школу такую мы устроили. Пусть монахини работаютъ. Только бѣдная, бѣдная у насъ школа-то. Сами увидите. Такая-ли скорбная. Съ чего пишемъ, какъ учимся, то—свѣтскому человѣку смѣшно будетъ. А намъ въ этомъ дѣлѣ подняться тоже не съ чего. Мы только складываемся теперь. Хорошо такой обители, у которой все есть. А тутъ, голова кругомъ пойдетъ. Отъ того урвешь—сюда пришьешь, а тамъ, смотришь, отсюда опять урывать надо, да туда пришивать. Ужъ какъ только у матушки нашей игуменьи хватаетъ сообразить все. Прежде купцы помогали, а теперь и въ нихъ вѣры не стало!

— Ну?—Купцы, впрочемъ, здѣсь дѣйствительно безобразные. Вотъ, напримѣръ, разсказъ одного изъ нихъ, переданный мнѣ уже въ городѣ какою-то старою монахиней:

— Какъ-бы вы думали, пріѣхалъ разъ одинъ пьяный, пьяный... Развезло всего, ввалился въ храмъ Божій. Мы—далѣ. Что мы можемъ сдѣлать?.. А онъ подошелъ потомъ къ одной черницѣ да и выпалилъ: ты, говоритъ, кому дура молишься? Черту или Богу? Потому ежели Богу, такъ Бога нѣтъ. Но тутъ мать Агапія наказала его. Плюнула ему въ бороду, дураку, и съ миромъ отошла прочь. Вотъ промежду купцовъ какіе теперь Колумбы оказываются, а вы какъ думали?..

Здравствуй, здравствуй, мать Степанида...—покло-

нилась Варлаама шедшей намъ на встрѣчу маленькой старушкѣ, тоже сплошь закутанной въ черное.

— Это что у тебя будетъ?

— А это господинъ нашу обитель любопытствуетъ... По монастырямъ они все ѣздятъ смотрѣть изъ усердія! Ну, и къ намъ!

— Нечего у насъ смотрѣть!—вздохнула Степанида. Что у насъ есть?..

— У настоятельницы были они!

— Ну, вотъ, господинъ, только у насъ и есть, что могила Меланіи блаженной да игуменья наша мать Клеопатра. Истинной адамантъ. Словесы ея, слышали?

— Да, я говорилъ съ нею!

— Ну, вотъ, сподобились... дай вамъ Богъ...

— Ангельскаго характера наша мать Клеопатра,—подтвердила и Варлаама.—У насъ всѣ къ ней стремятся, какъ пчелы къ меду!..

Мы вышли на террасу монастыря. Внизу видно было деревянное зданіе въ одинъ этажъ. Недавно выстроено, смолистымъ деревомъ пахнетъ...

— Вотъ и школа наша...

Варлаама вошла и познакомила меня съ институтками, бросившими свѣтъ, невѣдомый имъ. Личики дѣвушекъ уже поблѣднѣли. Ранняя иноческая серьезность легла на нихъ рѣзкими чертами. Глаза смотрѣли сухо, даже враждебно. Еще-бы, я для нихъ представлялся именно частію того міра, который по монашеской логикѣ слѣдуетъ ненавидѣть. Ничѣмъ не обитыя стѣны увѣшаны самодѣльными картинами религіознаго содержанія. Вотъ чудесный ребенокъ, отлично написанный, живые дѣтскіе глазенки такъ и пышутъ веселостью, щеки розовыя, твердыя, должно-быть, какъ яблоко—и на ней на этой, вѣрно отъявленной маленькой шалуньѣ—черная скуфья, черное монашеское платье.

— Чей это портретъ?

— Это Клеопатрушка Головачева, племянница игуменьи нашей. Такой-ли утѣшительный ребенокъ!

— Зачѣмъ ее сняли въ монашескомъ костюмѣ?

— Она сама захотѣла... Плакала даже!.. А написано хорошо.

— Монахиня работала?

— Да, наша!..

Написано, дѣйствительно, хорошо. Ученицы здѣсь оказываются весьма способныя... Безъ всякой предварительной школы пишутъ. Упорствомъ берутъ. Помогаетъ имъ нѣкто Вознесенскій, изъ Ельчанъ, болѣзненный молодой человѣкъ, тоже самоучка, тоже гибнущій въ глуши талантъ, какихъ у насъ много, благо никуда имъ пути нѣтъ изъ родныхъ захолустій. Вотъ громадный образъ Преображенія. Оканчиваетъ его суровая монахиня. И глазомъ на насъ не повела, точно не ея картину смотрятъ. Взглядъ, пристально устремленный на образъ; кисть также размашисто кладетъ мазки на полотно.

— Это мать Епифанія!

Мать Епифанія наклонилась, куда-то, въ сторону, и покраснѣла... Налѣво что-то фыркнуло... Гляжу — какая хорошенькая, молоденькая монашенка—мнѣ она показалась лѣтъ четырнадцати, а вышло—двадцати съ чѣмъ-то. Чудесный живой цвѣтъ лица, вздернутый носикъ съ тонкими ноздрями, которыя такъ и ходятъ; черныя, полныя огня и веселости глазки. Эта, отъ которой такъ и разитъ жизнью,—какъ попала сюда?

— Мать Эсѳирь!

Полуребенокъ и уже мать Эсѳирь!

— Она дочь директора чугунно-литейнаго завода Холина. Это первый нашъ талантъ. Столько способностей, столько способностей! Не повѣрите вѣдь! Кто не пріѣдетъ — удивляется. А, вѣдь съ чего работаютъ, — съ плохихъ гравюръ. Нѣтъ ничего у нихъ. Ни оригиналовъ, ни гипсовъ. Ниву выписать хотѣли для обители, тамъ гравюры очень хорошія бываютъ да и текстъ такой, что каждому понятно. Но и на это денегъ нѣтъ!.. Плохи, плохи наши дѣла, теперь бы въ другомъ мѣстѣ, для большого таланта, какъ эта самая Эсѳирь, нашлись

бы и средства, богатый человѣкъ какой-нибудь послалъ-бы ее въ Петербургъ учиться... А она здѣсь пропадаетъ!

И дѣйствительно,—талантъ большой, въ каждомъ мазкѣ видѣнъ. Работаетъ живо, быстро, увѣренно,—а въ монастырь пришла не умѣла взять карандаша въ руки. Вотъ, если бы эти строки прочелъ кто-нибудь, у кого лишнія средства есть, да помогъ той-же Эсѳири выбиться на широкую дорогу. Не раскаялся бы въ добромъ дѣлѣ. Я убѣжденъ, что черезъ года три изъ нея выработался-бы крупный художникъ. А пока она разрисовываетъ плохія картины съ скверныхъ гравюръ и этимъ, впрочемъ, копіямъ придаетъ жизнь и силу, присущую каждому дарованію.

— Одно плохо... тамъ въ академіи ее начнутъ современемъ иконописи учить!

— То-есть?—не понялъ я.

— Да, вѣдь, какъ пишутъ-то теперь: купидоны вмѣсто ангеловъ, святую дѣву чуть не въ корсетъ стянутъ. Никакого истиннаго иноческаго благообразія нѣтъ. Это ни образа!

— Что же прежніе деревянные святые съ вытянутыми въ плечи руками и ногами и съ глазами въ рамкахъ лучше?—вступился Вознесенскій.

— Лучше. Они духъ питаютъ!

— Во всякомъ случаѣ плохая пища. Иконопись должна даже идти на встрѣчу жизни. Отъ византійскихъ-то идеаловъ пора отказаться!

Пока мать Варлаама спорила съ учителемъ, доказывая, что никакихъ купидоновъ въ небесахъ не водится, и святыя корсетовъ не носили—я подошелъ къ окну. Что за чудесный видъ открывался отсюда впереди. на отдѣльномъ большомъ холмѣ за лощиной весь Елецъ, такъ и вырѣзался на чистомъ фонѣ безоблачнаго свода неба. Зимнее солнце щедро обливаетъ его своимъ веселымъ блескомъ. Монументальные дѣйствительно соборъ и храмы его давятъ городъ своими красивыми и могучими массами.

— Какъ хорошо!..—невольно вырвалось у меня.

— Чего хорошаго?—грустно спрашиваетъ молоденькая дѣвушка вся въ черномъ.

— Видъ красивъ, городъ хорошъ!

— А грѣха-то, грѣха въ немъ, въ этомъ хорошемъ городѣ... Зла, искушеній, соблазновъ!—все печальнѣе и печальнѣе шепчетъ она. — А ненависти, а жадности, а зависти!.. Что ни домъ—то адъ, что ни окно—то чья-нибудь душа либо мучается, либо мучитъ!

Я взглянулъ на нее пристальнѣе. Должно быть, не мало пришлось ей выстрадать. Слѣды пережитаго горя въ каждой чертѣ лица. И голосъ звучитъ такъ, какъ будто-бы она плакала чаще, чѣмъ говорила. Вѣрно, дѣйствительно, показалъ ей себя этотъ городъ.

— А вы изъ Ельца?..

Монахиня взглянула на меня, опомнилась, точно до сихъ поръ она говорила не мнѣ, а сама съ собой, и низко, низко поклонившись, все такая же блѣдная, съ своими большими черными глазами, пошла прочь...

И точно потемнѣлъ этотъ городъ, точно тѣнь легла на него отъ нѣсколькихъ словъ молодой инокини.

Со всѣхъ сторонъ тутъ жалобы на оскудѣніе монастыря.

— Плохо, ахъ, плохо!..—ноетъ инокиня. И по тону голоса слышно, что это не для «посѣтителей» показное нытье, а дѣйствительное горе.

— Что такое?

— Силъ нашихъ нѣтъ. Никто работъ не покупаетъ,—обезденежели всѣ... Я вотъ, кружевница, но только одно скажу, хуже нѣтъ, какъ кружева плести. Городъ отбилъ все. Елецкія кружева теперь въ Питеръ да въ Москву шибко пошли, кажется, на хлѣбъ бы можно заработать—нѣтъ!.. Теперь я на строчку перешла и питаюсь, а ужъ на одежу родные помогаютъ, на одежу, какая она у насъ то есть грубая—строчки не хватаетъ!

— И всѣ нуждаются?

— Не всѣ. У насъ, слава тебѣ, Господи, обитель большая. Всѣхъ то монахинь, знаете, сколько? Четыреста!

Есть и богатыя. Коли бы общежитіе было—всѣ бы сыто жили; ну, а общежитія нѣтъ и живутъ голодно!

— Не хотите ли теперь соборъ нашъ посмотрѣть?— заторопилась мать Варлаама.

— Съ удовольствіемъ!

— Да вы не съ удовольствіемъ, а съ молитвой!— поправила она меня.

Соборъ бѣдный. Большой, но холодно въ немъ, непріятно. Образа все своего рукодѣлія. Нѣкоторые старинные. Я остановился передъ однимъ. Очень ужъ древняго письма.

— Это мать Вирсавія купила по сновидѣнію у раскольниковъ. Умерла Вирсавія.— въ монастырскій соборъ поставили!

На другомъ богатая риза. Выдѣляется она въ числѣ прочихъ бѣдныхъ простенькихъ окладовъ.

— А это инокинѣ нашей Тавифѣ было видѣніе—это самая икона показалась ей, — ну, она на свой счетъ ризу и заказала. Теперь весь нашъ соборъ убогій и украшаетъ она... Ишь, какъ далеко блеститъ-то!.. Кричитъ—наша икона-то!

Къ намъ подходитъ, едва-едва передвигая ноги, старушка, вся въ черномъ. Желтое, измозженное лицо, только глаза горятъ не совсѣмъ обычнымъ блескомъ, рядомъ молоденькая послушница, хорошенькое личико, наивные глаза.

— Что, мать Анемподиста... Давно не видала васъ...

— Вотъ молодую учу, какъ соблазна бѣжать, какъ міръ побѣдить въ себѣ...

— Хорошо дѣлаете, матушка!

— Если на пользу ей будетъ... Молчать учу ее... Ты знаешь, что святой Исаакъ Сирскій сказалъ: «Молчаніе есть таинство будущаго вѣка!..» Пойми ты, сколь это прекрасно!..

Послушница оказалась изъ ливенскихъ мѣщанокъ.

Большая часть насельницъ монастырскихъ выходитъ изъ двухъ уѣздовъ—елецкаго и ливенскаго. Онѣ по этом

и называютъ обитель своею. Оно и понятно, у каждой здѣсь есть родственницы, близкія, такой ужъ обычай ведется въ крестьянствѣ: если выучится дѣвушка грамотѣ или ежели окажется у ней «дарованіе къ пѣнію», непремѣнно уйдетъ въ обитель, ни за что не останется дома.

— Что васъ тянетъ такъ за стѣны, да за затворы?

— Ласково у нихъ ужъ очень, а дома-то, ужъ сами знаете, каково. Работаемъ столько-ли, а добраго слова не услышишь, все попреки, да бой этотъ!

— А замужъ?

— У насъ — замужъ идти — двойную тяготу носить! Ливенскія и елецкія дѣвушки разомъ входятъ въ жизнь обители. Плѣняющія ихъ тишина и ласка здѣсь явленія заурядныя. Подчиняться онѣ привыкли и дома, поэтому строгій режимъ монастыря не пугаетъ ихъ. Одна интеллигентная монахиня мать Елисавета объяснила мнѣ даже:

— Не повѣрите вы, что это за счастье своей воли не имѣть!

— Вотъ тебѣ и на!

— Именно. Знать, что за тебя думаютъ и дѣйствуютъ другіе, а ты, исполняя свое дѣло, ни за что не отвѣтственна. Все идетъ такъ правильно; такъ распредѣленъ и разграниченъ день, что если-бы и можно было скучать, — нѣкогда. Вы, какъ думаете, своя-то воля вѣдь крестъ! А легко-ли крестъ носить!

Даже слобода «Бобыли», непрестанно враждующая съ монастыремъ, и та считаетъ за счастье отдать своихъ дѣвицъ сюда. То мужики заводятъ свары съ обителью, то въ ногахъ валяются у игуменьи: возьми дочку въ послушаніе!...

— Она-то дома зря болтается. Городъ близко, гляди, свихнется. Купцы-то у насъ, сами знаете, какіе. Ему, что? Укусилъ, да и прочь прошелъ, а тутъ строгость! У матерей-то соблюдутъ!

Строгость въ самомъ порядкѣ жизни. Есть въ этой тишинѣ что-то мертвящее, усыпляющее. Ни одного по-

рыва, ни одного сильнаго движенія. Все такъ истово, такъ степенно, такъ размѣренно. Живому человѣку, кажется, смерть бы здѣсь,—нѣтъ, глядишь, нравится.

— У насъ жизнь,—объяснила мнѣ старая монахиня, мать Смарагда,—какъ тихая вода въ рѣкѣ. Стоитъ, кажется на глазъ... Анъ, нѣтъ, течетъ — незамѣтно, а течетъ. Матушкиными молитвами управляется все дѣло, а не нашимъ коварствомъ!—вспомнила она объ игуменьѣ.

— Теперь я вамъ покажу интересную инокиню!—подвела меня къ колокольнѣ мать Варлаама.

— Гдѣ-же она живетъ?

— Тутъ вотъ!

Колоколенка тоненькая. Сквозная вся. Смотрю, ничего не вижу. Мать Варлаама—подошла къ крошечной дверцѣ, точно въ конуру вела она. Постучались.

— Во имя Отца и Сына и Святаго духа!..

— Аминь! — послышался оттуда крикливый голосъ. Дверь отворилась.

— Какъ живешь, мать Серафима? Гостя вотъ веду къ тебѣ!

— И гдѣ мнѣ гостей принимать!... Благодѣтели вы наши. Какіе тутъ гости, господа милостивые.. Я тутъ, видите, какъ клещъ въ щели... Вотъ моя палата, вотъ она... И весь дворецъ мой тутъ... Сила Господня надъ вами... Пожалуйте, пожалуйте... Эхъ, бѣда—расходится-то у меня негдѣ. Ноги-то у васъ прыткія—а тутъ вотъ сталъ и стой!..

И дѣйствительно, вошелъ я на порогъ—а больше некуда.

Конурка шага три въ длину и два въ ширину.

Окно напротивъ заставлено хлѣбами, деревянною посудой. Стѣны не видать подъ образами. Всю комнату заняла деревянная лавка, игравшая роль кровати. Полушубокъ на ней, крестьянская панева. Сама мать Смарагда совсѣмъ мужичкой одѣта. Громадныя сапоги, сарафанъ, только на головѣ черная скуфья монашеская. Ходить и ей нельзя. Можно стать и лечь. Обернуться трудно.

Всю обстановку я разсмотрѣлъ уже потомъ, когда глаза привыкли къ темнотѣ, а сначала — точно въ погребѣ — ни зги... Мать Серафима замѣтила мое недоразумѣніе.

— Вотъ гдѣ я царю!—Вотъ гдѣ мое царство и міръ мой!

— Тѣсно!

— А въ гробѣ еще тѣснѣй будетъ, — нравоучительно закончила она.—Въ гробѣ-то — ахъ, какъ тѣсно... Въ гробѣ-то, другъ, и еще душнѣе, вотъ что. Тутъ благодать. Червь въ норѣ также. А чѣмъ мы-то грѣшные, охъ, грѣшные, чѣмъ мы-то лучше червей. Съ червя не спросится, потому ему не дано, а намъ страшный отвѣтъ держать на судилищѣ Христовомъ...

Сыро. На стѣнахъ плѣсень, грибки какіе-то на полу.

— «Садъ мой»!—смѣется Серафима.

— Этакъ-то ляжешь, руки сложишь и, глядишь, тѣлу тѣсно, а духу спокойно. Глядишь и думаешь—въ гробѣ такъ лежать придется. И ни сколько не ужасно это... Погрызешь корочку, помолишься и опять о смертномъ часѣ... Господинъ вы милостивый, благодѣтель нашъ. Домой придете, разскажите—клеща-де въ щели каменной видѣлъ... Вотъ онъ, клещъ-то!.. Хорошъ?

Оставивъ ее, я поднялся на колокольню. Что за видъ чудесный. Вся даль за Сосною, словно одно серебряное море, лежитъ подъ стѣною. Снѣговая равнина идетъ безъ перелѣску, безъ рощи. Только поближе весь застроенный холмъ города Ельца съ храмами и купеческими палатами. Внизу мертвые ряды пестренькихъ домовъ каменногорскаго монастыря. Позади слободы разсыпались. Рѣзкій вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо... Какъ хорошъ онъ послѣ этой каменной норы, гдѣ задыхался только что!..

— Вѣтеръ тутъ ужасенъ бываетъ!..—пояснила мнѣ мать Варлаама.

— А что?

— Съ ногъ бьетъ. Надо щиты ставить для защиты звонарокъ нашихъ. Не устоять иначе! А ужъ и колокола у насъ!

— Да?

— Въ театръ не надобно. Въ институтѣ была, въ оперу ѣздила, но куда же оперѣ!.. Нашему звону всѣ монастыри въ округѣ завидуютъ. Чистый, громкій, истинно металлъ славу Господа свидѣтельствуетъ!

— Лѣстница-то плоха!

— Что дѣлать. Поправить денегъ нѣтъ. Ждемъ, не явится ли благодѣтель какой, а мы бы за него ужъ какъ помолились. Вы думаете, легко намъ. Цѣлую седьмицу, вотъ, свѣчи горятъ предъ иконами—а нарядъ только въ праздникъ!..

Опустились внизъ. Опять мать Серафима ждетъ насъ.

— Сподобились съ колокольни нашей поглядѣть?.. Охъ, искушеніе...

— Давно-ли вы у себя въ кельѣ этой живете?

— Въ щели-то?.. Страхи Господни!.. Восемь лѣтъ... Восемь лѣтъ какъ насѣкомый комаръ!

Зимою—холодно. Топить нечѣмъ. Серафима, какъ тотъ же, по ея терминологіи—насѣкомый комаръ—бѣдна. Дровъ купить не начто.

— Что же вы дѣлаете?

— Дрожу.

— Да, вѣдь, не выносимо?

— А очень тяжело станетъ, я сейчасъ вспоминаю, какъ Христу-то бокъ копьемъ прободали... На крестѣ-то! Ему голубчику еще больнѣе было!.. Ну, прощайте, дай вамъ Богъ въ мірѣ и весело домой вернуться. Вы не изъ духовныхъ будете?

— Нѣтъ!

— То-то, я вижу, платье краткое и откровенное. Съ показаніемъ ногъ! Къ намъ изъ свѣтскихъ мало кто. Свѣтскому веселиться надобно, а у насъ печаль! Поусердствуйте, поусердствуйте, батюшка. Походите по обителямъ—многое увидите и научитесь многому. Это пустое вѣрить, что монахъ ни чему не научитъ. Всякое дыханіе научить можетъ. Начто грибъ, вотъ у меня бѣлой растетъ. Кажется, сырость одна, а и онъ душеполезенъ. Какъ свѣтъ—онъ сейчасъ шляпку свою къ свѣту. А свѣтъ—Богъ!

IV.

По кельямъ.

— Нечѣмъ похвалиться нашему монастырю—нечѣмъ!— сокрушалась мать Варлаама, обходя со мною убогія кухни и пекарни. Запахъ свѣжаго тѣста охватилъ насъ здѣсь. «Изъ образованныхъ»! шепнула мнѣ проводница, указывая на массивную монахиню, управлявшуюся съ квашней.

— Что-же, развѣ для нея не нашлось другого дѣла?

— Сама пожелала тяжелыхъ послушаній. Какъ простыя, говоритъ, такъ и я. Ну, ее въ просфирную и опредѣлили. Второй годъ работаетъ!

Хорошенькая рыженькая послушница метнулась вся, кланяясь Варлаамѣ.

— Спаси Господи, Настенька, Спаси Господи... Есть кто-нибудь въ ткацкой?

— Не знаю, матушка, именно не знаю!

— Сбѣгай-ка, Настенька, ножки-то у тебя молодыя!

Дѣвушка опять метнулась и кинулась на верхъ. Черезъ нѣсколько секундъ вернулась оттуда.

— Искушеніе, матушка, искушеніе... По кельямъ, матери ушли, всѣ по кельямъ. Часъ-то такой, отдыхаютъ!

— Созови ихъ. Скажи, вотъ гостя привела!—Настенька поклонилась мнѣ. Ткачихи-монахини сбѣжались быстро, низко сгибаясь передъ Варлаамой и въ чемъ-то, невѣдомо, прося прощенія. Онѣ надъ просфирнею, въ большой просторной залѣ втораго этажа, ткали громадныя ковры на продажу, для келій и для церкви. Всѣ точно были виноваты—такой ужъ порядокъ въ обители. Хоть и ничего не сдѣлалъ, а просить прощенія надо!

— Кто это работаетъ?

— Прости, матушка, Іулита начала, а продолжала я!

— Хорошо сдѣлано... Гдѣ это она узоръ достала?

— Ужъ прости, матушка, сама выдумала. Красивый узорокъ-то?

Я сталъ спрашивать о производствѣ—тоже самое.

— Прости ужъ—сами и шерсть красимъ, сами и станъ дѣлаемъ и прядемъ сами... Ужъ, прости милостиво, все сами!

— Вы замѣчаете,—вмѣшивается мать Варлаама,—что у насъ въ коврахъ ни голубаго, ни розоваго цвѣтовъ нѣтъ. А знаете-ли почему: нѣтъ свѣдѣній техническихъ. Не знаемъ, чѣмъ шерсть въ эти колера красить!

— А остальную краску какъ добываютъ?

— Сами... Изъ земли разной, изъ травы... Цвѣты тоже идутъ на это. Ну, что-жъ, и то слава Богу. Теперь у насъ будутъ ковры и для алтаря, и для трапезы, и къ пріѣзду владыки. А то — срамъ, изъ кусочковъ до сихъ поръ составляли!

— Что получаютъ работницы?

— Монахини вѣдь. Кормитъ ихъ и содержитъ обитель, а трудъ—въ послушаніе. Вотъ и трапеза наша,—только нѣкому ѣсть въ ней. Общежитія нѣтъ. Вишь, какъ расписана-то!

Расписана она была, дѣйствительно, интересно. Я привыкъ уже къ такимъ наивнымъ произведеніямъ. Страшный судъ на стѣнѣ. Гдѣ вы его не увидите? Обыкновенно сидитъ прикащикъ и сукно отмѣриваетъ, а его въ это время гіенское пламя жжетъ. Грѣшникъ продолжаетъ работу. Дѣвица не замѣтила, что она ужъ въ горящую пасть змія попала, и танцуетъ себѣ, нюхая какой-то необыкновенный цвѣтокъ... Офицеръ съ саблей вино пьетъ и все въ той-же не подходящей обстановкѣ. Впрочемъ, что-же удивляться. Въ одной изъ сельскихъ церквей Елецкаго уѣзда я еще и не то видѣлъ: постель,—на постели нѣжные супруги, а кругомъ—пламя, такъ и вьется. Мужики рады. А то тамъ же—чортъ солдату брюхе вскрылъ и не переваренный, какъ есть, съ пробкой, штофъ водки, оттуда вытаскиваетъ, а солдатъ, какъ и слѣдуетъ православному воину, знать ничего не хочетъ, вздѣлъ шапку на бекрень и куритъ трубку. Вмѣсто дыма, изъ трубки вьется надпись: отъ сею душе-вредное зло, и т. д. Въ женскомъ монастырѣ живопись получше, въ томъ же родѣ.

— Хороша?

— Не дурно!—похвалилъ я.—Только зачѣмъ-же, вотъ этотъ господинъ ветчину кушаетъ, когда ему уже въ самую пасть змѣй влѣзъ?

— Это змій иносказательный, это змій невидимый... Это грѣхъ — въ видѣ змія! Самоучка писалъ все, но, впрочемъ, сто рублей взялъ!—вздохнула Варлаама

— И самоучка-то какой, все-бы ему работать. Пріѣдетъ какой-нибудь художникъ въ Елецъ—онъ сейчасъ къ нему. Даромъ—въ лакеи. Краски ему третъ, ходитъ за нимъ, а сам въ это время учится. Самъ учится!.. Одинъ изъ Петербурга иконописецъ былъ — удивлялся. Большой, говоритъ въ тебѣ талантъ сидитъ!

— Что-же онъ его не взялъ съ собою?

— Денегъ просилъ, а у Петрова денегъ не было. Только вотъ на этой картинѣ изобразилъ что-то не подобное. Ишь, у него въ геену-то кто идетъ—монахи и митрополиты. Ужъ мы думали, думали, держать-ли ее здѣсь? Какъ-бы не вышло что!.. А то вдругъ звѣря нарисовалъ: верблюдъ, говоритъ, а какой верблюдъ, если у него двѣ головы и шесть ногъ!..

Что-жъ, впрочемъ, удивляться художнику, если одна изъ спасавшихся здѣсь монахинь, побывавшая въ Іерусалимѣ, въ своемъ наивномъ разсказѣ когда-то еще и не такихъ чудовищъ изображала. Россія, видите-ли, по ея словамъ, отъ Іерусалима отдѣляется громадною пропастью: «и бездна имя ей есть»! Такая пропасть, что моста чрезъ нее построить нельзя: днемъ построютъ, а ночью явится «нѣкто водопламенный» и весь мостъ рушитъ. Ну, такъ роль моста исполняетъ особливый, отъ самаго Бога къ этому дѣлу приставленный, вельбудъ (верблюдъ). Этотъ вельбудъ, кромѣ величины своей (араратскій вельбудъ, матушка, араратскій! Подъ самимъ Ноемъ ходилъ), отличается еще тѣмъ, что онъ при жигалѣ стоитъ. Сядутъ на него паломницы, а «нѣкій мужъ», съ этого края, возметъ жигало съ жаровнею и прямо его его чгаломъ въ спину. Онъ и перемахнетъ на

ту сторону, а тамъ другой «нѣкій мужъ», опять съ жаровнимъ жигало — туда-же. Верблюдъ совершаетъ путешествіе обратно.

— У насъ какія есть инокини,—разъ одна бѣса поймала...—разсказывала мнѣ впослѣдствіи мать Александра, монахиня одного изъ монастырей этой-же полосы.

— Какъ бѣса?

— Такъ, идетъ старушка Божья вечеромъ, этакъ часовъ около восьми—вдругъ—искушеніе! Кто-то черный съ хвостомъ и рогами — шасть мимо. Ну, послушница какая испугалась-бы, а монахинѣ бѣса трепетать никогда не слѣдуетъ, потому она, монахиня-то, всѣми молитвами противу него, паршивца, вооружена достаточно. Замѣтила она, что бѣсъ-отъ прямо въ молодой дѣвицѣ одной, Епистиліи, прибѣжалъ. Старушка туда — не дошла еще до крылечка, а Епистилія уже и летитъ къ ней на встрѣчу. Летитъ—на ней лица нѣтъ.

— Что ты?—спрашиваетъ.

— Матушка Іулита!.. У меня-то бѣсъ проявился...

— Какой бѣсъ?

— Настоящій, съ хвостомъ. Охъ, Господи, силушки моей нѣтъ... То-то кōнцей (конецъ) я все во снахъ видѣла... Бросился на меня бѣсъ и давай цѣловать!

— А, такъ вотъ онъ бѣсъ какой! У тебя крыльцо-то съ наружи запирается?

— Какъ-же!

— Пойдемъ — запри. А сама постой, постереги его, чтобы не выскочилъ!

— Боюсь я... А какъ онъ меня жупеломъ!

— А ты молитвы читай. Да воскреснетъ Богъ!.. Я сейчасъ назадъ...

Стала послушница у крыльца, а мать Іулита съ двумя инокинями—дородныя да сильнѣющія онѣ были у насъ, Анастасія и Екатерина. Взяла ихъ — нарвали онѣ крапивы по угламъ, розогъ взяли. Вербы у насъ,—а на вербахъ вѣтки мягкія. Приходятъ, сидитъ бѣсъ,—спрашиваютъ?—Сидитъ... Ну, и чудесно... Сначала мы ей

славу Господню засвидѣтельствуемъ. Входятъ онѣ въ келію—никого нѣтъ; ищутъ бѣса—нѣтъ бѣса. Но тутъ матушкѣ Іулитѣ страшно стало... Вдругъ самая эта Епистилія, какъ взвизгнетъ. А она это къ кровати подошла, чортъ изъ-под[illegible]ъ нея и поймалъ послушницу за ногу. Сейчасъ Анаст[illegible] съ Екатериной—половыми щетками его оттуда выгнали и поставили его посередь келіи. Оградились крестомъ честнымъ, святой водой на него брызнули—бѣсъ и затрепеталъ. Что вы, говоритъ, святыя дамы, сдѣлать со мной хотите? Если что неподобное, то лучше помыселъ свой оставьте, потому я губернскій секретарь,—это въ рогахъ-то и съ хвостомъ. Матушка Іулита, не удостоивъ его отвѣтомъ, сняла съ повстанца псалтирь и давай читать. А монахини съ послушницей стали хлестать его, Анастасія и Екатерина его сѣкутъ въ славу Божію, а Епистилія съ молитвой прямо въ его поганую рожу крапиву тычетъ. Похлестали съ часъ. Сталъ бѣсъ на колѣни и говоритъ: святыя дамы, отпустите меня!—А въ Бога вѣруешъ?—спрашиваютъ.—Вѣрую.—Честныхъ инокинь, слабыхъ да убогихъ соблазнять будешь?—Никогда!—Ну, если никогда, тогда же легче будетъ. Сейчасъ его Анастасія за хвостъ и закрутила, а Екатерина, ревнуя о Господѣ, опять его лозой! Визжитъ нечистая сила и чѣмъ громче визжитъ она, тѣмъ громче Іулита псалтирь читаетъ. Потомъ его Екатерина за хвостъ, а Анастасія розгами сѣчь... Сѣкли, сѣкли,—устали. Опять,—въ Бога вѣруешь? Вѣрую! Читай «Отче нашъ».—Прочелъ. Читай Символъ вѣры—и Символъ прочелъ.—Отдохнули инокиня—опять его за хвостъ, опять сѣчь. Такъ до самой полуночи драли бѣса. Но потомъ еще вящщее посрамленіе ему устроили Послали за полиціей и къ исправнику отправили Вотъ у насъ инокини какія!

Не повезло въ другомъ уѣздномъ монастырѣ и становому приставу.

Ѣхалъ разъ такой: видитъ, большая корзина со стѣны спущена на веревкѣ. А у обители испортилась стѣна, такъ к[illegible]кладывали въ корзину, а инокини ее притя-

гивали кверху. Мужики, складывавшіе кирпичъ, ушли; корзина и висѣла такъ, пустая. Становой-то пакостникъ былъ, думалъ, не послушница-ли какая друга ждетъ. Извѣстная вещь, что бѣсъ непрестанно вокругъ обители ходитъ и все свои подлые ковы строитъ. То тоску возжигаетъ въ инокиняхъ, то злобу, то зависть, а не можетъ,—такъ онъ, сквернавецъ, озлобленіе плоти и естественную брань въ нихъ возбуждаетъ. Какъ это становому втемяшилось въ голову,—онъ сейчасъ остановилъ ямщика, сѣлъ въ корзину и кричитъ: «подымай съ Богомъ». Подняли его монахини, и вдругъ, вмѣсто кирпича,—жгуты на плечахъ и золотыя пуговицы, съ усами. Взвизгнули матери, а онъ имъ поцѣлуй изъ корзинки ручкой дѣлаетъ. Ну, между монахинями тутъ одна оказалась глубокаго ума. Она сейчасъ же распорядилась спустить корзину до половины стѣны. Ни вверхъ становому, ни внизъ... Висѣть надобно,—больше ничего. Сейчасъ монахини давай его водой поливать. Лили, лили, потомъ домой пошли. А становой виситъ. Виситъ часъ уже. Вернулись крестьяне съ кирпичемъ — корзинки-то нѣтъ, на верху корзинка со становымъ. Они ему—слѣзай, ваше благородіе, а онъ имъ,—какъ я, подлецы этакіе, слѣзу, снимите... А они ему — никакъ намъ васъ снять не возможно... Изъ села Пупырей народъ сбѣжался, видятъ, становой виситъ. Ничего, гулянье какъ-бы внизу устроилось. Сталъ тутъ кричать становой!—его съ верху опять водой полили. Въ городъ дали знать. Изъ города дамы въ экипажахъ наѣхали, — любуются тоже. Время было глухое, ни театровъ, ни концертовъ, обрадовались этому. Исправника, наконецъ, подняли. Прискакалъ онъ.

— Что вы тамъ дѣлаете?..—По долгу службы,—отвѣчаетъ становой—вижу корзина, я и влѣзъ... Ну, а теперь, что вы дѣлаете?—Теперь сижу.—Слѣзайте! А слѣзть не могу, инокини не спускаютъ. Сколько усилій стоило уговаривать ихъ освободить рискнувшее на воздухоплаваніе начальство.

Обители здѣсь, вообще строгія.

— Сейчасъ, я покажу вамъ одну промышленность нашу!—Настенька, сбѣгай-ка узнать—мать Митрофанія дома или нѣтъ?

Та-же рыженькая красавица опрометью бросилась исполнять порученное ей «послушаніе».

— Дома, пожалуйте!—мигомъ вернулась она.

Мы вошли въ маленькій домикъ. Въ немъ три крохотныхъ комнатки. Пахнетъ ладономъ и еще чѣмъ-то противнымъ ужъ очень.

— Что это у тебя?..—поморщилась Варлаама.

— Что?

— Пахнетъ какъ?..

— Это, матушка, отъ топлива нашего. Совсѣмъ согрѣво не подходящее, мы вѣдь съ кожевень покупаемъ,—обратилась она ко мнѣ,—выдѣланную уже кору дубовую—лузгу. Прежде ее въ ровъ выбрасывали—никуда она не годилась. Ну, а теперь, какъ лѣсомъ-то всѣ пооскудѣли, и бѣдность пошла—и лузга въ чести. На дрова-то у меня средствія нѣтъ, гдѣ взять...

— Ужъ очень бѣдны мы!—вздохнула мать Варлаама.

— Такъ бѣдны, такъ бѣдны, ужъ чѣмъ только живемъ! Такъ вотъ, вмѣсто дровъ, я вотъ эту щепоть дубовую и покупаю.

— Почемъ нывче?

— Ахъ, матушка,—сокрушенно заныла Митрофанія,—какъ-бы вы думали? Вѣдь, по девяносто пять копѣекъ съ воза!—съ ужасомъ всплеснула она руками.—Охъ, тяжко, тяжко!

Мокрое сырье это, оказывается, ближайшими кожевенными заводами доставляется въ обитель. Цѣлое лѣто бѣдныя монахини, не имѣющія средствъ на покупку дровъ, заняты сушкою этой лузги. Грабли на плечи и вплоть до заката солнца ворочай эту вонючую массу!...

— Много на это силы да здоровья уходитъ!

Мать Митрофанія ничего кромѣ кельи не имѣетъ. Ей приходится жить своимъ трудомъ. Прежде она кружева плела, но съ тѣхъ поръ, какъ вольный трудъ отбилъ

это производство у монастыря, Митрофаніи пришлось искать другого. Она и нашла. Теперь монахиня дѣлаетъ ризы къ иконамъ изъ фольги и цвѣты изъ шерсти и бумаги для церквей и по частнымъ заказамъ.

— Ну, и идетъ дѣло?

— На хлѣбъ пока хватаетъ... Богъ, да добрые люди даютъ...

Мать Митрофанія одна изъ самыхъ красивыхъ монахинь, какихъ я когда либо видѣлъ. Высокая, статная, съ родинкой на правой щекѣ, съ полными огня черными глазами. Она дочь купца, который ей не даетъ ничего. Обыкновенная исторія! Уйдетъ человѣкъ отъ деспотизма—его донимаютъ, предоставляя на произволъ судьбы. Хотѣли замужъ выдать, вѣрно за нелюбимаго человѣка, ну, и предпочла, бѣдная, вѣчное молчаніе своей кельи — этому сытому и жирному довольству съ безотвязнымъ и противнымъ мужемъ. Слава Богу еще: для русской мѣщанской или купеческой семьи есть хоть это спасеніе отъ тираніи и вѣчнаго гнета. Иначе была-бы одна дорога,— избранная Катериной Островской — прямо въ воду! — Работаетъ Митрофанія—самыми примитивными орудіями— ножницами и рукой. Она и льетъ, и золотитъ фольгу.

— Все сама, иначе-бы и жить нечѣмъ! Рѣжетъ фольгу для окладовъ и защипываетъ. Ни штамповъ, ни пресса. За то просторъ личному вкусу. Не отъ того-ли ея работы и выходятъ такъ удачны? Я видѣлъ цѣлый рядъ иконъ, отдѣланныхъ такимъ образомъ; выходитъ и красиво, и необыкновенно легко. Она же дѣлаетъ и цвѣты изъ бумаги.

— Папиросную бумагу покупаю и крашу сама. Мнѣ и послушаніе такое дано—убирать фольгой и цвѣтами образа къ праздникамъ... Съ весельемъ и радостію дѣлаю. Сердце лежитъ къ этому!

Всматриваясь въ нее, слушая интонацію ее голоса, удивленіе мое ростетъ все больше и больше. Молода, здорова, красива, а между тѣмъ, какая установившаяся монахиня. Видимо, никакихъ порываній, никакой «естественной брани», все улеглось и успокоилось. Закосте-

нѣла—тогда, когда другія только жить начинають, когда страсть въ душѣ кипитъ, огонь по жиламъ льется!.. Съумѣетъ-же человѣкъ такъ себя замкнуть и захолодить, что и весеннее солнце не согрѣетъ его своей благодатною нѣгой. И, вѣдь, довольна, счастлива, ничего иного не хочетъ. Нѣтъ, впрочемъ, хочетъ—ножницы плохи и тупы стали; нужно-бы новыя купить!.. Да не на что... Еще папиросная бумага для цвѣтовъ толста очень, найти-бы еще потоньше... Слушаемъ и не вѣримъ!..

— Я даже не вѣдаю, какъ Господа благодарить... Вѣдь, все сама, матушка, все сама! Ничего не знала прежде—доходила—доходила и дошла! Ну, и рада безъ памяти, слава тебѣ, Господи!

— Кому вы это дѣлаете теперь?

— Благородная дама одна заказала. Очень ей нравится узоръ такой для оклада. И инструмента всего у меня, что ножницы да булавки. Въ монастыряхъ у насъ и способности сказываются. Въ мірѣ — мужъ, дѣти. Когда мужа нѣтъ — отецъ хмурый ходитъ... Голова кругомъ!

— И работа же у васъ кропотливая.

— Господь требуетъ терпѣнія!—нравоучительно отвѣтила она.

Смотрю на окна, цвѣты... Герань разбросала свои листья, плющъ подъ потолокъ забрался и раскинулся на немъ... Жасминъ, вотъ, въ углу... Чистота необычайная. Въ слѣдующей темной комнатѣ лампады горятъ предъ образами... Тускло отражаются робкіе огоньки ихъ на вздрагивающей ажурной фольгѣ такихъ же окладовъ. Варлааму, очевидно, любятъ здѣсь. Митрофанія слишкомъ уже ласково въ глаза ей смотритъ. Варлаама, вообще, для обители нужный человѣкъ. Во-первыхъ, работаетъ много, и такую работу, гдѣ грамотность и образованіе нужны. А, во-вторыхъ, натура талантливая, не мало послужившая въ пользу общаго дѣла.

— У насъ мать Варлаама—настоящій министръ!—говорятъ монахини.

— Золотая головка. До чего другому еще способно

додумываться надо, а она, глядишь, уже дошла!—Ужасно страненъ этотъ своеобразный мірокъ, всѣ эти молодыя и красивыя дѣвушки, отрѣшившіяся отъ міра, возненавидѣвшія его. Вотъ, напримѣръ, одна, поблѣднѣлая, чахлая, только глубокіе синіе глаза живутъ за все ея бѣдное больное тѣло.

— Вся думка моя въ монастырѣ была,—объясняетъ она.—Родители не пускали, женихи все ходили къ намъ!

— Ну, и что же?

— Бѣгала я отъ нихъ, били меня за это... Противно мнѣ казались на мужчину взглянуть. Пять мѣсяцевъ безъ платья подъ замкомъ держали. Сломить хотѣли, а во мнѣ что-то такъ и росло, говорило: «претерпи, претерпѣвый спасется». Наконецъ, тятенька, разъ, взяли да и выгнали меня, коли такъ, говоритъ, ступай, куда хочешь. Я тебя и знать не буду. Я сейчасъ сюда... Съ дѣтства меня обитель манила. Все-то главы церковныя въ глазахъ, благообразное пѣніе слышу... Засну, бывало,—во снѣ вижу себя монахиней, а кругомъ ладанъ облаками.

— Чѣмъ-же вы здѣсь живете?

— Работаю... золотомъ шью по бархату. Я рукодѣльница. У насъ безъ работъ не проживешь. Не глядите, что четыреста монахинь—монастырь убогій. У насъ, какъ бываетъ: явится послушница, живетъ, пока родители помогаютъ, раззорятся родители—уходи вонъ...

— Отчего состоятельныя не помогаютъ?

— Не хватитъ у самихъ. Кто побогаче, у тѣхъ погляди-ко, сколько бѣдныхъ живетъ. Вотъ новый изъ хорошаго дуба выстроенъ домъ. Кругомъ запертъ.

— Кто живетъ здѣсь?—спрашиваю у матери Варлаамы.

— Монахиня. Изъ благородныхъ она. Сейчасъ я познакомлю васъ... У нея увидите, какъ у насъ золотомъ шьютъ!

Вошли. Чистота, нѣкоторая роскошь даже. Пахнетъ ладономъ, образа въ серебрѣ и золотѣ. На стѣнахъ—недурныя картины, разумѣется, содержанія библейскаго. На полу коврики.

— Кто это писалъ?

— А все таже мать Есфирь, которую вы видѣли въ живописной школѣ нашей!

Вотъ, напримѣръ, Христосъ, идущій черезъ море. Кисть не умѣлая, техники нѣтъ совсѣмъ, но за то есть то, что никакимъ умѣньемъ не дается: внутренній смыслъ, душа картины. Талантъ поразительный. Даже мать Варлаама засмотрѣлась.

— Какъ есть! Яко и море и вѣтры повинуются ему!

Хозяйки еще не было.

— Какъ зовутъ ее?—спрашиваю.

— Г-жа Щербачева—курская помѣщица. Отецъ ея предводителемъ!

Пришла она—милая женщина, забываешь о ея монашескомъ костюмѣ. Несмотря на нѣкоторое богатство, работаетъ тоже, не складывая рукъ. При мнѣ золотомъ шила по голубому бархату —все для того же убогаго монастырскаго собора. Въ комнату поминутно шмыгали послушницы—бѣдныя дѣвушки, живщія на ея иждивеніи... Какая разница, вообще, съ мужскими монастырями. Тамъ, какъ-бы ни былъ богатъ инокъ, у него въ кельѣ, если только онъ не настоятель и казначей—грязи не въ проворотъ, здѣсь—напротивъ. Куда не заглядывалъ я, къ бѣднымъ и богатымъ, часто видна нищета, но за то все педантически чисто, все прибрано. Что есть, то поставлено съ чисто женскимъ вкусомъ. И постели также. Грубое сукно, грубые коты, грубая скуфья. Холстъ, хоть шей изъ него палатки—но ни пятнышка, ни одной заплаты...

— Ну, что мать, Варлаама,—обратилась къ ней хозяйка.—Составили вы планъ?

— Послѣ, послѣ!—покраснѣла моя путеводительница. Сконфузилась, очевидно.

— Что-же скрывать-то... дѣло доброе. Вы знаете у насъ мать Варлаама архитекторъ!

— Какъ это?

— Такъ. Планы составляетъ, чертежи; за постройками

наблюдаетъ. Вотъ она какая! Мать Варлаама, все краснѣя, только отмахивалась.

— Такъ я... По простотѣ. Искушеніе съ вами, право!

А простота эта оказалась положительно врожденнымъ талантомъ; послѣ мнѣ показывали постройки, сдѣланныя по ея чертежамъ. Онѣ и легки, и прочны.

— Вотъ-бы церковь намъ перестроить зимою!

— Денегъ нѣтъ!

— Томленіе въ церкви у насъ, томленіе! Монахинь четыреста придутъ, да мірскія тоже, а церковь низенькая. Мірскимъ то голоса наши нравятся. Поютъ у насъ ужъ очень хорошо. Такъ поютъ,такъ поютъ. Только отъ тѣсноты да отъ жары скоро портятся голоса. Ревматизмъ!.. Охъ, горе, горе, скудность наша лютая... Отворятъ двери-то изъ церкви; такъ оттуда клубами бѣлый паръ, что твои облака Мы, вѣдь, какъ? У насъ концерты Бортянскаго исполняются безъ затрудненія!

— Кто же учитъ?

— А тоже мать Варлаама. Она изъ института, музыку-то знаетъ, вонъ какъ! Она научно-приготовляетъ пѣвчихъ. Вѣдь и голоса какіе. Иная у себя въ кельи поетъ, а ее въ деревнѣ слышно!

— Басы какъ же у васъ?

— У насъ есть свои басы!

— Какіе?

— Монахини. Чего вы смѣетесь? У одной дѣвушки изъ Ливенъ такая октава... А мать Марія? Старуха, шестидесяти пяти лѣтъ. Послушали-бы вы, какъ она басомъ поетъ. Діаконъ одинъ даже разъ изъ-за нея сколько сраму набрался. Взяла она низко, низко что-то—тотъ и разинулъ ротъ, а ему возглашать слѣдовало. Стоитъ и молчитъ, на мать Марію таращится. Ужъ ему священникъ изъ алтаря крикнулъ. Такъ онъ только тогда опомнился! Вотъ у насъ, какія пѣвчія. Вы какъ-бы полагали? Да вы не смѣйтесь! Пожалуйте къ намъ, къ обѣднѣ—услышите сами...—Пріѣхалъ и услышалъ. Дѣйствительно, діаконъ долженъ былъ озлобиться!..

Я вынесъ изъ монастыря очень неопредѣленныя впечатлѣнія. Сильные люди, крупные типы—идутъ на отрицаніе жизни. Вся энергія, всѣ таланты, вся чудовищная воля направлена на то, чтобы заморить въ себѣ человѣка. И вѣрно нужно это, должно быть, идеалы аскетизма свѣтятъ народу, понятны ему, если онъ бѣжитъ сюда искать правды, какой ему не найти въ мірѣ. Эти сотни несчастныхъ дѣвушекъ, бросившихся за эти стѣны и затворы искать свободы и ласки, въ которыхъ имъ отказала семья, эти другія сотни, которыя, напротивъ, принесли сюда свободу и сдали ее, какъ тяжелое изнурительное бремя. Жизнь въ проголодь, вѣчный трудъ ради нѣсколькихъ минутъ экстаза.. Тишина и уединеніе въ годы, когда жизнь требуетъ шума и движенія. Есть же въ этомъ смыслъ и сила—однимъ изображеніемъ праздныхъ монаховъ да разсужденіями о безполезности монастыря—съ вопросомъ не покончишь. Я видѣлъ много монастырей, и всѣ они имѣли подъ собою почву,—Соловки, Валаамъ, Святыя горы—не чужеядными растеніями выросли среди народа и еще вопросъ, кто тому помогъ больше—они ему, или онъ имъ. Въ старое время, куда спасался крѣпостной, замученный рабъ, гдѣ онъ находилъ права и достоинства человѣка—на Ладожскомъ озерѣ или на бѣломъ морѣ, на Валаамѣ или въ Соловкахъ! Куда теперь уходитъ рабочій, и гдѣ его изобрѣтательность, геній, если хотите, развертывается въ полномъ блескѣ,—все тамъ-же! Куда дѣваться ливенской или елецкой мѣщанкѣ отъ побоевъ отца, отъ пріятной перспективы драчливаго и пьянаго мужа, куда ей уйти изъ темнаго царства русской средней семьи? Уничтожьте сегодня каменно-горскую обитель и—завтра станутъ кидаться въ Сосну мѣстныя Катерины. Вѣдь прорубь-то, все-таки, легче жизни подъ вѣчными побоями, въ безвыходномъ страхѣ,—жизни, гдѣ даже ласка является насиліемъ болѣе крѣпкаго и болѣе могучаго животнаго!.. Кабинетнымъ отрицаніемъ ничего не подѣлаешь въ вопросахъ, которые ставитъ жизнь.

СВЯТЫЯ ГОРЫ.

I.

Путь къ монастырю.— Соловьиная ночь.

Еще за-свѣтло выѣхали мы изъ тихаго, спящаго у своихъ соляныхъ озеръ Славянска. Позади смутно рисовались темные силуэты градирень и высокія, едва опушившіяся весеннею зеленью, березки съ черными шапками грачиныхъ гнѣздъ. До Святогорскаго монастыря было верстъ около четырнадцати. Пустынная дорога, пустынные луга по сторонамъ, только и оживляемые тѣсно сбившимися отарами, когда то помѣщичьихъ, а теперь перешедшихъ въ еврейскія руки овецъ. Заходящее солнце обливаетъ окрестности косыми лучами. Надъ нѣжною мелкою травой точно вздрагиваетъ золотистое пламя... Какая то рѣченка мерещится огнистымъ зигзагомъ—далеко-далеко, тамъ, гдѣ поля уже слились съ небомъ въ таинственные голубые сумерки... Прощальное сіяніе умирающаго дня зыблется и на придорожномъ озеркѣ, мимо котораго, мягко шурша по пыльному пути, катится нашъ экипажъ.

— Это все монашеское!—махнулъ рукою кругомъ мой спутникъ, когда мы отъѣхали верстъ десять отъ Славянска.

— И поля, и луга?

— Да... Прежде иноки сами хлѣбопашествомъ занимались, ну, а какъ пошли неурожаи, они и сдали крестьянамъ... У насъ крестьяне малоземельные, бѣдные. Промысловъ скудость. Соляной едва-едва кормитъ только... Да и тотъ для горожанъ. У насъ случается, что въ

крестьянина сходитъ податей и всякихъ сборовъ больше, чѣмъ онъ заработаетъ въ годъ!

— Кто же выручаетъ?

— Обитель. Кабы не она—помирай! И землю арендуютъ у монаховъ. Монастырю лучше и желать нельзя. Посѣвъ крестьянскій, а четверть урожая—обители...

Безоблачный день скоро смѣнился ясною лунною ночью... Дорога отъ фермы, тоже принадлежащей инокамъ, пошла по откосу крутой горы. Ущелье внизу сплошь заросло сосновымъ боромъ. Свѣтъ мѣсяца зыблется только на верхушкахъ деревьевъ — подъ нами. Глыбами матоваго серебра кажутся попадающіяся по дорогѣ мѣловыя скалы. Пахнетъ ночными фіалками, поднявшимися на горныхъ скатахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ оглушительнѣе орутъ лягушки. Въ этихъ лощинахъ и болотинахъ, по рѣкѣ Донцу и его притокамъ—миріады ихъ. Ни одной минуты тишины; концертъ продолжается до утра, и кажется, что каждая изъ пѣвицъ старается особенно отчетливо выдѣлывать свои однообразныя рулады. Впрочемъ, всякій, кто былъ здѣсь, согласится со мною, что, въ общемъ, это вовсе не такъ непріятно, какъ можетъ показаться... Вонъ вдали мелькнула облитая луннымъ блескомъ церковка и снова спряталась въ чащу деревьевъ. За нею пошли рощи, запахло дубовою порослью, и послышалась соловьиная пѣсня... Сначала рѣдкая, отрывистая, пропадавшая въ лягушечьемъ концертѣ, но чѣмъ ближе къ Донцу, тѣмъ все болѣе и болѣе громкая. Скоро вокругъ насъ пѣли тысячи соловьевъ. Я не знаю, съ чѣмъ сравнить эти звуки ночи. Не хотѣлось говорить вовсе, только слушалось... Соловьиная пѣсня какъ-то странно улаживалась здѣсь съ ораньемъ лягушекъ. Оно какъ-будто составляло фонъ, на которомъ выдѣлывали свои поэтическія трели неутомимые пѣвцы красивой Украйны... Понятіе о ночи не могло здѣсь ужиться съ представленіемъ о тишинѣ. Ночь была крикливѣе дня; точно каждый листъ этихъ задумчивыхъ рощъ проснулся подъ волшебнымъ свѣтомъ мѣс[illegible]сталъ, и пѣлъ намъ на встрѣчу... И что

ва очаровательная дорога шла передъ нами. Отсюда она уже прорыта на мѣловой горѣ. Серебромъ блещетъ подъ луною, голубыми сумеречными тонами уходитъ во тьму... Слѣва—стѣна мѣловаго откоса, справа—обрывъ въ соловьиную чащу.

Мы вышли изъ экипажа.

— Вы знаете здѣшнее повѣрье о соловьѣ и кукушкѣ?—спросилъ меня мой спутникъ.—Кукушка, видите ли, влюблена въ соловья, поэтому и кладетъ яйца въ чужія гнѣзда... Соловью тоже некогда вить, онъ все поетъ... закрывши глаза поетъ—самого себя слушаетъ. Народъ вѣритъ, хотя мальчишки сотнями истребляютъ соловьиныя гнѣзда... Вообще здѣсь кукушки подзадариваютъ соловья, лѣтомъ иногда начнетъ куковать,—соловей, озадаченный, смолкнетъ на минуту, но потомъ, точно раздосадованный, зальется такою трелью, что кукушка недовольно отлетаетъ прочь.

Монахи выбрали себѣ самыя лучшія мѣста. Самыя красивыя, самыя живописныя. Основатели обителей несомнѣнно были поэтами. Въ этомъ соловьиномъ царствѣ они взяли себѣ прелестнѣйшій уголокъ. Да и вообще, куда не заглянешь—если стоитъ обитель, значитъ, болѣе поэтическаго, болѣе красиваго мѣста по всей округѣ нѣтъ. Разумѣется, я говорю не о подгородныхъ лаврахъ позднѣйшаго времени. Эти основывались съ иными цѣлями, не имѣвшими ничего общаго съ намѣреніями древнихъ иноковъ, обрѣтавшихъ мѣста для своихъ пустынь среди первобытнаго захолустья...

— Зачѣмъ именно здѣсь поставлена обитель?—обратился я къ одному изъ монаховъ, попавшемуся намъ на пути.

— По указанію свыше!—Инокъ напиралъ на «о». Совсѣмъ волжскій говорокъ.

— Это же какъ?

— На темя горъ подобаетъ. Ближе къ Богу. Не сказано ли, «тако глаголетъ Господь: яко будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня и домъ Божій на версѣ горъ,

и возвысится превыше холмовъ, и пріидутъ къ ней вси языцы, и пойдутъ языцы мнози и рѣкутъ: пріидите и взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля и возвѣститъ намъ путь свой,—пойдемъ къ нему». Вы, по новой модѣ, поди, Ісаію не читали? Такими пустяками, по свѣтскому своему мудрованію, не занимаетесь? А? Современные люди?

— Отчего же?

— А коли, не въ примѣръ прочимъ, читали, то таковой текстъ у него во главѣ второй отыщете. Посему именно иноку равнина не подобаетъ. На низу намъ не добро быти. Вверху духъ питается, внизу — плоть, а духъ отягощается. «На верху горѣ даны бысть ему крылья». И этого текста не знаете?

— Не знаю.

— И не можете знать!—засмѣялся монахъ густымъ, жирнымъ, точно масломъ смазаннымъ баскомъ.—И не можете знать, потому не отъ куда. Ибо это я, по малоумію своему, изъ головы!.. И даны бысть ему крылья—да возлетитъ!

II.

Прошлое.

Успенскій монастырь у насъ почти неизвѣстенъ.

Мало кто изъ сѣверянъ посѣщалъ этотъ дивный уголокъ, хотя художникъ-природа создала въ немъ нѣчто дѣйствительно великолѣпное. Поросшія дубовыми лѣсами крутогорья праваго берега Донца возносятся здѣсь пятью громадными мѣловыми скалами, въ которыхъ человѣкъ, во время оно, пробилъ себѣ норы, ходы снизу вверхъ, спасавшіе его отъ нашествія половчанъ, отъ набѣговъ злой татарвы—пещеры на высотѣ воздушной, откуда на восемьдесятъ верстъ впередъ видны дремлющія подъ солнечнымъ свѣтомъ дали. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, по преданію, здѣсь уже была обитель, а гораздо ранѣе на мѣловыхъ скалахъ и въ захолустьяхъ у лѣниво струяща-

гося Донца спасались отцы-пустынники, обрѣвшіе образъ святителя Николая. Имя «Святыхъ горъ» впервые оффиціально встрѣчается въ книгѣ большого чертежа, въ 1547 году. На Святыя горы въ то время уже выставлялась стража отъ городовъ Рыльска и Путивля, охранявшая эту окраину отъ крымцевъ. Филаретъ, архіепископъ харьковскій, полагалъ, что пещеры въ Донецкой скалѣ были ископаны ближайшими послѣдователями преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ; а въ XIV вѣкѣ здѣсь уже существовалъ монастырь. Убогій храмъ его, въ тѣ отдаленныя времена, былъ сплошь охваченъ кругомъ дубовою чащею; первымъ инокамъ приходилось бороться не только съ набѣгами кочевниковъ, но и съ могучимъ лѣснымъ царствомъ, наступавшимъ на обитель отовсюду безчисленными полчищами своихъ вѣковыхъ великановъ. Тѣмъ не менѣе, о началѣ монастыря, о томъ: «кто оное пустынное жительство изобрѣлъ и въ горѣ сей церковь устроилъ», никакихъ свѣдѣній болѣе или менѣе точныхъ нѣтъ «за многими татарскими нахожденіи и раззореніи». Изъ Синодика Святогорскаго извѣстно только, что уже въ 1624 году черный попъ Симеонъ съ братіею получалъ здѣсь царскаго жалованья: ржи по двѣнадцати четвертей, овса по стольку же, и между прочимъ, изъ «кабацкихъ» доходовъ, денежнаго подаянія десять рублевъ. Въ одной изъ мѣловыхъ скалъ открыли глубокую подземную пещеру, въ которой, какъ оказалось, еще до основанія обители, былъ храмъ. Нѣсколько вѣковъ, въ безмолвіи и мракѣ ея, не слышалось ни одной молитвы, не теплилось ни одной лампады, и только лѣтъ сорокъ назадъ церковь возстановлена въ прежнемъ видѣ. Во времена оны, когда святые иноки заботились не объ одномъ благолѣпіи храмовъ и пріумноженіи благъ земныхъ, а стояли стражею на рубежѣ русской земли—и тутъ были нарыты монахами батареи, коими правили пушкари изъ черноризцевъ. Еще въ прошломъ столѣтіи въ монастырѣ хранились три мѣдныхъ и одна чугунная пушка. Воинственные монахи Святогорья, случалось, даже

у крымцевъ и нагайцевъ отбивали цѣлые косяки коней; а русскіе плѣнники, бѣжавшіе отъ мусульманъ, находили здѣсь вѣрный пріютъ. Какъ Соловки на сѣверѣ были изстари прибѣжищемъ для замученнаго крѣпостного мужика, такъ и Святыя горы на югѣ скрывали всѣхъ, гонимыхъ уніею, а порою и донцовъ, преслѣдуемыхъ царскими приставами. Въ одной изъ грамотъ, по этому случаю, даже изображено: «А буде донецкіе воры-черкасы учнутъ къ нимъ проситься въ монастырь для моленія—и они бы черкасъ въ монастырь не пущали и отъ нихъ отговаривались всякимъ обычаемъ». Впрочемъ, усердные молитвенники воры-черкасы не разъ и сами грабили монастырь. Такъ, въ 1644 году, они явились въ обитель, сначала отслужили молебны, честь честью, а потомъ, подумавъ, нашли, что пустынножителямъ, пріявшимъ на себя чинъ ангельскій, вовсе не къ лицу мірскія блага. По этому резонному соображенію, они ограбили монастырь до тла. Благочестивые донцы и послѣ не разъ облегчали такимъ образомъ инокамъ пути въ царствіе небесное. Они, впрочемъ, никому не давали пощады. Такъ, помолясь, они напали и на русскаго посланника, возвращавшагося изъ Царь-града, а немного спустя, умертвили ѣхавшаго въ Россію турецкаго посла съ его шестью сановниками. Въ тѣ времена Святогорскій монастырь стоялъ на крымской землѣ, и русскіе цари называли его обителью «что за чергою», т. е. за границею. Будучи, такимъ образомъ, передовымъ, зарубежнымъ форпостомъ нашимъ, Святогорье сослужило большую службу Россіи. Уже не говоря о томъ, что тысячи полоняниковъ-бѣглецовъ находили себѣ защиту за его стѣнами, на неприступныхъ скалахъ, игумены обители занимались еще чисто политическимъ шпіонствомъ. Они разузнавали о намѣреніяхъ крымцевъ и, не медля, доносили о томъ бѣлгородскимъ воеводамъ; посылали переодѣтыхъ и хорошо знакомыхъ съ татарскимъ обычаемъ полоняниковъ въ орду — и эти приносили тоже свѣдѣнія о силахъ собиравшихся для набѣговъ на наши рубежи.

Татары, впрочемъ, не оставались въ долгу. Такъ, въ 1679 году, они напали на обитель и, встрѣченные огнемъ иноковъ, недурно управлявшихся съ пушками, взяли штурмомъ монастырь, обобрали его и увезли съ собою воинственнаго архимандрита Іоиля и братію... И впослѣдствіи не разъ «сакмы» воинскихъ людей чинили всякія обиды и уводили монаховъ въ полонъ. Зачастую св. отцы пускались въ погоню на ладьяхъ и на коняхъ и отбивали такимъ образомъ своихъ полонянниковъ. Въ это время уже монахамъ принадлежало множество угодій. Они владѣли всею землею по Донцу верстъ на пять кругомъ, къ нимъ были приписаны села, имъ были отказаны и рыбные ловы, и промыслы, и кладези Славянскіе, въ которыхъ и тогда уже добывалось достаточно соли. Особенно повезло въ этомъ отношеніи монастырю въ тяжелую годину 1718 г., когда «грѣховъ нашихъ ради, попущеніемъ Божіимъ моръ великъ начался въ Бахмутѣ и въ Тору, а потомъ въ Изюмѣ и въ окрестныхъ градѣхъ и селѣхъ». Въ эту пору обитель возсіяла, аки адамантъ, и многими пожертвованіями пріукрасилась.

— Да, тогда были благочестивые люди! — вздыхають иноки о счастливыхъ временахъ лютаго мора...— И спасеніе душамъ своимъ получали... А нынѣ обитель — въ запустѣніи.

— Да вѣдь иноку нищета подобаетъ Помните притчу о верблюдѣ и игольномъ ушкѣ!

— Кая польза человѣку, аще весь міръ обрящетъ, душу же свою отщетитъ? Мы не о себѣ... Мы бѣдны, но пусть храмъ Божій будетъ богатъ, ему подобаетъ слава и великолѣпіе Намъ не надо! Мы не міряне, кои только о тѣлесѣхъ своихъ пекутся! Мы нищетою величаемся и униженіемъ возносимся!

Къ тому же времени относятся и возмущенія братіи, возставшей противъ своихъ архимандритовъ. Иноки, привыкшіе къ набѣгамъ въ татарскую сторону, тотъ же духъ отваги перенесли и на своихъ владыкъ, хотя дѣйствовали противъ нихъ болѣе въ современномъ вкусѣ —

доносами. Не подчиняясь имъ въ обители, сіи «поносные старцы» посылали въ консисторіи различныя обвиненія противъ настоятелей, а когда сихъ послѣднихъ «за неумѣренные поступки» удаляли—братія еще болѣе превозносилась гордынею, за что въ 1738 и 1739 годахъ въ монастырѣ началась моровая язва: всѣ іеромонахи, іеродіаконы, монахи—померли, остались только два инока простыхъ, лѣтъ по сту каждому. Послѣ того обитель опять возсіяла. Въ нее даже явилось много префектовъ изъ харьковскаго колегіума и профессоровъ философіи, что продолжалось до просвѣщеннаго игумена Филарета Финевскаго, который былъ смѣщенъ за великодушное увольненіе монастырскихъ крестьянъ на свободу. При его преемникѣ обитель была закрыта, причемъ иноки и до сихъ поръ съ негодованіемъ поминаютъ, какъ «екатеринославскаго намѣстничества господинъ экономіи директоръ, нѣмчинъ Корбе, прибывъ въ оный монастырь самолично, все экономическое и церковное имущество описавъ, отобравъ и не давъ никому въ пріемѣ онаго росписки», монашествующихъ изъ монастыря выслалъ». Имѣнія монастыря, до 2,000 крестьянъ и земли съ 30,000 дес. лѣса, подарены Потемкину Это случилось въ 1787 году.

Только черезъ семьдесятъ лѣтъ возникла эта обитель на прежнемъ своемъ мѣстѣ, но уже въ иномъ видѣ. Нѣкогда, опираясь на свои историческія заслуги и экономическую мощь, монастырь былъ самымъ крупнымъ хозяиномъ въ краѣ. Все ему подчинялось, капиталы сами текли въ его кассу приношенія копились въ ризницѣ. Монахи варили и добывали соль, рыболовство и звѣроловство по Донцу приносили имъ опредѣленный доходъ. На сотни верстъ чувствовалось вліяніе богатой обители, благопріятствовавшей крестьянству. Теперь подъ монастырь было отведено только 70 дес. земли, и записанъ на него капиталъ въ 10,000 рублей. Впрочемъ, унизиженное состояніе обители, какъ это будетъ видно изъ нашихъ очер-

...жалось не долго.

Пока монахъ дѣлился съ нами свѣдѣніями о бурномъ прошломъ Святогорья *), дорога свернула направо, и далеко внизу открылся такой дивный уголокъ, что мы остановились, какъ очарованные. Представьте себѣ изгибъ Донца, освѣщенный луною. Стѣны монастыря, колокольни и храмы, бѣлые среди черной рамки лѣса, какъ будто сползли къ рѣкѣ съ высокихъ горъ и пропали въ водѣ, оставивъ на спускѣ часовенки и церкви. Намъ сверху были видны дворы обители, блестящіе подъ лучами мѣсяца куполы, длинный рядъ келій съ черными окнами, кровли храмовъ, у которыхъ круглятся окутанные серебристымъ сіяніемъ раины каштановъ. Въ лѣсахъ и рощахъ вокругъ обители еще сильнѣе и громче разливаются соловьи, только мѣловыя горы стоятъ вдали, молчаливыя и величавыя, словно сторожа отъ кого-то эту чудную пустыню.

Лягушки внизу по Донцу орутъ во всю.

— Что твоя птица,—замѣтилъ инокъ.—Иная каналья такъ кричитъ, что всѣхъ превозвышаетъ своимъ гласомъ. Будто утка!

III.

Попъ на эпитеміи. — Гостиница.

На встрѣчу намъ попался оборванный попикъ. Впалые глаза страдальчески глядятъ на поблекшемъ лицѣ, руки и ноги развинчены—во всѣ стороны ходятъ. Онъ подобострастно поклонился монаху.

— Здравствуй, отче!—привѣтствовалъ его тотъ.

Попикъ поклонился еще ниже.

— Ну, что, писемъ нѣтъ?

— Нѣтъ... нѣтъ ихъ... нѣтъ, и не будетъ. Господи, Господи, Господи!—И попикъ какъ-то растерянно посмотрѣлъ на насъ.

— Богъ милостивъ!

*) Свѣдѣнія эти дополнены тѣми, которыя приводятся Филаретомъ, архіепископомъ харьковскимъ.

— Къ кому милостивъ, а къ кому...

— А ты не ропщи, неразумный!—И монахъ стукнулъ попика пальцемъ въ лобъ.—Тебѣ не дано понимать путей Его!

— Я не ропщу, отче... не ропщу... Червь я. Не ропщу, а воздыхаю! Отъ всѣхъ скорбей моихъ воздыхаю... Раздавленъ и изнеможенъ!

— Вотъ тоже,—безцеремонно указалъ на него инокъ,—на эпитимію къ намъ присланъ въ обитель. Жену имѣетъ, дѣтокъ!

— Пять дѣтокъ! Пять, отче!.. Охо-хо-хо!.. Пять, пять! Дѣтки малыя, неразумныя!

— А ты не ропщи! Ну, что заладилъ — пять! Богъ видитъ!

— Охъ, видитъ!—продолжалъ растерянно воздыхать тотъ.—Малыхъ... неразумныхъ...

Лицо его какъ-то задергало, искривилось. Изъ впалыхъ глазъ понуреннаго попика покатились слезы. Въ горлѣ захрипѣло что-то. Весь онъ точно осѣлъ разомъ.

— Охъ, видитъ... Пятеро, отче, пятеро! Благородные господа, пятеро! Гладны и хладны!.. Ножки у нихъ слабыя, что они могутъ? Охъ, пятеро!..

— Тоже,—желчно заговорилъ монахъ:—прислали къ намъ, а семья такъ осталась. Ни копѣйки у нихъ въ домѣ не было, какъ уходилъ. А нынѣ вѣстей нѣтъ; ни писемъ, ни вѣстей. Жестоко!.. А ты не ропщи!—опомнился онъ.

— Что ужъ роптать! Пятеро!.. Охъ, пятеро! Гдѣ-то... какъ-то головки мои?

— Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ я потомъ у монаха.

— Разводку повѣнчалъ. Жену, разведенную за прелюбодѣяніе. Соблазнился—и повѣнчалъ. Очень ужъ жалко ему стало, ну, и сопрягъ. Имъ ничего, а его къ намъ. Попикъ смирный, немощной попикъ. А семью жалко, за жестоковыйность отчю—отвѣтствуютъ младенцы!

Вздохи этого попика до сихъ поръ слышатся мнѣ. Душа болѣла въ нихъ. Видимо, къ каждому бросался съ

своею скорбію этотъ несчастный, каждому повторялъ: «Охъ, пятеро!»

— Кому молиться-то? — вдругъ обратился онъ къ иноку уже совсѣмъ злымъ голосомъ.—Кому?

— Ишь, какъ въ тебѣ нераскаянность твоя мятется!

— Мятется, отче, потому ожесточенъ превыше мѣры. Гладные... Кто призритъ? Кто? Попадья недужная, болящая—куда ей!.. Охъ, головенки мои бѣлыя, ножки мои слабыя!.. Пятеро!

— Смирись, попъ, смирись. Господь призритъ!

— Смирялся я, отче! Но испытуй въ мѣру!.. Въ мѣру испытуй, не терзай свыше возможности! — кричалъ уже ожесточившійся попикъ, поднявъ впалые глаза къ небу, такъ что жиденькая трепанная бороденка вся выставилась впередъ.—Не терзай, ибо возропщу на тя! Возропщу!..—переходилъ онъ опять въ рыданіе.

Тягучій ударъ колокола... другой... третій. Звонъ замиралъ гдѣ-то далеко, далеко за Донцомъ.

— Отца Мелетія не стало!—перекрестился монахъ.— Царство небесное! Со святыми упокой!.. О, Господи, пошли кончину праведную!

А позади шелъ себѣ, шатаясь, немощный попикъ въ гору. Видно, невыносимо въ кельѣ стало. Бѣлобрысенькія головенки дѣтей сновали передъ глазами, тьма давила, кроткая, слезная жалоба матери слышалась. Воздуху, наконецъ, дышать не стало отъ тоски, выбѣжалъ онъ и въ горы бросился съ своими кровавыми, отцовскими слезами.

— Вотъ и гостинница наша!—ввелъ меня монахъ-спутникъ во дворъ большого дома.—А вотъ и отецъ гостинникъ Іоаннъ. Богомольцы, господа благородные!—отрекомендовалъ насъ инокъ, передавая съ рукъ на руки.

— У насъ комнаты хорошія, просторныя!—таялъ гостинникъ.—Даже, которые простые богомольцы и тѣмъ всяческія предоставляетъ монастырь льготы... А для ипостасныхъ господъ мы по двѣ келіи отводимъ и постель даемъ... Сегодня вотъ только постели вамъ не будетъ. Тутъ одна боголюбивая харьковская помѣщица съ сы-

номъ пріѣхала—все подъ себя взяла. Вы уже потруждайтесь на диванчикѣ. По простотѣ. По монашескому чину!

— Все равно намъ!

— Изъ окошекъ у васъ мѣстоположеніе... На Донецъ выходитъ. Ежели—и отворить можно, для воздуха!

— Клоповъ-то, клоповъ! — брезгливо замѣтилъ мой спутникъ.

— Клопы? Клопы у насъ есть, и сколько угодно!— успокоилъ насъ инокъ.—Дѣйствительно, этотъ звѣрь къ нашей обители очень привер̆женъ... Но отъ него и пользы не мало... для умерщвленія плоти и для бодрствованія!

Гостинникъ—очень бойкій и юркій монахъ, глаза котораго обладали замѣчательною способностью въ одно и тоже мгновеніе перебѣгать по лицамъ богомольцевъ, по ихъ багажу, по стѣнамъ келіи. Говоритъ съ вами и въ тоже время рукою машетъ въ окно послушнику.

— Коли вамъ что потребуется—вотъ онъ вамъ послужитъ... Потрудись, братъ Аѳанасій, для господъ!

— Не благословите-ли вы насъ самоварчикомъ?

— Отчего-же, можно! — И гостинникъ юркнулъ въ дверь келіи.

Комната была неказистая, но просторная—за окнами Донецъ и обступившія его рощи, залитыя такимъ лунымъ свѣтомъ, что при немъ легко можно было читать книгу. Листья ясеней серебрились, въ каждой струйкѣ рѣки отражался мѣсяцъ. Точно расплавленное серебро текло тамъ, внизу, подъ нашими окнами. Майскіе жуки шуршали въ воздухѣ и со слѣпу чмокались въ стекла. Теплынь, красота, благодать!

— Сосѣдка ваша, боголюбивая харьковская помѣщица, посылаетъ вамъ для души...—И гостинникъ подалъ брошюру съ какою-то проповѣдью.

— Кто она такая?

— Благочестивая госпожа... Десятый годъ вдовствуетъ— обителямъ благотворитъ... Пшь, кровопивецъ! У нея сынъ есть, семнадцати лѣтъ, и повѣрите-ли, такъ она его въ чистотѣ и непорочности доселѣ соблюла. . . .

Одна дочь ея въ инокиняхъ. Ангельскій чинъ сподобилась пріять. И по сейчасъ она съ сыномъ, ставъ на молитву въ девять часовъ, творитъ оную. А въ двѣнадцать часовъ ночи пойдетъ въ соборъ на утреню!

— Неужели у васъ утреня такъ рано?

— Въ полночь, ровно! Егда апостолъ Петръ Христа отрекся. Въ четыре часа ранняя обѣдня. Колоколъ васъ разбудитъ. Въ девять часовъ обѣдня поздняя, а въ двѣнадцать—милости просимъ отъ нашей скудости отвѣдать въ трапезную. Мы всегда обѣдаемъ въ полдень. Завтра полагается рыба—своя, свѣжая, изъ Донца. Въ пять часовъ—вечерня. У насъ богослуженіе истое... Пѣвчіе хорошіе. Изъ Петербурга одинъ сановникъ пріѣзжалъ, «Свѣти тихій» запѣли—восплакалъ. Очень уже въ немъ духъ возчеся отъ нашего пѣнія. Клиръ сладкогласный — у насъ даже пѣвецъ есть, говорятъ, изъ театра.

— Это какъ?

— А по слабости своей и по наущенію діаволю—ахтеромъ былъ. Но нынѣ исправился—хорошій монахъ сталъ. Находитъ на него—по горамъ свѣтскіе канты воспѣваетъ, ну, мы его смиряемъ тогда. Навозъ посылаемъ возить, ибо не подобаетъ иноку!..

— Молитвами святыхъ отецъ!..—послышалось у дверей.

— Помилуй насъ, Боже!—отвѣтилъ гостинникъ, и послушникъ внесъ самоваръ въ комнату.

IV.

Во дворѣ обители.—Трапезная.—Чайная.

Мнѣ не спалось. Лягушечій концертъ и соловьиныя пѣсни донимали до измору. Я вышелъ во дворъ гостиницы. Зданіе ея образовало правильный четыреугольникъ въ два этажа, одинъ фасадъ его—общія комнаты для простыхъ богомольцевъ, деревянный, на каменныхъ столбахъ, остальные три—кирпичные, прекрасно выстроенные. Къ Донцу выходили отдѣльные нумера, къ задней

стѣнѣ примыкала столовая и чайная для крестьянъ. Дворъ былъ ярко освѣщенъ луною, отъ стѣнъ падала тѣнь. Слышался храпъ оттуда, подхожу— масса богомольцевъ прямо на дворѣ расположилась въ повалку. Котомки подъ головы. Должно быть, въ общихъ комнатахъ душно стало... Издали—точно груды тряпья навалены; только, подойдя, замѣчаешь, что изъ подъ этихъ грудъ выбиваются руки и лица съ широко открытыми ртами. Дышатъ во всю здоровенныя груди. Псы тутъ же свернулись калачиками и повизгиваютъ во снѣ. Большинство этихъ богомольцевъ съ Дону пришло пѣшкомъ. У иныхъ посѣщеніе обители обратилось въ страсть. Какъ весною потянетъ, такъ и снимаются съ мѣста. Идутъ сырыми понизями, иной разъ по колѣна въ водѣ разливовъ. Не дождутся даже, когда спадутъ они. Случается, что у такой партіи богомольцевъ гроша за душой нѣтъ, но въ селахъ по пути ихъ кормятъ и поятъ. Этнографу я посовѣтовалъ бы провести лѣто въ обители, здѣсь онъ можетъ изучить всѣ типы южно-русскаго крестьянства. Каждый уголокъ Украйны и Новороссіи посылаетъ сюда своихъ представителей. Тутъ и обожженные солнцемъ греки изъ Крыма, и колонисты-болгары, разжирѣвшіе на льготныхъ русскихъ угодьяхъ, и медлительные хохлы, и станичники, и русскіе кацапы, гнѣздами засѣвшіе по Украйнѣ. Случаются даже и цыгане, хотя трудно сказать, что гонитъ ихъ сюда въ пеструю массу обычныхъ посѣтителей монастыря. Богомольцевъ кормитъ обитель за свой счетъ. Имъ полагается—кулешъ, щи, каша ячная, которыя готовятъ на особой кухнѣ монахи. Щи, разумѣется, безъ мяса, а каша безъ масла, изрѣдка только конопляннымъ смажутъ. «Для блеска», какъ выразился одинъ монахъ юмористъ. Ѣдятъ разъ въ день на иноческій коштъ, въ остальное время—хочешь, бери въ три дорога или въ лавкахъ монастыря, или въ арендуемыхъ у обители магазинахъ. Во дворѣ — цѣлые ряды торговокъ сидятъ съ разными немудреными явствами; у нихъ богомольцы скупаютъ все.

Самая трапезная для богомольцевъ отдѣльно отъ монастырской: длинная, громадная столовая. «Божій звѣрь», какъ говорятъ иноки, т. е. тараканъ, чувствуетъ себя здѣсь полнымъ хозяиномъ. На кухнѣ, въ трехъ котлахъ помѣщаются 120 ведеръ щей, часто и этого, впрочемъ, не хватаетъ. Котлы эти привели бы въ неистовый восторгъ Петра Петровича Пѣтуха; ихъ работали по спеціальному заказу; въ одномъ, самомъ большомъ, варится 70 ведеръ, въ двухъ другихъ—по 25.

— Кладязи Авраамовы! —замѣтилъ монахъ, показывая мнѣ кухню.

— Почему же Авраамовы?

— Да люди тогда, сказываютъ, больше были, и историческія доказательства есть на то; каковъ, напримѣръ, долженъ былъ быть оселъ, если одною челюстью онаго Самсонъ перебилъ столько народу?

Квасная для богомольцевъ отдѣльно. Бочки—цѣлые дома. Въ столовой буфетъ каменный, за нимъ старикъ-монахъ, подслѣповатый ворчунъ.

Кромѣ этой столовой, монастырь выстроилъ для богомольцевъ чайную. Такая же громадная казарма, поддерживаемая двумя рядами столбовъ. Обитель даетъ отъ себя только посуду и кипятокъ, за буфетомъ опять монахъ.

— Мы тутъ мирволимъ рабамъ Божіимъ!

— Какъ же это?

— Чиновницъ, которыя есть, сажаемъ отдѣльно—по сословіямъ: кесареви кесарево воздаемъ. Вонъ за тотъ столъ чиновницъ, за этотъ которые попроще, а въ самомъ углу, ужъ если настоящіе господа пожелаютъ!

Чайная разсчитана на 350 человѣкъ, кипятокъ готовится въ двухъ кубахъ на 40 и на 50 ведеръ.

И это все обитель создала въ тридцать лѣтъ существованія, ничѣмъ не торгуя и ничего не производя.

Въ Соловкахъ положеніе богомольца гораздо лучше. Ему идетъ и уха, и рыбы въ волю, и хлѣбъ бѣлы Тамъ они наѣдаются до отвала. Святогорье—экономи

и даетъ въ обрѣзъ, хотя зачастую богомолецъ, несмотря на свои лохмотья и истощавшій видъ, жертвуетъ въ пользу обители по нѣсколько сотъ рублей.

— Вонъ онъ, оборванецъ какой,—показывалъ намъ служитель гостинницы богомольца, къ которому подойти нельзя было.—Свинья-свиньей! А вчера пришелъ и на обитель восемьсотъ рублей прожертвовалъ. Вотъ и поймите его, каковъ онъ. Иные изъ нихъ побогаче, нарочно нищими одѣваются, по обѣту... Идетъ—подаяніе собираетъ, тѣмъ и кормится; а въ лохмотьяхъ-то у него сотни зашиты... Тутъ, въ одной обители, какое дѣло было! Станишникъ, казакъ, пришелъ и тысячу рублей пожертвовалъ. Свои-то знали его, диву дались, откуда у него благодать такая. Ну, онъ только молчитъ, ни слова. Потомъ уже оказалось. Это онъ, казачишка-то, полагая Господу Богу угодное сдѣлать, ограбилъ по дорогѣ госпожу одну и деньги эти цѣликомъ въ обитель, ни единой копѣйки на себя не истратилъ. Вотъ у нихъ какое понятіе. Усердія много, но и невѣжество притомъ неистовое. Необузданность въ нихъ эта торжествуетъ!

— Что-жъ потомъ съ этимъ казакомъ было?—заинтересовались мы.

— Богъ, ради обители, все же его вызволилъ изъ бѣды. Госпожа его простила и деньги въ обители оставила!

Усердіе богомольцевъ внѣ всякихъ сравненій. Хохлушки, напр., ночью выходятъ изъ келій женскаго отдѣленія во дворъ и тутъ цѣлые часы простаиваютъ, колѣнопреклоненныя на громадныхъ булыжникахъ, и молятся. Нѣсколько попалось и мнѣ.

— Повѣрите-ли, онѣ это и въ дождь—все равно! Больше, которыя безплодны. По вѣрѣ и исцѣленіе бываетъ. Иная три ночи въ грязи такъ-то выстоитъ, ну, а вернется въ домъ мужній и зачнетъ во чревѣ своемъ. Дѣвушки тоже, кои замужъ хотятъ... Наша обитель многимъ помогаетъ; мѣсто тутъ старое, намоленое. На важ[illegible]ѣ слеза лилась!.. Истиный домъ Божій!

Бабы, впрочемъ, молились очень оригинально: двѣ, напримѣръ, стоятъ рядомъ на колѣняхъ и въ перемежку съ молитвами переругиваются. Одна никакъ не можетъ забыть, что тетка у сосѣдки была колдунья; сосѣдка же очень резонно доказываетъ, что мужъ ея товарки укралъ у попа борова... послѣ такихъ антрактовъ онѣ съ еще большимъ жаромъ принимаются за молитвы и земные поклоны на видимый отсюда крестъ собора. Потомъ опять вдругъ выступаетъ на сцену зажиленная намиста, неизвѣстно куда исчезнувшій очипокъ.

— Я казала въ дому бери черевики, дакъ чижь буду въ чеботахъ!—слышится съ другой стороны голосъ также колѣнопреклоненной богомолицы.

А соловьи заливаются во всю, мѣсяцъ еще пуще разгорается надъ этимъ плѣнительнымъ уголкомъ Святогорскаго захолустья.

Не хочется идти въ душную келью.

V.

Утро на Святыхъ Горахъ.—Видъ монастыря.

Что за чудесное было утро, когда изъ душной келіи гостинницы я вышелъ къ Донцу. Берега поросли тюльпанами. Маслистый запахъ ихъ слышенъ далеко. Барвинки голубѣютъ повсюду, точно глаза украинской красавицы наивно улыбаются вамъ изъ густой чащи; желтыя головки полевой ромашки нахально выскакиваютъ изъ травы. Розовые кусты райскаго дерева словно хотятъ разорвать изгороди. Задыхаешься отъ аромата, что вѣетъ съ весеннихъ полей. Пушистая первая зелень на вербахъ, низко клонящихся къ водѣ. Щеглы задорно перекликаются въ ней, смѣнивъ заснувшихъ поэтовъ ночи—соловьевъ. На береговомъ пескѣ неподвижно стоятъ, глядясь въ воду, какъ въ зеркало, трясогузки... Точно гдѣ-то далеко-далеко дуетъ вѣтеръ по взморью,—жужжитъ пчела въ нѣжной листвѣ только что проснувшагося лѣса.

•

По Донцу перебѣгаетъ тѣнь отъ колышущихся вѣтвей. Вмѣстѣ съ тѣнью ползутъ по рѣкѣ плоты. Ползутъ, лѣниво поскрипывая... Много тутъ рубятъ лѣсу. «Изводятъ Донецкія чащи», жалуются монахи. Солнце еще не жжетъ—а только грѣетъ, любовно-ласково грѣетъ. Лучами его пользуется и разросшаяся куриная слѣпота, и суховатая южная фіалка... Лягушонокъ повисъ въ водѣ головой вверхъ—тоже наслаждается тепломъ и свѣтомъ.. Подойдешь—моментально налѣво кругомъ и бултыхъ на дно! Квакушки перекликаются одна съ другой... Здѣсь нѣтъ запаха морской воды, нѣтъ того простора, что въ Соловкахъ, крики чаекъ не будятъ безбрежной пустыни неба—за то природа улыбается вамъ такими красками, оглашаетъ васъ такими кипящими жизнью звуками и пѣснями, какихъ не знаетъ угрюмый, убогій сѣверъ... Чужда этому теплому лѣнивому югу суровая энергія поморянъ; не трудится здѣсь въ потѣ лица своего созерцательный инокъ. Не надуваетъ свѣжій вѣтеръ парусовъ кораблей, приплывающихъ съ отдаленнѣйшихъ каменныхъ береговъ океана... Вспѣненныя волны не бьются, какъ тамъ, въ гранитныя пристани, обдавая солеными брызгами богомольцевъ и, точно евангельская Марія, обмывая протянутыя къ самой водѣ подножія вѣковой обители... Едва струится задумчивый Донецъ, точно ему жаль разставаться съ этими тихими берегами... Точно не хочетъ онъ выйти изъ подъ тѣни этихъ зеленыхъ облаковъ весенней зелени...

Я уже говорилъ, что Успенскій монастырь сползъ къ Донцу.

Видъ его безподобенъ. Горный кряжъ поросъ дубомъ и сосною. На высотѣ—надъ зелеными облаками лѣса—куполъ церкви и ея бѣлыя стѣны. Ихъ полувоздушныя очертанія тонутъ въ синевѣ безоблачнаго неба... Нѣсколько ниже, горный кряжъ изрѣзанъ группою мѣловыхъ скалъ. Синею тѣнью отдѣляются онѣ одна отъ другой. На нихъ платформа, надъ платформой небольшой монастырь св. Николая, съ колокольнями и куполами. Точно

корабль, плававшій въ просторѣ неба и остановившійся здѣсь на этихъ бѣлыхъ вершинахъ. Кругомъ балкончики, галерейки. Все это кажется микроскопическимъ, но еще меньшими кажутся черныя точки ползающихъ тамъ монаховъ. Скалы конусообразны. Внизу всѣ онѣ сливаются въ одну общую мѣловую массу, и только верхушки возносятся сахарными головами. Точно вся эта масса поднималась снизу вверхъ, чтобы достигнуть небесныхъ высей, и безсильная остановилась на полпути, сохранивъ въ самыхъ контурахъ свое стремленіе къ этой недосягаемой цѣли. Въ скалахъ—черныя точки подземныхъ келій, кажется, что это не утесы, а фантастическая бѣлая постройка циклоповъ. Отовсюду охвачена она зеленою дремою дубоваго царства; на темномъ фонѣ его, очертаніе бѣлыхъ конусовъ выдѣляется еще рѣзче, еще красивѣе... Сверху внизъ, то прячась въ чащу, то поблескивая на солнцѣ—зигзагъ крытой галереи прямо къ монастырю. Сама обитель внизу, совсѣмъ внизу, у восхитительнаго Донца, съ ея бѣлыми стѣнами, красивыми домами, съ монументальными островерхими колокольнями собора, высоко возносящаго свой золотой крестъ. Налѣво—бѣлыя стѣны гостинницы. А еще лѣвѣе, верстахъ въ трехъ, среди зеленой чащи горнаго ската, пріютилась вилла, которая до сихъ поръ носитъ имя Потемкиной.

Я долго смотрѣлъ на эту дивную картину, не отрываясь. Ни одного дисонанса не было въ ней. Самыя разнообразныя детали сливались въ одно величавое цѣлое. Все это такъ сгруппировано, что, любуясь подробностями, глазъ ни на минуту не теряетъ общаго. Желая взглянуть на обитель съ еще болѣе отдаленнаго пункта—я подошелъ къ парому. Нѣсколько ниже, Донецъ дѣлится на рукава, образуя острова, сплошь заросшіе осинами, дубами и березами. Оттуда обдаютъ васъ щебетаніемъ и гамомъ цѣлыя тучи мелкой лѣсной птицы. Словно золотыя, видны сквозь чащу соломенныя кровли села. Лиловый дымъ отъ трубъ стоитъ надъ лѣсомъ. На па-

ромѣ, приставшемъ къ нашему берегу, хохлушка. Въ рукахъ у нея двѣ утки и селезень.

— Что это ты?

— Да святить. Въ монастырь...

— Онѣ и пѣтуховъ святить приносятъ!—замѣтилъ неодобрительно монахъ-перевозчикъ...

VI.

На паромѣ.

Толпа хохлушекъ въ бѣлыхъ и сѣрыхъ охабняхъ усердно отбиваетъ на движущемся паромѣ земные поклоны. На противоположномъ берегу тоже самое повторяютъ бабы, только что подошедшія и ожидающія перевоза. За ними—зеленые понизи. На понизяхъ веселыя рощицы, смутные очерки далекихъ лѣсовъ. Общее впечатлѣніе—красота, миръ и покой.

— Ты куда? Ты куда?—хватаетъ одну хохлушку за охабень, юркій перевозчикъ-монахъ.—А деньги забыла?

— Нема грошей!

— Ахъ, грѣшница-грѣшница! Кого обмануть ты хочешь? Бога надуваешь!

— Нема грошей! — повторяла оторопѣвшая бабенка.

— Ну, иди... Назадъ уже тебя не перевезу... А у тебя что?—обернулся онъ къ завязанной бабѣ. Точно что узелъ какой-то стояла она на паромѣ.

— Хвороба!

— Ну, ступай къ намъ въ больницу... Тамъ святой есть, отъ разныхъ недуговъ милуетъ, даже и отъ порчи спасаетъ... Ежели съ вѣрою. Господь у насъ помогаетъ, потому мѣсто святое. Вишь, въ другихъ мѣстахъ соловьи цѣлый день не поютъ, а тутъ во какъ!

И дѣйствительно, только что разгорѣлся день, соловьи опять защелкали, засвистали въ рощахъ.

Я разговорился съ перевозчикомъ. Оказался изъ купе-

ческихъ приказчиковъ. Всю свою лавочную складку сохранилъ. Зашла рѣчь о Кіево-Печерской лаврѣ.

— Что лавра!.. У насъ лучше!.. Позапрошлый годъ постомъ пятнадцать тысячъ богомольцевъ было. Нонѣшній плохо торгуемъ... восемь тысячъ только... Ну, да и то у Печерской-то наши Святыя горы всю коммерцію отбили;—наивно живописалъ монахъ, отплывая отъ берега.—Мы, какъ бы вы полагали, двѣсти человѣкъ наемныхъ рабочихъ держимъ, по пятнадцати рублей каждому въ мѣсяцъ идетъ. Вотъ онъ какой хозяинъ — монастырекъ-то нашъ. Харчъ имъ тоже отпущаемъ хорошій!

— Вонъ, въ Соловкахъ добровольные рабочіе по году живутъ!

— То въ Соловкахъ... У насъ мужикъ не такой. На мѣсяцъ, на два еще приходятъ—и то подъ весну въ голодную пору.. А такъ, чтобы круглый годъ не бываетъ. Иной разъ случается тоже не по усердію, а по эпитеміи... Наложутъ на него эпитемію три мѣсяца в обитель потрудиться, ну, онъ точно. Въ потѣ лица своего... Да мы и безъ этого, славу Богу! Одна наша мельница тыщъ пятнадцать доходу даетъ, а то бываютъ годы, что и больше. Мы торгуемъ хорошо... Вы какъ полагаете, у насъ между монашествующими и профессора и полковники... Даже одинъ генералъ, настоящій, военный генералъ есть! У насъ шибко..

Когда я возвращался назадъ, на паромѣ была давка. Толпа богомольцевъ стѣснилась. Маленькіе юркіе странники въ скуфейкахъ, совсѣмъ не сѣвернаго типа... Тѣ неповоротливые грузные, кудлатые, брюха на вынось, сапоги—человѣкъ въ нихъ помѣстится! Это ловкіе, вороватые, обожженные на солнцѣ. Въ толпѣ имъ не то что жутко, а опасливо. Оглядываются на каждаго крестьянина. Потираются, точно имъ холодно.

Монахъ-перевозчикъ по своему понялъ ихъ.

— Чего мятетесь? Ежели на счетъ паспортовъ,—такъ у насъ свободно. У насъ обитель,—не полиція... мы не

спрашиваемъ, кто еси и откуда... А всѣхъ обремененныхъ пріемлемъ!

Многимъ, дѣйствительно, полегчало. Не такъ опасливо озирались они въ толпѣ послѣ успокоительнаго слова перевозчика.

Пристали къ берегу. Монахъ опять у выхода съ парома.

— Рабы Божьи... по усердію, на пользу святыя обители... Богъ наказуетъ, если кто не подаетъ... По силамъ, рабы Божіи, по силамъ, кто сколько! Ей, вы тамъ— оглянулся онъ на юркихъ странниковъ, проскользнувшихъ у него за спиной:—воровская порода, почему не дали? Давайте, давайте, по усердію, на пользу святыя обители. Что же, рабы, скорѣе... Мы же молимся за васъ, православныхъ христіанъ *)!

И пятаки, и трешники, и копѣйки сыпались въ горсть монаху, зорко заглядывавшему въ мошны мужикамъ и бабамъ.

— Что мало дала!.. Ишь, у тебя монисто какое! Давай больше, раба, больше давай! Тебѣ на томъ свѣтѣ зачтется. . Ну, рабы, по силѣ возможности... Ишь, уходятъ... по усердію! .

. . . .

Мѣдь еще шибче посыпалась въ раскрытую горсть.

— Вотъ благодарю! — отозвался онъ на чей-то двугривенный.—Господи, спаси и благослови!

— Наше дѣло трудное, -- живописалъ потомъ отецъ Трофимъ-перевощикъ, показывая мнѣ ободранныя руки.— Вотъ оно какъ! Этотъ паромъ обитель едва оттягала. Перевозъ-то съ торговъ шелъ; ну, одинъ мірянинъ и отбилъ,—дороже далъ. Становой, слава Богу, помогъ, спаси его душу: запретилъ перевозить на томъ мѣстѣ, и мірянинъ поневолѣ обители передалъ и большіе за жестоковыйность свою убытки понесъ. Чрево-то теперь не

*) Считаю необходимымъ оговориться. Въ Святыхъ горахъ это былъ единственный случай вымогательства. Тутъ иноки лично, дѣйствител[illegible] чо къ даянію благу.

распускаетъ, похудалъ даже, съ лица спалъ. А мы ничего, торгуемъ хорошо!

На противположный берегъ опять привалила партія богомольцевъ. Земные поклоны отбиваютъ, прямо лбомъ въ песокъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, рабы Божіи!—кричитъ имъ отсюда отецъ Трофимъ, отваливая... И опять скрипитъ канатъ, и опять обрываетъ себѣ руки перевощикъ.

VII.

Монастырскія дамы.—Женская больница.

Не успѣлъ я попрощаться съ отцомъ Трофимомъ, какъ на встрѣчу намъ красивый, рослый, но хмурый монахъ, ряса шелковая. Вокругъ дамы, потертыя, изношенныя, въ черныхъ платьяхъ, губы сжаты великопостно. Глаза завидующіе, щеки подбѣлены, волоса жиденькіе, колечками на лобъ. Такъ и пахнуло на меня отъ нихъ камфорой, оподельдокомъ, креозотомъ и ладономъ. У нихъ всегда подобный запахъ. Полъ-жизни онѣ сплетничаютъ—остальную молятся и плачутъ. И все по обителямъ. Живутъ мѣсяцъ, другой—свиваютъ часто гнѣздо около монастырей...

. . . . .

— Эта масть и у насъ развелась!—кивнулъ на нихъ худой, сморщенный монахъ, съ которымъ я заговорилъ по пути.

— А что?

— Ходятъ, шельмы, по всѣмъ дворамъ.

— Чего имъ надо?

— Совмѣстныхъ молитвъ просятъ. Всѣ онѣ Богомъ обижены. Ишь, мордастыя какія! . . Я одну такую изъ своей кельи за руку на дворъ вывелъ, тамъ поставилъ ее передъ соборомъ и въ затылокъ ткнулъ, чтобы покаялась, а потомъ плюнулъ ей на хвостъ и отошелъ прочь—въ мирѣ... Отъ нихъ не убережешься! Р-

лѣсъ пойдешь—она ужъ тутъ какъ тутъ: передъ глазами подоломъ вертитъ и льстивыми словесы тебя ульщаетъ.

. . .

И сколько ихъ, этихъ дамовъ, къ намъ ѣздитъ!.. Ну, только шельмъ, Господь тоже, надо полагать, не пожалѣетъ. Блудницы вавилонскія! Гнилозубыя!

— Покаются въ свое время!

— Онѣ и каются-то какъ! Ишь, волоса въ колечки. Будутъ мучимы день и ночь, и дымъ мученій ихъ воспаритъ до небесъ. Подрумянятъ щеки да каются...

— Экъ, вы злы на нихъ!

— Да ужъ очень доняли. Комаръ этотъ и мошкара—лѣтомъ не такъ томятъ. Вонъ этотъ инокъ—изъ за вѣжливости своей страдаетъ, духу у него нѣтъ крикнуть имъ: ступайте вонъ, подлячки!

При монастырѣ живутъ прачки—бабъ шестьдесятъ, и молодыхъ, и старыхъ. Онѣ моютъ полы въ келіяхъ, окна, стираютъ бѣлье инокамъ, трапезную въ чистотѣ содержатъ. Онѣ же помогаютъ и въ женской больницѣ, устроенной для богомолокъ при обители. Тутъ за недугующими и страждущими ухаживаютъ старушки «вродѣ какъ бы монашки», пояснилъ мнѣ инокъ. Больницу эту я осматривалъ. Она открыта на пятнадцать кроватей. Воздухъ прекрасный, содержаніе безукоризненно. Всѣ издержки принимаются на счетъ монастыря.

— Умирающіе тутъ за рѣдкость,—пояснилъ мнѣ тотъ же монахъ.—Случается, привезутъ—на ладонъ дышетъ, но оправляется. Потому у насъ воздухъ цѣлебный

. . Иная встанетъ и пѣшкомъ до Кіева еще сходитъ. Мы и фельдшера для больныхъ держимъ. Сначала ему деньги платили, а потомъ убѣдили иноческій санъ пріять. Теперь онъ монахъ; и ему лестно, и монастырь выгадалъ. Все на пятьсотъ рублей въ годъ расходу меньше. Доктора нанимаемъ свѣтскаго изъ Славянска. То-ли бы дѣло, коли-бы и тотъ постригся. Совсѣмъ бы тогда наша больница на ноги встала. У насъ въ обители у[illegible] [illegible]аже зимой и то не скучно. Вы какъ ду-

маете, мы и училище содержимъ. Верстахъ въ семи отъ монастыря. Мальчиковъ на пятьдесятъ!

Учить дѣтей посылаютъ стариковъ-монаховъ. Въ самой обители мальчиковъ и слишкомъ молодыхъ послушниковъ не держутъ вовсе, по весьма понятнымъ причинамъ. На югѣ могли бы развиться совсѣмъ неподходящія къ достоинству обители отношенія. Окрестному же населенію вообще монастырь старается быть полезнымъ. И вліяніе его все растетъ и растетъ. Такъ, напримѣръ, случился около пожаръ; обитель не только послала свои инструменты, но погорѣвшимъ выдала пособіе отъ десяти до пятидесяти рублей. Разумѣется, всѣ такіе расходы возвращаются почти сторицею. Монахи слишкомъ хорошіе хозяева, чтобы бросать деньги даромъ. Какъ Соловки на сѣверѣ, такъ и Святыя горы здѣсь—типы хозяйственной общины. Отъ умнаго помѣщика одно отличіе: тотъ на себя старается, а эти на обитель усердствуютъ. Поставьте въ укоръ иноку слишкомъ ужъ промышленный характеръ его дѣятельности—отвѣтъ готовъ:

— Мы не на себя... мы на благолѣпіе обители!.. Намъ не надо! Мы нищетой возносимся и уничиженіемъ величаемся!

VIII.

Соборъ. —Сѣверный и южный монахъ.

Въ самомъ монастырѣ, посреди двора, уложеннаго плитами—громадный соборъ. Не смотря на всю свою массивность, онъ кажется чрезвычайно легкимъ, съ четырьмя угловыми и пятою—высокою, посрединѣ его колокольней. Величавое зданіе это обошлось обители вчернѣ въ 300,000 р. и, что всего замѣчательнѣе, строилось оно простымъ полтавскимъ крестьяниномъ-подрядчикомъ, безъ всякой помощи ученаго архитектора. Меня поразила въ этомъ соборѣ соразмѣрность и красота линій, соотвѣтствіе частей. Ни башенки не давили массу собора, ни самый корпусъ его не казался слишкомъ великъ для нихъ. Къ со-

жалѣнію—монахи думаютъ, по своему обыкновенію, аляповато росписать его стѣны снаружи и тѣмъ, разумѣется, уничтожать впечатлѣніе, производимое имъ теперь.

Крестьянинъ, строившій соборъ, работалъ почти безвозмездно—изъ усердія.

— Въ городахъ ему работы мало... Начальство воспрещаетъ безъ архитектора, ну, а у насъ онъ по своей вольной волѣ...

Строитель при этомъ оказался еще и полуграмотный. То же явленіе, на какое я наткнулся и въ Соловкахъ. Только Святыя Горы, разумѣется, далеки отъ нашей сѣверной обители. Въ Соловкахъ каждый камень полонъ воспоминаніями. Цѣлые вѣка протекли надъ обителью. Въ ея башняхъ, келіяхъ и стѣнахъ — живетъ лѣтопись славнаго прошлаго. Плѣсень и ветхость дряхлѣющихъ построекъ, рядомъ съ циклопическими сооруженіями, пережившими четыреста лѣтъ, кажутся вамъ страницами открытой книги, на которыхъ вы читаете краснорѣчивыя былины о борьбѣ и страданіяхъ, о ростѣ этого крестьянскаго царства. Самые типы монаховъ тамъ чудятся вамъ тѣми же, какими они были во время шведскаго раззоренія. Тѣни Зосимы и Савватія какъ будто еще бродятъ въ дремучихъ лѣсахъ Анзеръ и Муксальмы. Тутъ иное дѣло. Святогорье пахнетъ не плѣсенью старины, а лакомъ, масляной краской и известкой. Оно возникло только вчера; отъ прошлаго здѣсь, внизу, не осталось ничего. Это чистенькій и богатый мѣщанинъ, строющій купеческія хоромы и расписывающій по суздальски ихъ внутреннія стѣны. Это созданіе послѣдняго времени, безъ стараго величія. Тамъ навороченъ цѣлые утесы, здѣсь всюду кирпичная кладка. Одно зданіе собора не измѣняетъ еще этого впечатлѣнія. Сверхъ того, въ Соловкахъ повсюду вы видите могучую волю, богатырскій розмахъ. Тамъ мужикъ строилъ мосты черезъ море, заваливая его скалами. Не красиво, за то прочно создавалъ, по медвѣжьи. Здѣсь, черезъ Донецъ, возятъ на паромѣ, хотя на [illegible]ожный берегъ рукой подать.

— Отчего бы вамъ моста не поставить?

— Лѣтомъ ставимъ... деревянный... Теперь не время... Осенью снимаемъ.

— Вамъ-бы настоящій завести!

— Это мірское дѣло!

Тутъ есть тоже скопидомство, но Соловецкое соединено съ замѣчательною предпріимчивостью. Соловки изобрѣтательны. Это широкая натура, покоряющая море, срывающая цѣлыя горы себѣ въ угоду. Здѣсь, въ Святыхъ Горахъ, кулачество мѣщанское, наживное, копѣечное. Тутъ не рубль создаетъ милліоны, а только копѣечка рубль бережетъ... Это разница, и разница большая... Тамъ соловчанинъ-монахъ не на одних даровыхъ, да наемныхъ работникахъ выѣзжаетъ; тутъ святогорецъ самъ ни за что не возьмется. Соловецкаго монаха вы увидите съ топоромъ, съ сѣтью въ рукахъ, съ киркой. Онъ и землю роетъ, и стѣну кладетъ, и лѣсъ рубитъ, и рыбу ловитъ, и звѣря бьетъ, и соль варитъ, и доки строитъ, и мореходствуетъ. Святогорецъ нанялъ себѣ человѣкъ двѣсти рабочихъ и благодушествуетъ въ теплѣ благодатнаго юга. Мѣсто монастыря внизу все срыто. Тутъ прежде холмы стояли, ихъ сняли. Лощины засыпали. Но все это сработано не монашескими руками. «Наймали грабарей». Иноки только присматривали за ними. На соловецкихъ островахъ дороги пробиты руками крестьянъ-монаховъ; здѣсь путь въ Славянскъ, дорожки между пустыньками и скитами, всѣ продѣланы мужичками за поденную плату. Это именно разбогатѣвшій мѣщанинъ. Въ окрестностяхъ два села, Банное и Богородично, которыя почти сплошь заняты работами на монаховъ. Даже лѣсъ рубятъ курскіе наймиты. Одѣвается святогорецъ одинаково съ соловчаниномъ — то же грубое платье, та же неуклюжая обувь. Но послѣдній передъ вами является мужикъ мужикомъ. И ходитъ онъ, присѣдая, и лапища у него заскорузлая, и чрева нѣтъ (у мужика брюха не найдешь, оно ему не полагается). Святогорецъ же отростилъ себѣ животъ, а ужъ если истымъ монахомъ явится, такъ

именно иконописнымъ, съ сухой складкой изможденнаго лица, съ равнодушнымъ, безучастнымъ къ страданію и радости ближняго, взглядомъ. Жилье его такъ же не казисто, какъ и у соловецкаго монаха; но во всякой кельѣ вы замѣчаете, что тутъ поселился не мужикъ, а именно мѣщанинъ. И картины не тѣ, и книжки своеобразнаго пошиба. Куда ни посмотришь — вездѣ эта разница. Въ Соловкахъ пропасть лошадей. Богомольцевъ ко всѣмъ островамъ возятъ въ монастырскихъ экипажахъ. Кучера—непремѣнно монахи. И настоящіе, не послушники. А заправляетъ дѣломъ іеромонахъ, играющій большую роль въ обители. Въ Святыхъ Горахъ содержится до тридцати коней, но ходятъ за ними и кучерами служатъ наемные люди. Донецъ богатъ всякой рыбой, но правильнаго промысла монахи не завели. Сами-же говорятъ, что у нихъ сомы ловятся пудовъ по десяти, а рыбу на уду добываютъ. Въ Соловкахъ и сельдяные, и тресковые ловы организованы какъ большое промышленное предпріятіе. Святогорцы ссылаются на то, что Донецъ весь запруженъ коргами, рвущими сѣти. Но существовало-ли бы такое препятствіе для соловчанина, который англійскіе доки ухитрился у себя устроить... Нужно приложить личный трудъ и сметку—а этого-то и нѣтъ. У кого они есть — тотъ въ загонѣ. Потому что настоящему иноку «не подобаетъ». Сравнивая дальше Святыя Горы съ Соловками, всюду встрѣтишь то же соотношеніе. Отчего-же промыселъ, трудъ, изобрѣтательность не прививаются здѣсь? Потому-ли, что южное крестьянство бездѣятельно? Разумѣется, нѣтъ! Воронежскіе и харьковскіе крестьяне въ Соловкахъ являются дорогими помощниками и работниками. Я объясняю это иначе. Въ сѣверной обители мужикъ всѣмъ правитъ и верховодитъ. Къ сожалѣнію, только администрація у него отнята. Въ Святыхъ Горахъ во главѣ: дворянинъ, купецъ и мѣщанинъ. Именно, разбогатѣвшій мѣщанинъ. Къ нимъ нужно присоединить и монаховъ изъ духовенства. Отсюда, при кулаческихъ порываніяхъ, отсутствіе изобрѣтательности, предпріимчивости, энергіи. Оттого

и келья, не смотря на свою неприглядность, все таки не деревенскимъ обиходомъ встрѣчаетъ васъ, а затхлой, душной атмосферой городскаго мѣщанства... Соловецкій монахъ ничего не боится. Онъ говоритъ на чистоту; все что знаетъ, выложитъ. Святогорецъ высматриваетъ васъ искоса, прикидываетъ каждое ваше слово. Вы высказываетесь, а онъ--молчокъ! Себѣ на умѣ! Нужно мнѣ было посѣтить кой-какія хозяйственныя учрежденія. Просился показать мнѣ грамотный и умный монахъ. Послали къ архимандриту—благословить-ли?

— А кто онъ такой (это про меня)?

— Писатель.

— Нельзя, нельзя! Помалкивайте!

И прислалъ ко мнѣ послушника, отъ котораго только и можно было добиться, что разсказовъ объ удивительныхъ качествахъ и святости разныхъ отцовъ. Имя писателя, ученаго, открываетъ вамъ въ Соловкахъ всѣ двери, архивы, библіотеку. Здѣсь оно же заставляетъ запираться отъ васъ поплотнѣе. Опять-таки чисто мѣщанская черта. Въ Соловкахъ монахъ свободенъ. Захотѣлось ему въ лѣсъ—въ лѣсъ уйдетъ, въ море задумалъ—сѣлъ въ лодку и былъ таковъ. Тутъ—дисциплина убійственная. Чтобы выйти за черту монастыря, инокъ, часто старецъ, спрашивается у архимандрита. Въ Соловкахъ пользуются вліяніемъ истые работники, а въ Святыхъ горахъ, напротивъ, верховодятъ уставщики, столпы монашеской обособленности и иноческаго формализма. Сѣверный монахъ здѣсь задохнулся бы несомнѣнно. Онъ меньше всего черноризецъ. Въ Святыхъ же горахъ инокъ византійскаго склада чувствовалъ бы себя какъ нельзя лучше. Разумѣется, я говорю о Соловецкомъ монастырѣ того времени, когда я тамъ былъ, лѣтъ одиннадцать назадъ. Теперь и тамъ сказывается монастырскій бюрократизмъ, обличавшійся такъ энергично корреспондентами «Церковно-общественнаго Вѣстника».

IX.

У казначея въ кельѣ.

— Казначей послалъ васъ просить къ себѣ!—разыскалъ меня монашекъ въ ободранной ряскѣ.

— Куда это?

— Въ келію къ себѣ, поучительной бесѣды удостоиться! По фарисейски сжалъ губы монашекъ, окидывая меня «пронзительнымъ» взглядомъ и стараясь высмотрѣть насквозь, вѣроятно, для соотвѣтственнаго доклада тому же отцу-казначею.

Я пошелъ къ сановнику обители.

Келья хоть куда! На столахъ узорочныя скатерти, въ окнахъ цвѣты, на полу коверъ, двѣ-три свѣтскія книжки даже, только не разрѣзаны, хотя, я думаю, пыль на нихъ цѣлыми годами копилась. Образа въ окладахъ.

Отецъ казначей оказался рязанскимъ купчикомъ; типъ, бьющій въ глаза. Молчитъ и воздыхаетъ, а самъ взгляда съ васъ не спускаетъ, точно взвѣшиваетъ васъ. Зорко высматриваетъ. На разговоръ не вызовешь; выжидаетъ, и чуть вы слово — такъ и видите, какъ онъ его подчеркнетъ и закрѣпитъ у себя въ памяти.

Такіе типы, я думаю, каждому случалось встрѣчать между кулачествующими купчиками. Стоитъ передъ нимъ крестьянинъ, чуть не плачетъ, а онъ, знай себѣ, на счетахъ прикидываетъ и ухомъ не ведетъ. Его не разжалобишь; онъ не сантименталенъ и каждаго можетъ разжевать и проглотить въ лучшемъ видѣ. Рядомъ съ нимъ, улыбающійся духовникъ, черниговецъ, кролевецкаго уѣзда. Само добродушіе, приправленное хохлацкимъ остроуміемъ. И клобукъ у него какъ-то назадъ сползъ, открывая простое, честное лицо съ живыми смѣющимися глазами. Среди бѣлаго духовенства много такихъ, которые посытѣе, разумѣется. У голоднаго попика все лицо въ одну просительную складку сведено. И отвѣты какіе различные.

— Отчего у васъ того нѣтъ, другого? — любопытствую я.

— Не подобаетъ монаху! — подумавъ, отвѣчаетъ рязанскій купчикъ.

— Глупы еще мы, вотъ почему! Кабы за умъ взялись, давно бы сдѣлали!—завершаетъ духовникъ.

Нужно было видѣть, какое смятеніе изобразилъ на своемъ лицѣ отецъ казначей, когда я вынулъ записную книжку, чтобы внести туда нѣсколько цифръ самыхъ невинныхъ, въ родѣ того, напримѣръ, что всѣхъ монаховъ въ обители 300.

— Это у васъ что же такое?

— Для памяти, отецъ казначей!

— Такъ-съ, для памяти.—А самъ ерзаетъ, усидѣть не можетъ.—Ишь, какая книжка. Много такихъ дѣлаютъ ныньче... Затѣйливая!

Рука то протянется къ книжкѣ, то назадъ.

. . . .

— Хотите посмотрѣть?

— Вотъ благодарю!

Точно ястребиными когтями захватилъ. Перелистываетъ... Глаза такъ и впиваются. Видимо, все запоминаетъ.

— Это у васъ что же? Про нашу обитель?

— Да!

— Писать будете?

— Буду!

Покачалъ головою. Такъ и изобразилосъ: не было печали...

— А это что обозначаетъ, буквы о. а.?

— Отецъ архимандритъ!

Казалось, онъ глазами пронижетъ книгу, впился—не оторвешь. Наконецъ, насосался всласть, отпалъ.

— Такъ-съ. Нынче многіе пишутъ... Занятно!

Сталъ я его разспрашивать, — скорѣе у мѣднаго колокола отвѣта добьешься. Опасливо по сторонамъ оглядывается, воздыхаетъ, всего даже въ потъ ударило. Хо-

рошо еще, что духовникъ былъ здѣсь. Тотъ мнѣ повѣдалъ, что когда возобновляли обитель, на версѣ горъ оказалась старая, полуразрушенная казачья крѣпость; только уцѣлѣвшія башни, да часть стѣны, словно орлиное гнѣздо, висѣли надъ Дономъ.

— Гдѣ онѣ?—готовился я идти туда.

— Куда съ ними! Мы ихъ срыли!

— Вотъ тебѣ и на! Да это монастырь бы скрасило. Историческія воспоминанія!

— Помилуйте! Не монашеское дѣло совсѣмъ; Богъ съ нею и съ крѣпостью этою!

А башни, по разсказу, были очень красивы. И вся крѣпость оказывалась очень эффектною среди затянувшаго лѣсного царства Пушки тамъ были. Одна изъ нихъ и до сихъ поръ передъ соборомъ жадно разѣваетъ свое черное жерло.

— А другія гдѣ?

— Да куда-то подѣвались! — совершенно равнодушно отвѣтилъ отецъ духовникъ.

Другіе монахи отрицаютъ, впрочемъ, и башни, — говорятъ, что были только валы нарыты тамъ

Заговорили о составѣ монастырской братіи; оказалось, что публика у нихъ чистая.

— Половина изъ благородныхъ духовныхъ и купцовъ. Крестьянства мало, да оно у насъ нѣмое, не слышишь ихъ. Истинные агнцы Божіи!

Оно и понятно, что мужику не подняться въ такой средѣ.

— Работаютъ мало-маля. Мы на работѣ не стоимъ, потому работа отъ молитвы отвлекаетъ!

— Въ Соловкахъ иначе говорятъ. Работа на св. Зосима и Савватія—та же молитва!

— Что Соловки—мужицкое царство! У насъ уставъ святыя Афонскія горы. У насъ на Господскіе и Богородичные праздники пѣвцы поютъ: «Господи, Боже мой, возвеличился еси зѣло» медленно, и прочіе стихи, перемѣняя на лица, поютъ чинно. При «Господи возвахъ»,

на іеродіаконахъ—пелена съ кивотомъ, а во время псалмовъ ризничій и экклесіархъ кадятъ каціями.

— Это что такое?

— Кадильницы, имущія, вмѣсто цѣпей, рукоятки. Пища у насъ поставляется по достатку и по приличію дней, обаче безъ излишества, и питіе—квасъ хлѣбный; піанственныхъ же отнюдь да не бываетъ. И много другого... Возьмите архимандрита Филарета твореніе о нашей обители—тамъ найдете обо всемъ подробно!

Заговорили о красотѣ монастыря; тутъ вдругъ на отца казначея точно благодать низошла — языкъ оказался.

— Это что! Вы нашъ монастырь лѣтомъ посмотрите, когда лѣсъ «потемнѣетъ». Тогда у насъ хорошо. Только внизу сыро, зато вверху воздухъ здоровый. Птицы всякой у насъ—тьма! Тучами летитъ и на разные голоса поетъ—Господа своего славословитъ. Стоишь, стоишь, слушаешь и радуешься творенію Божію. Малая птаха лѣсная, а и та сердечкомъ своимъ къ небу возносится. Ликуетъ—солнцу радуется, псальму солнцу поетъ. Хорошо у насъ тогда. Вѣкъ бы съ обителью не разстался!

— Зачѣмъ же разставаться?

— Какъ зачѣмъ? Случается, въ другіе монастыри посылаютъ. У насъ такія дѣла бывали. Старца Амвросія помните, отче?

Духовникъ утвердительно кивнулъ головою.

— Перевели его за неумѣренные поступки — гордъ былъ—въ другую обитель — не выдержалъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ тоски померъ. А то еще какое дѣло случилось. Послушника мы прогнали—онъ назадъ. Его опять прочь—онъ возьми да утопись въ Донцѣ. Вотъ какую приверженность къ обители чувствуютъ. Кажется, вѣкъ бы не ушелъ отсюда!

— А если обитель оскудѣетъ?

— Что же! У насъ въ уставѣ сказано: аще же будетъ оскудѣніе въ обители—всѣ, равно, да претерпѣваютъ скудость со благодареніемъ. Воздуха нашего у насъ не

отымутъ, горъ также не возьмутъ! Донецъ все также будетъ струиться!

— По Донцу вотъ скоро, говорятъ, пароходы пойдутъ!

— Монахи заводятъ?

— Нѣтъ. Начальство свѣтское, отъ себя!

— Отчего же вамъ не заняться этимъ?

— Да не монашеское дѣло!

И опять глаза внизъ Смотритъ тупо. Соловчане,—тѣ не ждали, когда придетъ въ голову архангельцамъ завести пароходы. Сами устроили все.

Ужасно тяжело было вести бесѣду съ отцомъ казначеемъ. Ни о чемъ не удавалось разговориться. Соловецкій монахъ самъ толкуетъ съ вами, этотъ — высматриваетъ и выслушиваетъ. Каждое слово выжимать приходится. Чуть не клещами изъ горла вытаскивать. И притомъ образцовый формализмъ вездѣ. Въ Соловецкіе скиты, напримѣръ, всякому открыта дорога. Здѣсь скиты открываются для богомольцевъ только четыре раза въ годъ.

Отчего же это?

— Иначе, какое же скитское жительство будетъ!

Когда я вышелъ отъ казначея, ко мнѣ подошелъ молодой, чрезвычайно симпатичный инокъ, съ которымъ я познакомился наканунѣ.

— Не нравится вамъ у насъ?

— Какъ не нравится, эдакая красота!

— Нѣтъ, я о людяхъ. Людей у насъ нѣтъ. Грѣхи насъ заѣли совсѣмъ.

— Какіе это грѣхи?

— Есть у насъ!.. Повѣрите-ли, иной разъ такъ бы и улетѣлъ отсюда!.. На просторъ тянетъ! По ночамъ, особливо зимою, плачешь-плачешь. А куда пойдешь?

— Помилуйте, вы молодой такой!

— Да вы имѣете понятіе, что такое разстрига? Это отщепенецъ. Ему нигдѣ мѣста нѣтъ! Въ сторожа не возьмутъ. Къ крестьянину въ батраки не попадешь!.. А сердце просится куда то, рвется! Вѣдь я сюда двадцати лѣтъ пришелъ, да здѣсь и остался, ничего не

изведавши... Колоднику лучше. Онъ знаетъ, что сошлютъ его, срокъ кончится, все, какая ни на есть, свобода! А мы совсѣмъ какъ въ тюрьмѣ, хоть головой объ стѣну!

— Другіе же сживаются!

— Ну, какъ сказать! Всѣ почти перешли черезъ эту муку. Закостенѣли, потомъ настоящими монахами стали. И я тоже когда нибудь закостенѣю! Тоже настоящимъ инокомъ буду... А тяжело, охъ, какъ тяжело!.. Точно тебя живого въ могилу... И отпѣли...

X.

Выдающіеся люди. — Монахъ-фотографъ. — Монахъ-писатель.

Солнце сегодня печетъ во всю. Даже неугомонныя птицы надъ Донцомъ примолкли, и ихъ заморило тепломъ. Только что я легъ отдохнуть:

— Молитвами святыхъ отецъ!—послышалось за дверьми.

— Войдите!

— Это я-съ! Вотъ обѣщанное принесъ вамъ!

И отецъ Стефанъ, самоучка-фотографъ, подалъ мнѣ виды монастыря. Снимки были сдѣланы весьма тщательно; потомъ я ихъ передалъ въ Петербургѣ редакціямъ иллюстрированныхъ изданій, и работа отца Стефана была воспроизведена граверами. Отчетливость, нѣжный колоритъ, умѣніе выбрать пунктъ, откуда снимать видъ, достойны были всякой похвалы.

— Радъ бы работать, да вотъ нельзя! Много нельзя!

— Почему это?

— Отвлекаютъ. Прочимъ монахамъ непріятно. Говорятъ, не иноческое дѣло. А я такъ думаю, все же во славу святыя обители... Ну, и на пользу... Вотъ вы купите, другой, третій. Можно посылать и на продажу въ прочія мѣста... Анъ, и деньги! Другой бы монастырь еще помогъ завести фотографію настоящую! А что у насъ! Невѣжество во всемъ. Теперь какъ дразнятъ-то

Вчерась отецъ Анемподистъ: — «бѣса тѣшишь» на весь дворъ кричитъ. Ну, что же я могу... Я человѣкъ слабый. У меня порокъ есть!

Порокъ отца Стефана оказался очень простъ: на него находило—и онъ пилъ. Потомъ вытрезвлялся. Случалось, на него и послушаніе накладывали за это. Въ Святогорскомъ монастырѣ довольно строго. Даже и монатейныхъ монаховъ не щадятъ. Проштрафится въ чемъ нибудь, на него, по приказанію настоятеля, надѣваютъ сермягу и посылаютъ на самую черную работу, на самое тяжелое послушаніе: возить навозъ обирать грязь съ дворовъ и еще хуже. Если проступокъ болѣе крупный — вонъ изъ монастыря, къ «разстригу». Послушникамъ, тѣмъ легче. Не поправится наказаніе —онъ сейчасъ можетъ «разуказиться», т.-е. бросить монастырь и перейти въ прежнее свое званіе. Что проступокъ совершить здѣсь очень легко, видно изъ запрещеній, существующихъ не только на вино, но и на трубки.

— Дымить, братъ, у насъ монаху ни-ни! За дымокъ-то на черный дворъ!—пояснилъ мнѣ добродушный старикъ о. Симеонъ, тайкомъ покуривавшій у меня въ кельѣ.— Теперь поймай меня—къ настоятелю! Ну, тотъ и благословитъ навозъ возить!

Странно было даже видѣть, какъ семидесятилѣтній монахъ оглядывался и, при малѣйшемъ шорохѣ, зажималъ огонь папиросы пальцами, обжигая ихъ и встряхивая. Ни одинъ школьникъ не могъ быть пугливѣе.

Воспрещенъ даже нюхательный табакъ. Недавно одного монаха заставили мести дворы въ гостинницѣ за то, что онъ, во время всенощнаго бдѣнія, опасаясь заснуть, зарядилъ носъ табакомъ. На него донесли. Какъ и вездѣ въ монастыряхъ, шпіонство здѣсь въ большомъ ходу. Нюхательный табакъ запрещенъ наравнѣ съ опьяняющими напитками.

Архимандритъ, славящійся строгою жизнью, и самъ очень строгъ. Пастырь сей не жалѣетъ своего стада. Онъ былъ и пѣвчимъ, и строителемъ, и уставщикомъ, весь

чинъ монашескій произошелъ. Оттого и къ другимъ относится съ строгостью безпощадною.

Отцу Стефану часто доставалось за его слабость. Онъ только тѣмъ и держался, что ужъ очень полезенъ былъ обители. Понадобится кому снимокъ сдѣлать съ Святыхъ горъ, портретъ снять — за бока о. Стефана. Онъ, впрочемъ, на всѣ руки мастеръ былъ. О. Стефанъ много читалъ. На каждую книгу бросался съ жадностью, но все прочитанное перерабатывалъ на свой образецъ. Какъ будто онъ знакомился съ чужими мыслями, съ научными данными, только для того, чтобы еще тверже убѣдиться въ томъ, до чего онъ дошелъ своимъ умомъ. Книги увѣряли его въ томъ, что заблужденіямъ человѣческимъ нѣсть предѣла. Такъ, напримѣръ, онъ, изучивъ астрономическую географію, пришелъ къ отрицанію вращенія земли вокругъ солнца. Доказывалъ онъ это съ большою логикою и, противъ приводимыхъ въ космографіи аргументовъ, выставлялъ цѣлую батарею своихъ. Говорилъ охотно и много. Вступалъ въ споръ со всѣми, почему монашествующая братія особенно любила поддразнить отца Стефана. Замѣчательно, что обо всемъ онъ спорилъ съ одинаковымъ азартомъ. О движеніи ли планетъ небесныхъ, или о способахъ печь хлѣбъ. Точно обидится — и давай сокрушать выю противника діалектикою, иногда весьма безцеремонною. Потомъ вдругъ обрывался разомъ и смолкалъ. Смолкнетъ и станетъ робко смотрѣть и ежиться. Будто растеряется.

— Что это онъ? — спросишь у монаховъ, знающихъ его.

О слабости своей вспомнилъ и смирился!

Видимо боится, чтобы кто другой ему не напомнилъ о ней. Насупится и уйдетъ, не окончивъ спора.

— У насъ тоже писатель есть! — огорошилъ онъ меня на этотъ разъ...

Ну?

— Я ему про васъ сказалъ. Желаетъ познакомиться!

— Я его радъ видѣть.

— Только вотъ что. Къ вамъ ему нельзя по сан

его! Опять же станутъ говорить... Еще что выйдетъ... Если бы вы къ нему?.. А?

И отецъ Стефанъ искательно заглянулъ мнѣ въ глаза.

— Я съ удовольствіемъ!

— Онъ не далечко тутъ. Ежели бы сейчасъ?

Мы пошли.

Святогорскій писатель оказался о. протоіерей Дюковъ, жившій въ монастырѣ на покоѣ. Онъ занималъ большую келію. Простой письменный столъ былъ заваленъ бумагами и книгами. Книги были на табуреткахъ и на подоконникахъ, и на полу... Одпѣ на другихъ. Въ большей части — вложены закладки и на закладкахъ отмѣтки. О. Дюковъ работалъ много и охотно. Цѣлыя кипы замѣтокъ и выписокъ лежали у него на столѣ. Много книгъ было раскрыто. Видимо, старикъ трудился надъ чѣмъ-то, требовавшимъ тщательныхъ справокъ, цитатъ, ссылокъ... Въ углу кіотъ съ образами. Передъ нимъ столикъ съ библіей и другими духовными книгами.

Симпатичный, крѣпкій старикъ поднялся намъ на встрѣчу.

— Мы свѣтскихъ писателей рѣдко видимъ. Но все же по оружію братья! — привѣтствовалъ онъ меня.— А я тутъ вотъ трапезую... Простите, Бога-для!

О. Дюковъ, когда мы вошли, обѣдалъ. Передъ нимъ стояла тарелка пустыхъ щей и черный хлѣбъ. Это все, что ему отпускалось. Грубая ряска, рясы вообще здѣсь на всѣхъ монахахъ грубыя. Бѣлье—солдатское, иначе не знаю какъ и назвать эту дерюгу. И постель солдатская. Голыя доски на деревянныхъ чурбанахъ. Что-то свалявшееся подъ голову. Вмѣсто одѣяла кусокъ грубаго сукна.

— По аѳонскому уставу!—объясняютъ умерщвляющіе свою плоть монахи.

Разговорились мы съ нимъ, и старикъ оказался прекраснымъ діалектикомъ и крайнимъ консерваторомъ. Онъ гремитъ противъ распредѣленія приходовъ по одному на каждую тысячу душъ, злобствуетъ противъ разрѣшенія попам[illegible] соборне безъ дьякона.

— Ересь это!.. Чѣмъ раскольники послѣ того хуже?

Еще больше негодуетъ онъ противъ мысли объ устройствѣ для старообрядцевъ школъ безъ преподаванія закона Божія и т. д. Онъ и пишетъ въ этомъ духѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ занятъ какимъ-то большимъ трудомъ, о которомъ разсказывать воздерживается... проговорился только...

— Коли бы Богъ далъ кончить. Всю бы жизнь завершилъ!

О. Дюковъ крайне любознателенъ. Между прочимъ, сталъ добиваться:

— Скажите, господинъ Лѣсковъ, который «Соборянъ» написалъ—особа свѣтскаго званія?

— Да.

— Духовное воспитаніе получилъ, значитъ?

— Нѣтъ.

— Быть не можетъ. Какъ онъ хорошо духовенство наше описуетъ. Впрочемъ, что-жъ, если Господь ему талантъ такой вложилъ!..

— Ахиллу-то дьякона, какъ!—возвеселился вдругъ о. Стефанъ.

— А ты тоже читалъ?

— Любопытствовалъ... Какже!

— Ну, смотри! Тебѣ за свѣтскія книги влетитъ!.. Дорогой человѣкъ отецъ Стефанъ... чистое золото—96-й пробы. Всякое мастерство знаетъ, способности какія. Ему бы поучиться...

— Да вотъ что же... Слабость моя меня одолѣла!—вздохнулъ фотографъ.

— Благодари Бога за нее, за слабость эту!

— Ну, что-жъ тутъ!

— Безъ нея ты, можетъ быть, какъ далеко бы, Господь знаетъ, ушелъ. А она, слабость-то твоя, тебя тутъ держитъ, смиренію учитъ. Безъ этой слабости ты бы и обитель оставилъ?

— Пожалуй, что...

— Ну, вотъ. А съ нею ты тутъ каешься. И въ честномъ иночествѣ состоишь... Въ слабости этой спасеніе твое. Слабостію спасенъ будешь!..

— А вы пчеловодство наше видѣли? — обернулся ко мнѣ о Дювовъ.

— Нѣтъ, не видалъ!

— Ну, чтожъ, наша пчела. Развѣ такъ надо? У насъ, что жукъ что пчела—все одно!—возносился о. Стефанъ.

— А то какъ? По твоему-то какъ?

— Совсѣмъ по иному... Вонъ въ Америкѣ... Стеклянные ульи..

— Чтожъ, по твоему, у насъ дураки все?

— Не дураки, а въ темнотѣ запутались... Въ невѣжествѣ своемъ бродятъ. Истинное просвѣщеніе отметаютъ...

— Что же ты всѣхъ умнѣе? Пчела!.. Давно-ли ты пчеловодомъ сталъ-то?

О. Стефанъ обидѣлся. Дювовъ сейчасъ же это замѣтилъ.

— Ну прости, что оскорбилъ. Бога-для!..

Чмокъ другъ друга въ руку, и оба успокоились.

— Сдѣлайте мнѣ милость великую! — просилъ меня отецъ Стефанъ, когда я уѣзжалъ отсюда.—Знаете, тоска здѣсь такая обуреваетъ... Будьте добры...

— А что?

— Пришлите изъ Питера лучшее и самоновѣйшее руководство по фотографіи. Сколько слѣдуетъ, я хоть сейчасъ!. Такъ буду благодаренъ, такъ благодаренъ.. Вѣкъ не забуду!

Я предложилъ прислать ему даромъ, чтобы отблагодарить за превосходный снимокъ мѣловыхъ скалъ Святогорскихъ. Послалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но отвѣта не получилъ. Что съ нимъ?.. Можетъ быть, онъ уже вошелъ въ колею. Совсѣмъ смирился и ни о чемъ не помышляетъ болѣе

XI.

На пасѣкѣ.

У келіи отца казначея два каштановыхъ дерева. Сегодня въ нихъ ярко свѣтитъ солнце обливая нѣжную молодую листву золотыми брызгами. По листвѣ золотые

брызги солнечнаго свѣта скатываются внизъ огнистымъ дождемъ, падая на гладкія плиты, на желтый песокъ двора. Еще не жарко. Еще нѣтъ, нѣтъ, да и потянетъ съ Донца прохладой; но воображаю, что тутъ должно быть въ іюлѣ! Тогда монахи сидятъ на версѣ горы и только поневолѣ спускаются внизъ, въ эту теплую котловину... И на внутренній дворъ монастыря сегодня налетѣло всякой птицы пропасть. Въ листьяхъ каштана щеглы даже драку затѣяли...

— Ѳписуете?—благодушно подошелъ ко мнѣ толстый монахъ съ улыбающимся лицомъ.

— Что?—не понялъ я.

— Въ книжку все?

— Да, чтобы не забыть!

— Не имѣли счастія, значитъ, въ бурсѣ воспитываться, тамъ память превосходно развиваютъ. Въ наше время, преимущественно при помощи лозы! До сихъ поръ и грековъ, и латынянъ памятую, ибо былъ за оные народы сѣченъ нещадно!.. Одного я не могу понять—что васъ въ монастыри влечетъ? Житіе у насъ скудное... не веселое. Коли бы мнѣ, я бы все по большимъ градамъ путешествовалъ!

— Ну, тоже скудное житіе! — вмѣшался мой спутникъ.—Вы бы, отче, помалкивали!

— А развѣ вы что по сему предмету занотовали?

— Да, есть...

— А вы по христіански—забудьте.

— Да что же забывать-то, дурнаго ничего!

— А хорошему отдавайте справедливость!.. Мы, черноризцы, столько разъ уже были обруганы, что похвала намъ въ диковину. Свѣтскіе писатели представляютъ насъ въ родѣ... какъ бы нечистыми свиніями. Это—не точно... Во всякомъ дѣлѣ есть разныя стороны... А вы наблюдайте свою совѣсть, еже бы всякое дѣло творити съ благословеніемъ и по совѣсти благо!.. Но только иногда и ругать насъ слѣдуетъ. Преимущественно же за чревоугодіе. Вотъ вашъ спутникъ сообщалъ вамъ, что я, напримѣръ, очень пуншъ люблю!

— Какой же это пуншъ? Нальете воды въ стаканъ, выполощете, потомъ воду за окно и доливаете до верху ромомъ!

Монахъ расхохотался.

— Бѣдная монашествующая братія! Во всемъ скудость, во всемъ претерпѣваемъ лишенія... Даже и въ водѣ себѣ отказываемъ...

Мы улыбнулись.

— Ну, чтожъ, на пасѣку?—спросилъ меня мой спутникъ.

— А вы на пасѣку... нашего полковника посмотрѣть желаете? Чудо-юдо монастырское?

— Почему-же чудо-юдо?

— Настоящій военный полковникъ и черноризецъ. Пчелъ во фрунтъ ставитъ и маткамъ ихнимъ по всей формѣ ученіе производитъ!

До пасѣки было недалеко.

Мы въ часъ дошли туда. Едва достучались. Пасѣка плотно обнесена заборомъ; видимо, хозяйство истовое, тщательно охраняемое... За заборомъ, посреди пасѣки, простая крестьянская изба, на двѣ горницы. Въ одной— глубокое кресло. въ креслѣ—помавающій бровями на монаховъ, полковникъ черноризецъ. Это и есть намѣстникъ пасѣки. Блѣдное, безкровное лицо... одутловатое. Чрево большое, но, видимо, не отъ излишествъ, а отъ недуга... На столѣ «Сынъ Отечества» и нѣсколько носовыхъ платковъ. Большой кіотъ въ углу. Подъ образами ордена висятъ, боевые, съ мечами. Чуть-ли даже не георгіевскій крестикъ бѣлѣетъ... Въ комнатѣ душно. Мухи чувствуютъ себя хозяевами и безцеремонно звенятъ по стекламъ... Пахнетъ воскомъ и медомъ... Полковнику и черноризцу, несмотря на жару, очевидно, холодно. Закутался во что-то теплое и ноги завернулъ одѣяломъ... У него трое монаховъ.

— Адъютанты мои!—старается онъ улыбнуться, но улыбка на этомъ безкровномъ лицѣ является на столько стран[illegible]ча, помимо воли черноризца, сбѣгаетъ прочь.

— А армія моя изъ трехъ сотъ колодъ состоитъ! — столь-же неудачно шутитъ полковникъ.

И опять молчаніе, и опять мухи бьются въ стекла и звенятъ тамъ.

Получили, наконецъ, благословеніе осмотрѣть пасѣку.

Вся она на вершинѣ горы, невысокой, зеленой... Деревья разбросаны вездѣ. Нѣжная листва ихъ млѣетъ въ солнечномъ блескѣ. Между деревьями пропасть колодъ. Миръ и покой царятъ тутъ... Пчела жужжитъ надъ ухомъ. Ласково жужжитъ—точно привѣтствуя посѣтителей. Адъютантъ, въ бѣлой рясѣ и черной скуфейкѣ на затылкѣ, озабоченно тыкаетъ въ какую-то колоду... Каждая обтянута обручами и накрыта глиняной чашкой отъ дождя. Пахнетъ первымъ весеннимъ цвѣтомъ. Въ травѣ словно улыбаются голубоглазые барвинки.

— Да, Господь благословилъ. Триста колодъ у насъ!

И монашествующій адъютантъ снялъ у себя пчелу съ лица. Снялъ съ лица, прилипла къ пальцу.

— Ишь, дурашка малоумная! Чего пристала? Ступай на цвѣтъ Божій—пей росу медвяную... Ступай, ступай, рабъ лѣнивый!—И онъ подбросилъ ее въ воздухъ. Пчела зазвенѣла и скрылась въ чащѣ.

— Одного меду мы здѣсь получаемъ по 150 пудовъ въ годъ... У насъ еще и другая пасѣка есть, та подальше. Тоже на триста колодъ поставлена... Хорошо у насъ тутъ, а?

Я согласился, что хорошо.

Скуфейка у монаха сползла еще дальше на затылокъ.

— Наша обитель первая!.. Такой красоты богоданной по другимъ мѣстамъ нѣтъ!.. И на пасѣкѣ у насъ раздолье... Ишь, воздуси какіе — духовитые!.. Вы потяните въ себя—всякимъ цвѣтомъ пахнетъ... У насъ и соловьи гнѣзда вьютъ... Вотъ, погодите, къ вечеру начнутъ пѣсни пѣть. Божья птичка чувствуетъ тоже, что здѣсь ей покой... Благословеніе на сихъ мѣстахъ почіетъ...

«Соловей гнѣзда не вьетъ, ему некогда», вспомнились слова народной легенды,—«поетъ все». Удивительно, как

сказочныя правила уживается въ народномъ умѣ съ правдою дѣйствительности. Взаимно противорѣчатъ, а уживаются... На пасѣкѣ соловьиныхъ гнѣздъ много. То-то пѣсенъ будетъ...

— Повѣрите-ли какъ запоютъ, такъ кажется, будто это воздухъ самый разливается... Глушатъ. Ну, и пчела ихнюю пѣсню соловьиную любитъ тоже... Другой не терпитъ, а соловья чтитъ. Одно только горе у насъ... Въ этомъ году ульевъ пятьдесятъ погибло. Донецъ близко. Въ разливъ пчела летитъ къ нему. Чабрецъ-то по разливу раньше всего распускается, пчелка на чабрецъ и садится. А у насъ весенніе вѣтра шибкіе... ее и гонитъ въ воду, топитъ пчелку Божію. . Въ одномъ мѣстѣ было — вода отъ пчелы желтая стала!.. Вотъ оно горе-то наше какое. Холимъ, холимъ, молимъ, молимъ, а уберечь немощны. Не убережемъ. Пятьдесятъ ульевъ! Теперь бы, глупая, промежъ деревьевъ летала, росу медвяную собирала... А потопла—ь нѣтъ ее... Охъ-хо-хо!

— У васъ и деревья-то здѣсь чудесныя!

— Мы дикому дереву не даемъ на пасѣкѣ цвѣсти. Тутъ все яблони, груша, слива, вишня, черешня, абрикосъ. Какъ зацвѣтутъ, да пустятъ духъ свой по вѣтру, такъ по вѣтвямъ змѣя и ищемъ. Врага рода человѣческаго!

— Какого змѣя?

— Потому ужъ очень на рай земной похоже... Пчела тоже станетъ ласковая, цвѣтовъ ей въ волю... Сытая летитъ, тяжелая!.. Звенитъ густо; довольна, значитъ!

Отсюда внизъ заглядѣться можно.

Ниже фруктовыхъ деревьевъ, густолѣсье дубовое. Лощины къ самому долу спускаются, гдѣ «святое мѣсто» съ келіями схимниковъ. За святымъ мѣстомъ — Донецъ мерещится. Хоть и не близко,—а смутно поблескиваетъ... Нѣтъ, нѣтъ, да и повѣетъ оттуда прохлада.

— Одно намъ не хорошо, дятлы одолѣли, — продолжалъ монахъ.—Вотъ, попозже, услышите, точно ворота скрипятъ. Просто извести бы всѣхъ, да тоже творенiе Божiе тоже и свѣта хочетъ... А вотъ вы послушайте у

улья,—приложите ухо,—какъ наша пчела, мудрая, разговариваетъ!

Въ ульяхъ, дѣйствительно, шумѣло, точно тысячи пчелъ вели между собой бесѣду.

— Она—птица Божья—пчела, умная. Ей разговоръ данъ. Она такъ въ улью не сидитъ, а все гу-гу-гу... Шумитъ... гдѣ летаетъ, что видитъ—обо всемъ разсказываетъ... Ну, и другія ей тоже.

Онъ открылъ одинъ улей и показалъ, какъ роются и возятся пчелы.

Въ сторонѣ теплый сарай. Это пчелиное жилье на зиму. Въ колодахъ, которыя приносятъ туда, оставляютъ имъ достаточно меду. Не выдаютъ всего. Пчела за зиму изморится такъ, что какъ вылетитъ весной, такъ сначала только наружныя стѣнки сарая облѣпитъ и сидитъ. Дышетъ воздухомъ вольнымъ, къ свѣту опять себя пріучаетъ, крылья потомъ пробуетъ. И звенитъ же какъ первый разъ въ летъ уйдетъ! Около сарая—печь для вытопки меду, и вощина на простыняхъ.

— А ихнюю пчелиную трапезную желаете видѣть?

Повелъ въ тѣнь. Звонъ такъ стоитъ и гамъ. На солонѣ выставлены двѣ колоды съ вареннымъ медомъ. Тутъ пчелы ѣдятъ, тутъ же и жучки разные возятся, и всякая муха на монастырской счетъ продовольствуется... Кишмя кишатъ.

— Словно богомольцы! Каждый свою порцію получай—безъ запрету.

— Отчего вы не заведете нумеровъ для улья? Отмѣчать рожденія, ходъ...—вспомнилъ мой спутникъ профессорскія лекціи.

— Зачѣмъ это?—поднялъ брови монахъ.

— Порядку больше, правильнѣе дѣло...—И онъ сталъ пояснять ему.

— Ну, ихъ!—отмахнулась скуфейка.—Тоже и человѣкъ вотъ... Дадутъ ему имя, а онъ взялъ да номеръ!.. Вотъ тебѣ и имя, и число! Нѣтъ, ужъ мы здѣсь по Божью—безъ науки...

Въ корытахъ около—вода для пчелъ. На водѣ мохъ, чтобы пчела, пивши, не топула...

— Теперь что... теперь тутъ гуляй, сколько угодно. А вотъ какъ цвѣтъ облетитъ, да жары начнутъ, тогда наша пчела страсть кусается... Собаченка тутъ есть, Шарикъ, и та не сидитъ—уходитъ. А еще хуже пчелѣ, если отъ кого табакомъ пахнетъ; жалитъ и на цѣлые версты гонитъ прочь. Обороняетъ отъ дурного запаху свое царство. Она тоже монашенка, отшельница... Любитъ духъ отъ цвѣтковъ Божьихъ. А зелье это ей смерть! Если водкой отъ кого, еще хуже! Цѣлымъ роемъ кидается и закусываетъ... Въ пасмурный день пчела сидитъ смирно!

— Мѣсто у васъ тутъ не медное? Липу бы посадили!

— Рѣчка даетъ «взятку». Тамъ, по берегамъ, всякой поросли гибель. Пчела наша даже съ вербы внизу взятку беретъ. Верба раньше всего распускается... А потомъ уже съ клена, съ черноплицы. Съ липы взятокъ идетъ уже потомъ, какъ зацвѣтаетъ она!

Пока мы ходили по пасѣкѣ, на небо набѣжали тучи. Зелень точно потемнѣла... Потемнѣла и лощина, идущая къ святому мѣсту внизу. Гуще запахло цвѣтами... Маслистый запахъ даже въ голову бьетъ. Точно надъ букетомъ дышишь... Вонъ, между колодами, сидитъ монахъ въ бѣломъ подрясникѣ и въ сѣткѣ. Видимо, въ ульѣ возился да и заснулъ тутъ же, благо тѣнь отъ черемхи падаетъ сюда. Теперь ужъ тѣнь на другое мѣсто перешла и косымъ лучемъ солнца, прорвавшимся сквозь тучи, прямо въ лицо ему бьетъ. Но разоспавшемуся иноку еще слаще. Дышетъ, не надышется; взброситъ голову, удивленно раскроетъ глаза, потянетъ въ себя запахъ цвѣтовъ, и опять смыкаются вѣки... Тучи скоро совсѣмъ заполонили небо... Шибко, шибко бѣгутъ. Пчела отовсюду въ улью летитъ. «Ишь, грузная», словилъ одну на лету адъютантъ въ скуфейкѣ... Ну, лети, лети, божій работничекъ!—взбросилъ онъ ее на воздухъ... Прокатилось въ тучахъ, ударилъ громъ... Разомъ какъ-то, неожиданно... ч попрятались. Зашумѣло въ зелени. Точно просну-

лась дремавшая листва и давай перешептываться. Запрыгали капли дождя по лѣсной чащѣ. Сбѣгаютъ по листвѣ, на головы намъ катятся... А вдали, уже опять солнце во всю. Другимъ, золотымъ дождемъ брыжжетъ. Сѣрыя тучи сползаютъ, и черезъ нѣсколько минутъ отъ всего этого грома и дождя только благодатная свѣжесть въ воздухѣ, да блескъ на только что обмытыхъ листьяхъ. Кое-гдѣ капли висятъ; въ каждой изъ нихъ солнечные лучи дробятся.

Мой спутникъ, адъютантъ въ скуфейкѣ, оказался поэтомъ. Посмотрѣлъ на эти сіяющія капли и произнесъ:

— Такъ и въ каждомъ помышленіи человѣческомъ должно слово Божье отражаться, какъ солнышко въ этихъ росинкахъ... Она, пчелка эта, умная, — продолжалъ онъ.— Случается, непогодой колоды повалитъ. Весь медъ можетъ вытечь. Такъ нѣтъ же, пчелка не позволитъ... Вся по краю бросится, облѣпитъ такъ, что капли не пропадетъ. Землѣ-матушкѣ ничего не достанется!

Въ хорошія темныя ночи чудесно спится этимъ монахамъ на пасѣкѣ. Пчела гудетъ въ ульяхъ, и подъ этотъ гулъ, наполняющій всю пасѣку, сами собою смыкаются вѣки.—«Повѣрите-ли, и во снѣ она снится!»

Попробовалъ настоятель Святогорья взять этого монаха съ пасѣки въ обитель. Затосковалъ по пчеламъ, заболѣлъ даже. Въ церковь придетъ, пѣнія не слышитъ. Все ему чудится, что пчела гудетъ это. На берегъ Донца сунется, пчелки летятъ мимо, разговариваетъ съ ними, плачетъ... Совсѣмъ было рехнулся. Должны были его вернуть назадъ.

— Какъ вернулся на пасѣку, такъ точно на свѣтлый праздникъ попалъ!

— И пчелки меня узнали,—разсказывалъ онъ,—звенятъ кругомъ, на руки садятся! Мы вѣдь съизмала пчеловоды. Курскіе мы. Только у насъ пчела еще посильнѣй будетъ. У насъ съ улья пудиковъ по пяти медку съимать случается. За то здѣсь пчела безгрѣшная, священная пчела!

— Это какъ?

— Какъ улей сажаемъ, богоявленской водой его кропимъ... Ну, и потомъ молебны служимъ, каждый вечеръ молитвы читаемъ. Тутъ пчелка благословенная!

Мы стали прощаться.

— Семъ-ко я васъ провожу. Въ обитель я рѣдко захаживаю, что тамъ мнѣ дѣлать? Отсталъ отъ монашествующей братіи совсѣмъ. Пчелка умнѣе человѣка, она даромъ не обидитъ; если куснула, значитъ, есть за что. Она маленькая, а только зорко въ глазахъ человѣческихъ видитъ. Иное помышленіе отъ себя самого спрячешь, а отъ нея не уйдетъ... Подсмотритъ... Что пчелка, что муравель—оба божьи; муравлевъ мы стадомъ божьимъ называемъ здѣсь. Ихъ Господь пасетъ. Вонъ, по дорогѣ вы ничего не видите?

— Ничего.

— Гречиха, это такъ валяется, по вашему?

На пути, дѣйствительно, были разбросаны щепотки гречихи.

— Это агнецъ Божій, муравель. Дождемъ гречу смочило, солнце опять проглянуло, они и вынесли сушить... Ну, прощай, дай Богъ!

XII.

Съ мѣловыхъ скалъ.

По крытой галлереѣ, по подземнымъ ходамъ, которые будутъ описаны ниже, по чернымъ норамъ, гдѣ до сихъ поръ, кажется, пахнетъ схимниками, и слышится звонъ ихъ желѣзныхъ веригъ, выбрались мы, наконецъ, на самыя вершины мѣловыхъ скалъ Святогорскихъ. Я видѣлъ Соловецкіе острова—съ Анзерской горы, Заволжье—съ откоса въ Нижнемъ, панораму Урала—съ Растеса, Заднѣпровье—съ Кіево-Печерскихъ высотъ, волшебныя равнины Аваріи и Кой-су, цѣлое море Балканъ—съ орлинаго гнѣзда на св. Николаѣ, счастливыя долины Гирловскаго султанства—съ Дервишъ-горы,—но еслибы теперь мнѣ еще разъ пришлось полюбоваться на эту громадную

картину съ мѣловыхъ скалъ Святогорскихъ, я, несомнѣнно, многое забылъ бы ради нея.

Горизонтъ безъ предѣла. Словно на ладони, все на восемьдесятъ верстъ впередъ. Внизу, подъ самыми ногами, извивается серебряная чешуя Донца. Берегъ опушенъ точно садами... Налѣво, на гористомъ берегу, хмурятся темныя сосны; внизу, въ долинѣ, нѣжная весенняя зелень, совсѣмъ пуховая, окутала чернотлены, дубы, ясень, липы и клены. Точно мягкія зеленыя облака приникли тамъ и дремлютъ на этой красивой глади. Налѣво, на скатѣ, золотятся кровли села Бородичнаго; прямо прелестная просѣка къ церкви села Студенокъ. Еще ближе, въ ту же сторону, желтѣетъ село Банное. Далеко, далеко, изъ-за лѣса, лиловый дымокъ подымается; тамъ лѣсопильный заводъ обители. Направо—лѣса за лѣсами, одни смутнѣе другихъ; кажется, что неопредѣленнѣе очерковъ и представить себѣ нельзя, а всмотришься, за ними мерещатся еще болѣе туманные. А тамъ, на краю неба, синева погуще—опять лѣса, но ихъ уже только чувствуешь, но не видишь... Ближе къ намъ, песчаная отложина берега, сверкающая, какъ золото, и множество озерковъ, словно серебряные и голубые щиты, разбросанные по равнинѣ. Все это остатки недавняго разлива. Подъ самыми ногами—весь монастырь. Голова кружится, когда смотришь съ этой высоты. Колокольни снизу точно тянутся къ тебѣ, точно хотятъ подняться до этихъ мѣловыхъ скалъ. Лодочка на рѣкѣ. Муравей-рыболовъ топорощится тамъ. Направо, далеко-далеко, бѣлая вилла Потемкиной чуть прорѣзывается на зеленомъ скатѣ.

Гдѣ конецъ этому горизонту? Гдѣ рамки этой картины?

Мѣловыя скалы снизу кажутся орлиными гнѣздами. Сверху только чувствуешь себя подавленнымъ этими громадными, гнетущими воображеніе, массами. Бѣлые, рѣжущіе глаза спуски съ коричневыми пятнами лишаевъ изрѣдка. Послѣ дождя разорались лягушки, крики ихъ даже здѣсь все заглушаютъ. Какіе-то особенные, точно милліоны утятъ шумятъ на болотѣ. И соловьевъ не стало

слышно. Каждое озерко гремѣло и орало. Когда глазъ привыкъ уже, насмотрѣлся на всю эту даль, то сталъ приглядываться къ ея деталямъ. Вонъ бѣлыя точки барановъ... Вонъ бѣлыя искры внизу,—это гуси движутся къ Донцу, въ который точно опрокинулись и не могутъ наглядѣться пышные берега. Толпы народа снуютъ по монастырскимъ дворамъ, точно муравьи роятся тамъ!

— Теперь еще не такъ красиво!—послышалось за мною.

— Почему?—даже и не оглянулся я.

— Нужно попозже. Когда груша, яблоня и вишня распустятся внизу. Тогда истинно нерукотворная краса Господня!

Рядомъ съ нами, на одной высотѣ, взмываетъ орелъ. Широко раскинулъ мощныя крылья сѣрый хищникъ. Клювъ внизъ. Глаза зорко впились въ зеленую чащу... И что за воздухъ здѣсь! Послѣ дождя, тысячи благоуханій курятся вверхъ, какъ раскрытыя кадила.

— Вы на наши скалы воззритесь!

Массы голубей сидѣли на ихъ уступахъ. Снимется который нибудь, распуститъ хвостъ вѣеромъ, опишетъ громадный кругъ, какъ серебряный комокъ, сверкая на солнцѣ, и опять домой—на мѣловую скалу. Мѣлъ этихъ утесовъ бѣлъ и чистъ. Спайки кремневой породы прорѣзываются наружу, точно по этимъ снѣжнымъ массамъ ползутъ темныя змѣи. Кое-гдѣ видны черные квадратики окошекъ. Неужели тамъ, за ними, жили люди? Въ этой тьмѣ? За то какая чудная панорама творенья Божьяго раскрывалась передъ ними. Черныя окошки и вверху, на самыхъ лысинахъ утесовъ.

— Какъ могли забираться туда?

— Еще недавно жили!

Я оглянулся; до тѣхъ поръ было не до того.

Красивое блѣдное лицо подъ чернымъ клобукомъ. Изможденное. Вдумчивые печальные глаза.

— Антонинъ!..—рекомендуется монахъ.—Еще недавно жили,—продолжалъ онъ.—Вонъ, видите, на гладкой совсѣмъ скалѣ, что надъ пропастью нависла, какъ бы малое

логовище звѣриное. Кажется, на крыльяхъ только и можно туда подняться. Ну, а тутъ пустынникъ спасался. Прочтите о немъ, въ описаніи нашей обители есть разсказъ архимандрита. «Трудно повѣрить, если бы мы сами не были тому свидѣтелями, что тутъ жилъ, даже при насъ, тайный отшельникъ, и мы около полугода о томъ не знали. Удивлялись только, что устье пещеры этой было черно, и видали иногда какъ бы струю дыма, изъ него исходившую. Однажды подстерегли, впрочемъ, человѣка, но онъ тотчасъ скрылся во тьму своего логовища. Я самъ пришелъ сюда и сталъ умолять невѣдомаго раба Божьяго выйти изъ его вертепа, дабы не навлечь непріятности только что зарождавшейся обители, если въ ней будутъ скрываться неизвѣстные люди. Долго не было отвѣта на мои увѣщанія, какъ вдругъ, къ общему изумленію нашему, внезапно явился изъ устья пещеры сухой, изможденный человѣкъ, еще не старый, въ одной сорочкѣ. Легко перепрыгнулъ онъ черезъ пропасть, изъ своей пещеры, на остріе противолежащаго утеса, влѣзъ на нашъ балконъ и, молча поклонившись намъ, удалился. Такъ и не узнали кто онъ».

Чѣмъ это не отшельникъ Ѳиваиды? Чѣмъ не подвижникъ первыхъ вѣковъ христіанства въ Палестинѣ?

Глядя на эти бѣлыя вершины, дѣйствительно, повѣришь тому духу уединенія, который, подъ этимъ аѳонскимъ небомъ, объемлетъ пустынножителя святогорскаго. Не захочется самому внизъ, къ этимъ кучамъ муравьевъ, что суетятся тамъ, въ непрестанной заботѣ о прибыткѣ, что мучаются и волнуются тревогами о мѣдномъ грошѣ. Эти скалы, впрочемъ, и на окрестное крестьянство дѣйствуютъ также. Однажды, возвращаясь отъ утрени, монахъ замѣтилъ на одномъ изъ остроконечныхъ утесовъ, самомъ высокомъ, какъ будто человѣка «съ развивающеюся отъ него хартіею».

— Меня объялъ ужасъ. Не мечтаніе-ли бѣсовское?— объяснялъ монахъ.

Спрашиваетъ у келейника, а тотъ весь блѣдный... Тоже, значитъ, увидѣлъ.

Братія на другую, доступную скалу двинулась. Подошла поближе. Видитъ, стоитъ на той ближняго села мужикъ, одержимый лунатизмомъ. Какъ онъ взобрался— никому не въ домекъ. Приступу—ни откуда! Сперва онъ стоялъ, потомъ сѣлъ, такъ что изъ подъ него камни посыпались. Сталъ громко кричать: «ожидаю благодати свыше», а по вѣтру развивалась длинная «разрисованная хартія», которую онъ повязалъ себѣ на шею. Боялись назвать его по имени, чтобы не очнулся и не упалъ въ пропасть. Принесли шесты и веревки, дабы его спустить какъ нибудь. Черезъ полчаса онъ очнулся и, въ ужасѣ схватившись за скалу, сталъ вопить и умолять, чтобы его сняли. Кое-какъ добросили ему веревки, которыя онъ обмоталъ за вершину скалы и спустился оттуда съ чрезвычайною опасностью.

— Я и до сихъ поръ не понимаю, какъ онъ могъ влѣзть туда,—прибавилъ монахъ.—Только птицѣ доступно!

Мнѣ самому казалось, когда я смотрѣлъ отсюда внизъ, что надъ всею этою гладью воздушный корабль несетъ меня въ синевѣ теплаго воздуха. Вотъ, вотъ надвинется онъ на Донецъ, оставитъ его за собою.

И голова кружилась, и въ вискахъ стучало.

Внизъ отсюда идутъ крытыя галлереи. Кое-гдѣ онѣ лѣпятся по каменной породѣ. Направо и налѣво щелятся черныя трещины. Грузинъ попался намъ на встрѣчу. Какъ онъ попалъ сюда? Молится на каждый крестъ, кланяется чуть не въ каждое окно святынямъ обители. На камнѣ держатся кое-какъ громадныя деревья. Корни разбросали по щелямъ. Трескается камень подъ ними. Темная чаща заслонила солнце. Точно въ царствѣ изумруднаго блеска идемъ мы назадъ. На встрѣчу артель тульскихъ рабочихъ. Какъ и слѣдуетъ быть, туляки разинули ротъ и дивуются.

— Ахъ, ты, Господи! Монашки-то, монашки... Гдѣ прилѣпились, а?

— Чудеса.

— На воздусяхъ. Примѣрно, какъ птица. А?

— Что ужъ...

— Куда вы, братцы, пробираетесь?

— А на Украйну. Найматься... Робя!.. Во енъ какой!

— И звѣря же лютая!

— Съистъ онъ ее?

— Какъ не съистъ. Читай-ко!

— Святая мученица Перепетуя!

— Ну, на то она мученица, чтобы звѣрь ее съилъ. Это ужъ такъ, братцы, положено. Безъ этого тоже не обойдешься!

— А другихъ калеными шипцами! Я тоже, робя, видалъ!

— И калеными. Не то, что ноне... Ноне больше въ морду влетаетъ!

— Претерпѣвый до конца—спасется!—гудитъ издали басъ монаха.

Посмотрѣлъ и я на картину, которую разглядывали туляки, и, не взирая на святость мѣста, засмѣялся. У льва проборъ на боку и виски впередъ зачесаны. Оказалось, что это видѣніе св. Перепетуи. Дальше христіане, отданные на съѣденіе дивимъ звѣрямъ: львамъ и тиграмъ; въ этой же компаніи преспокойно прогуливается корова! Подъ картиною надпись, ни съ того, ни съ сего:—«Узки врата, и тѣсенъ путь, вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его. Такъ узка и прискорбна добродѣтель. Всѣ мы должны блюсти себя опасно, чтобы не угрызъ насъ прелестный змій, т.-е. гордость, невоздержность, чревоугодіе, лакомство, піанство и блудъ! Сіи прелестныя страсти зміевы — суть власти и различныя крюки—суть грѣхи. Всякъ самъ себя блюди и, съ помощію Божіею, по златой лѣстницѣ въ рай иди. А кто полезнаго вамъ желаетъ, о томъ Бога молить подобаетъ».

— Вотъ такъ грамота, братцы!—восхищались туляки.— Ишь, ты, какой?..—тыкалъ одинъ въ прелестнаго змія.

— Времена были.

— Ноне, братъ, хуже!

— Ну?

— Что змій! Перекстился — и нѣтъ его! А ты вотъ откстись-ко отъ становаго!

— Отъ становаго не откстишься!

— Оно и есть...

— А то тоже—прискорбна добродѣтель!.. Енъ, братъ, какъ всыпетъ...

— Какъ не всыпать. Будь спокоенъ. Съ легкимъ сердцемъ всыпетъ!

— Ну, то-то! Енъ, братъ, угрызетъ. Тутъ, братъ, не соблюдешь!

— Блюди себя, опасно—сказано...

— Енъ тебѣ покажетъ! А то змій!.. Что змій!

Когда мы сошли внизъ, въ темное царство дубоваго лѣса,—уже смеркалось. Съ противоположнаго берега Донца доносилась пѣсня. Я прислушался.

«Ой якъ мені моя мати
Важко не вдихати,
Пригнавъ чумакъ сімъ паръ волівъ
Та-й ставъ запрягати...»

Голосъ былъ звонкій, высокій. А тутъ соловьи гремятъ... Къ сердцу приростало это благодатное Святогорье. Всю ночь почти я бродилъ надъ рѣкой, любуясь, какъ мѣсяцъ съ высоты обливаетъ нервно вздрагивающимъ, словно зыблющимся свѣтомъ, мѣловыя скалы Донецкой Ѳиваиды.

XIII.

Прежде и теперь.

— Въ крѣпостное время, богомольцевъ у насъ бывало очень немного, не пускали помѣщики. Въ первый-же годъ по освобожденіи повалили тысячами. Тоже умножилась и братія!—пояснялъ мнѣ отецъ Антонинъ, съ которымъ я познакомился на мѣловыхъ скалахъ.

Вообще нынче народъ сталъ гораздо религіознѣе и нравственнѣе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ весь монастырь. Прежде въ округѣ обители было гораздо больше преступленій, хотя дальше становыхъ значительная часть ихъ шла. Теперь же каждому даютъ ходъ—формалистами

стали, оттого и кажется много. Прежде за воровство и грабежи и за болѣе мелкіе проступки драли у становыхъ на дому, теперь обо всемъ протоколы и судбища. И откупались прежде гораздо чаще. Оттого послѣднее время и кажется слишкомъ чревато преступленіями. А, въ сущности, подъ вліяніемъ новыхъ учрежденій, народная нравственность значительно поднялась. Реформы воспитали народъ; это лучшій аргументъ къ посрамленію тѣхъ, которые любятъ ссылаться на нашу неподготовленность, на необходимость медленности въ преобразованіяхъ.

— Вы посмотрите: у насъ богомольцы, не только сами молятся, но и за незнакомыми слѣдятъ, чтобы молились. Въ обители заспаться другъ другу не дадутъ. Булавки не пропадетъ. Вѣдь паспортовъ не спрашиваемъ. Воры приходятъ, бѣглые притекаютъ, но все и всегда цѣло. Не шалятъ у насъ!

— А и бѣглыхъ случается, значитъ, встрѣчать?

— Что-же,—потупился монахъ:—это по мірскому они бѣглые, а по нашему—нѣтъ. Такіе еще нужнѣе Богу. Обремененные! Вотъ кто они по нашему. Судьи земные ихъ злодѣями нарекаютъ, а Отецъ Небесный говоритъ: азъ упокою вы... Такого спасепіь, ему Господь-то больше еще радуется, чѣмъ девяносто девяти праведникамъ. Я помню, въ одной обители монахъ былъ, праведнѣйшей жизни старецъ, всѣмъ инокамъ примѣръ, а въ міру за грабежъ сколько разъ судился,—сосланъ былъ. Съ сытой жизни не бѣгаютъ; кому жить хорошо, тотъ за темничные затворы не попадетъ. А кому жизнь омутъ, кто жизнью обиженъ—того укрыть надо, упокоить... Развѣ онъ виноватъ.. Совсѣмъ ожесточенныхъ — нѣтъ. Такіе только въ книгахъ свѣтскихъ, да у прокуроровъ вашихъ на языкѣ. Іуда Искаріотскій, на что злодѣй, а и тотъ какъ каялся. Самъ себя смертью покаралъ... Нѣтъ—мы не спрашиваемъ: откуда и кто. Зачѣмъ? Пусть въ каждомъ человѣкѣ совѣсть проснется. Какъ ласково съ нимъ обойдутся—сейчасъ опамятуется. Разбуди его душу, какими она кровавыми слезами заплачетъ!.. Все смоетъ, всякій

грѣхъ... Ни вотъ эстолькою пятонушка не останется; потому нѣсть грѣха, превышающаго милосердіе Божіе!

— Сколько у васъ всего богомольцевъ перебываетъ?

— Да въ годъ тысячъ до восьмидесяти. Къ одному Николину дню тысячъ пятнадцать сойдутся, да къ Успеньеву столько-же. А вотъ хотите убѣдиться, когда было лучше людямъ, при помѣщикахъ или теперь?

— Хочу!

— Спросимъ-ко вонъ хохла!

Спросили. Тотъ глубокомысленно почесалъ традиціонный чубъ, уставился внизъ, подумалъ, подумалъ и, наконецъ, разрѣшилъ:

— Прежде мы чоботъ не носили и жили хуже, потому на пана работали, и работали съ утра до ночи. У насъ паны были злыдни... Донимали... Ну, а нынѣ, слава Богу, оправились!

— Ну, а пьете больше?

— И пить меньше стали. Прежде дѣвка — панская была, а баба—наша. А нынче все наше!

XIV.

Святогорскій Эдиссонъ—отецъ Антонинъ.

Отецъ Антонинъ, съ его умнымъ лицомъ и задумчивыми глазами, производилъ сильное впечатлѣніе. Я разговорился съ нимъ; оказалось, что онъ механикъ-самоучка, да не по верхамъ только, а въ самую глубь проникъ. Онъ изъ полтавскихъ купцовъ.

— Отецъ у меня суровый былъ,—разсказывалъ онъ,—заниматься запрещалъ. Увидитъ съ книгой, до полусмерти изобьетъ. Прятался я отъ него, чтобы учиться; бывало, ищешь, гдѣ такая щель, куда бы съ книгой уйти. Бѣгалъ я—ворочали. Бросить книгу не могъ. Очень ужъ тянуло ко всякому знанію. Сна себя лишалъ, день деньской, какъ тѣнь, слонялся. Сталъ онъ слѣдить, горитъ-ли у меня чь въ горницѣ. Что было дѣлать! Отдѣлиться нельзя;

такъ убѣжать — безъ паспорта куда пойдешь? Время жестокое было. И задумалъ я уйти въ монастырь, чтобы учиться на просторѣ. Призванія настоящаго иноческаго не было. Говорю отцу, что въ обитель желаю. Побилъ, побилъ, но все-таки не совладалъ, отпустилъ. Архимандритъ Арсеній тогда правилъ; ну, тотъ помогъ. Работай, говоритъ...

Только работать-то ему и здѣсь вышло не совсѣмъ способно. Камень преткновенія — монастырскій уставъ. Онъ вовсе не даетъ простора такимъ талантамъ. Слѣдуетъ, прежде всего, смирять гордыню. Изобрѣлъ что человѣкъ — его сейчасъ же смирять, чтобы не вздумалъ превознестись. Для этого разныя цѣли есть: можно положить на время запретъ работать или послать потрудиться на задній дворъ и чисто физическимъ, къ тому же не совсѣмъ чистоплотнымъ занятіемъ — обрѣзать крылья. Или унизить чѣмъ нибудь, да такъ, чтобы превозносящійся голову опустилъ пониже и червемъ себя счелъ, червемъ, ползущимъ и смердящимъ. Ну, а тамъ опять позволятъ отрости крыльямъ. Потому что обители все-таки польза — хоть часы починитъ или какое нибудь приспособленіе выгодное придумаетъ, сокращающее число необходимыхъ наемныхъ рабочихъ.

— Ну, а васъ такимъ образомъ смиряли?

Отецъ Антонинъ молча опустилъ голову, сморгнулъ слезу и замолчалъ. Видимое дѣло — тяжко человѣку.

Соловьи за окномъ наполняли своими пѣснями душную тишину этой кельи.

— Вы вотъ о мужикѣ говорили. Толкуете, что въ Питерѣ у васъ крестьянина чуть не обезьяной представляютъ. А по моему, способнѣе народа нѣтъ. У насъ, у купцовъ, дѣти куда не такъ способны. Вотъ прежде были при монастырѣ поселянскіе мальчики. И у меня ихъ нѣсколько въ мастерской работало. Нахвалиться не могу. Умъ-то, умъ какой! Сразу беретъ. Покажешь ему, а ужъ онъ самъ разовьетъ. Орломъ хватаетъ! — воодушевился о. Антонинъ, даже глаза его загорѣлись.

— Былъ у меня одинъ такой. Чудеса дѣлалъ. Бралъ я взрослыхъ городскихъ слесарей—куда, сравненія нѣтъ! Совсѣмъ дерево — рядомъ съ нимъ. Самъ сталъ разныя приспособленія выдумывать. Нарадоваться я не могъ на него! Экъ, кабы народу да школу настоящую! Я, знаете, тупыхъ мальчиковъ между крестьянами не видѣлъ. Съ-лету понимаютъ!

— Куда-же этотъ дѣлся?

— Послалъ я его къ нѣмцу—механику одному. Ну, тотъ его встрѣтилъ не больно-то ласково. У меня, говоритъ, былъ попъ, что тебя крестилъ, только жаль, что не утопилъ! Ну, онъ послѣ того и забросилъ работу, захирѣлъ и спился. А какой малецъ то былъ!..

Швейная машина разъ уже была упрощена отцомъ Антониномъ. Сосѣдній помѣщикъ взялъ ее въ Петербургъ, съ цѣлью отдать модель профессору Киттарѣ.

— Ну, а въ Питерѣ съ помѣщикомъ этимъ грѣхъ случился!—добродушно улыбнулся о. Антонинъ.

— А что?

— Да въ карты онъ шибко игралъ. Продулся и модель мою спустилъ. Такъ все и пропало!

Многое задумывалъ этотъ монахъ, да денегъ не было на исполненіе, ну, и бросалъ. О. Антонинъ до того нуждался въ средствахъ, что одну модель едва могъ выполнить въ три года, выжидая нѣсколько рублей для покупки чугуна. Онъ самъ при этомъ и отливаетъ, и рѣжетъ. Иныя задуманныя имъ машины онъ долженъ былъ совсѣмъ видоизмѣнять и биться надъ ними, придумывать другія, изъ-за того только, что для исполненія первыхъ у него не было какого нибудь подпилка или иной, самой простой вещи. Часто ему приходилось отказываться отъ болѣе тонкаго и чувствительнаго механизма и замѣнять его инымъ, по недостатку средствъ. Потомъ, прежде чѣмъ сдѣлать модель, ему приходилось цѣлыми мѣсяцами потѣть надъ приготовленіемъ инструментовъ, которые, за нѣсколько рублей, онъ могъ бы купить въ ближайшемъ городкѣ. Монастырь въ этихъ случаяхъ совсѣмъ не помо-

гаетъ. Когда онъ изучалъ математику — работать надъ ней приходилось по ночамъ, до утрени. Днемъ надо на обитель трудиться. Опять какая разница съ Соловками во время моего посѣщенія. Тамъ бы не дали этой силѣ пропасть даромъ.

И въ такой невозможной средѣ отцу Антонину пришлось сдѣлать многое. Исходя, напримѣръ, изъ того, что главный недостатокъ нынѣшнихъ молотилокъ это частый ремонтъ, котораго онѣ требуютъ, о. Антонинъ изобрѣлъ свою, не паровую и не сложную, а дешевенькую молотилку, и такую, притомъ, что она сама беретъ хлѣбъ, значительно уменьшая количество труда подающаго ей работника. Изобрѣсти изобрѣлъ, а на модель денегъ нѣтъ.

— Куда дѣваться, куда пойти съ своими изобрѣтеніями! Поневолѣ опустишь голову! Поневолѣ сложишь руки и въ монастырскую колею войдешь!

Упростилъ онъ американскій топчакъ, на колесахъ его сдѣлалъ и механизмъ измѣнилъ, да все такъ и осталось. Денегъ нѣтъ, осуществить нельзя. Видѣлъ я и часы, которые онъ дѣлалъ ктитору. Совершенно своеобразный маятникъ. Показать нашимъ часовщикамъ—ахнули-бы! Придумалъ онъ и телѣгу, очень оригинальную. Колеса въ ней вертятся вмѣстѣ съ осями и притомъ длинныхъ осей не надо, а довольно короткихъ кусковъ желѣза. Раздобылся на модель, отдалъ кому-то—такъ и забросили.

— Куда не кинь, все клинъ! Какъ съ дѣтства мертвою петлею захлестнуло, такъ и до сихъ поръ!—грустно улыбается о. Антонинъ.

Додумался онъ до приспособленія парового двигателя, такъ чтобы былъ примѣнимъ ко всему, дѣйствуя на всю окружность вала и при томъ безъ мертвыхъ точекъ. Чертежъ составилъ.

— Ну, и что-же?

— Да вотъ видите—въ карманѣ ничего. Пожалуй, моихъ средствъ и хватило бы на самыя простыя модели, да отецъ умеръ разоренный. У меня мать старуха, братья, всѣхъ ихъ содержу!

И содержать-то приходится изъ копѣечныхъ средствъ. Келья у него маленькая, душная. Въ ней не только работать, сложа руки, трудно просидѣть. А какъ, напримѣръ, онъ занимается, задавшись чѣмъ нибудь. Пока свою швейную машину изобрѣталъ пять разъ передѣлывалъ и бросалъ ее, неудовлетворенный. И вся эта масса громаднаго таланта, весь жаръ изслѣдователя, весь каторжный трудъ— ни къ чему. То кто-нибудь плодъ его пятилѣтнихъ усилій въ карты спуститъ, то монашествующая братія найдетъ, что онъ превознесся гордыней, и давай его смирять!

— И какими цѣлями я задавался. Хотѣлось монашеское званіе возвысить, чтобы всѣ видѣли, какъ иноки работаютъ, чтобы не считали насъ дармоѣдами и тунеядцами... Эхъ! Превыспреннія мечты питалъ — всю округу поднять, хлѣбопашество наше не иныя основы поставить... и занялся было, ночи просиживалъ—а тутъ вдругъ монастырь отдалъ свои земли крестьянамъ изъ трети!

Что за неутолимая жажда труда и знанія была въ этомъ человѣкѣ. Особенно гордится о. Антонинъ часами, которые до сихъ поръ красуются на монастырской колокольнѣ. Часы эти сдѣланы на диво. Имъ изумлялся даже харьковскій профессоръ, посѣщавшій обитель, но, разумѣется, только при одномъ изумленіи и остался. Пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь о. Антонину выбиться. Работалъ эти часы о. Антонинъ нѣсколько мѣсяцевъ; отливалъ, рѣзалъ, точилъ, все самъ, до послѣдняго гвоздика. При этомъ и тутъ не ограничился готовымъ шаблономъ, но измѣнилъ регуляторъ колокольныхъ часовъ на манеръ хронометра и вышло очень удачно.

Отцу Антонину пришлось такимъ образомъ изучить самому почти всѣ механическія производства. Онъ и слесарь, и токарь, и мѣдникъ, и литейщикъ. Онъ мнѣ показывалъ цѣлую груду изящныхъ чертежей—все проекты.—Я не знаю человѣка, разсказъ котораго произвелъ бы на меня болѣе гнетущее впечатлѣніе. Отецъ Антонинъ— монахъ съ 18 лѣтъ. Двадцать шесть лѣтъ вѣры въ свое призваніе и разочарованій, новыхъ увлеченій и новыхъ

ударовъ. Работникъ подъ рясою іеродіакона! Вотъ они, эти мученики труда и мысли! Говорятъ, золото и въ грязи видно, истинные таланты не пропадаютъ. Загляните-ко вы въ наши захолустья, да посмотрите, сколько тамъ гибнетъ талантовъ и знанія. И какъ еще гибнетъ—безъ слѣда, безъ толку!

Да, горькая твоя участь, русскій Эдиссонъ! Вѣдь это живая душа бьется, вѣдь это живое сердце обливается кровью. Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ о. Антонина, прошло уже четыре года. Что съ нимъ? Работаетъ ли онъ по прежнему? Борется ли онъ? Или уже померкли эти грустные, пытливые глаза, совсѣмъ высохло и стало иконописнымъ это живое лицо, лицо, озарявшееся талантливою мыслью?

XV.

На дачѣ графини Потемкиной.

Совсѣмъ итальянская вилла!

Пріютилась на горѣ и закуталась въ благоуханную чащу, точно отшельникъ, бѣгущій отъ міра. Внизу—мирный Донецъ. Обогнулъ онъ выступъ этой горы и бѣжитъ дальше, чтобы приласкаться къ мѣловымъ скаламъ монастыря. За нимъ озерки, сплошь охваченныя облаками орѣшника и молодого дуба. Съ верхняго балкона виллы все, какъ на ладони; и бѣлые утесы, и самая обитель. Лучшаго пункта нельзя было избрать для картины. Выступы горъ за выступами—и всѣ обрушиваются въ Донецъ. Та же даль, что и съ мѣловыхъ скалъ. Не наглядишься на нее. Горы справа, точно чьи-то руки, обняли долину, и нѣтъ у нихъ силъ разогнуться. Ласкаютъ ее и нѣжатъ. Берегутъ отъ чьего-то завистливаго взгляда. Идиллическою прелестью дышутъ эти дали. Глазъ не разбѣгается, какъ въ Соловкахъ. Вся картина цѣликомъ передъ вами, гармоничная въ своихъ деталяхъ. При всей ея громадности, впечатлѣніе полно и опредѣленно.

Яркія бабочки носятся въ воздухѣ. Подъ легкимъ вѣт-

ромъ, внизу, у самыхъ ногъ, колышутся вершины деревьевъ. Слушаешь, и чудится, что это море далекое бьется въ мѣловые берега и катитъ волны по нимъ вплоть до крутыхъ откосовъ.

Вонъ, по дорогѣ, точно черные жуки, возы ползутъ, едва видны; скрипъ ихъ колесъ чуть доносится сюда. Выше насъ одно синее небо, да орелъ, широко разбросившій крылья. Подъ балкономъ — бабы-богомолки крестятся на виллу.

— Ишь, монастырекъ какой!

— А гдѣ хрестъ-отъ?

— Нѣтъ хреста. Все одно—и безъ хреста мѣсто свято. Ишь, отецъ сидитъ!—указываютъ онѣ на меня.

— Гдѣ тутъ угодникамъ помолиться, святой отче?— обращается ко мнѣ.

При всемъ великомъ соблазнѣ побыть хоть минуту святымъ отцомъ, я ихъ разочаровываю, и онѣ сползаютъ внизъ. Гдѣ-то далеко, должно быть, въ «Банномъ», поетъ пѣтухъ... Крикъ его донесся сюда. Собаки за рѣкою лаютъ. Плотъ по водѣ ползетъ. Кажется, такъ медленно. Пестрая толпа насѣкомыхъ-гребцовъ на плоту. Вѣтеръ гонитъ по рѣкѣ зыбь, точно пылью подергиваетъ. Вѣтеръ и до меня добрался, обдалъ запахомъ бѣлой акаціи и шумитъ уже дальше, въ пустыхъ комнатахъ виллы, заботливо приподымая чехлы съ мебели, сметая пыль съ угловъ и будя пауковъ, что заснули въ щеляхъ за своими паутинками.

Какой-то монахъ всползъ ко мнѣ на балконъ. Толстый, благополучный...

— Господи благослови!

Я поклонился ему.

— Богу помолиться пріхали?.. Ну, что, въ соборѣ нашемъ были?

— Былъ.

— Ну, слава Богу!

Молчаніе...

— Понравилось?

— Да, очень!

— Ну, спаси васъ Богъ!

И опять молчаніе. Только воздыхаетъ, да чрево свое поглаживаетъ, щурясь, какъ котъ, на солнце. Наконецъ, видимо, ему надоѣло безмолвствовать.

— Аще бо пойду посреди сѣни смертныя—не убоюся зла... (пауза). Яко ты, Господи, со мною... (пауза). Се бо твой есмь азъ...—Зѣвнулъ сладко, сладко.

И опять молчаніе. И опять щурится на солнце.

— Женаты?

— Да.

— Суета... Неоженившійся печется о Господѣ... И давно побрались (на мѣстномъ нарѣчіи—женились)?

— Нѣтъ!

— Оставитъ человѣкъ отца своего и...—Новая пауза. Видимое дѣло — лѣнь человѣку. — По какому вѣдомству службу прохождаете?

— Не служу!

— Что-жъ такъ?.. При младыхъ лѣтахъ... И предаде ся волѣ пославшаго его, и изрекоша паки и паки... Благороднаго сословія?.. Такъ!.. Одержимы благочестіемъ, или такъ любопытствуете обитель нашу?.. Вы не иновѣрецъ ли?—подозрительно взглянулъ онъ на меня.

— Почему вы думаете, что иновѣрецъ?

— Такъ... Свободный взглядъ имѣете — въ очахъ у васъ препоны не замѣчаю... Какъ, по вашему, китъ—рыба или земноводное, и каковымъ путемъ, имѣя глотку столь узкую, проглотилъ онъ пророка Іону?

— Иначе бы и чуда не было!

— Чего?

— Иначе бы и чуда не было,—говорю!

— А!.. Вотъ оно!.. Эге!.. Скажите, пожалуйста... Точно!.. — изумился монахъ моей находчивости. — Господь захочетъ — и блоха, на что звѣрь малый, проглотитъ!.. Это я вамъ испытаніе, въ родѣ какъ бы экзаменъ... Потому нынѣ благородные господа не вѣруютъ. А теперь вижу—вы признаете... Ну, спаси васъ Господь! Такъ-то лучше. Да тихое и безмолвное житіе поживемъ, во вся-

комъ благочестіи и чистотѣ... Мѣстоположеніе наше вы какъ?.. Одобряете?

— Мѣста чудесныя!

— Точно, предивно; гора—и на горѣ монастырь. Была пустыня мертвая — и нѣтъ ея... По слову пророка: «да возвеселится и да цвѣтетъ, яко кринъ...» Вы мнѣ понравились, я къ вамъ благожеланіе питаю... Будете въ обители—спросите Серапіона. Іеромонахъ Серапіонъ. Ну, Господь съ вами!

И опять тишина кругомъ, только скрипъ Серапіоновыхъ сапогъ доносится изъ сада.

Отсюда видно, сколько работы парому. Толпа за толпой стекается къ монастырю. Бѣлыя свитки хохлушекъ ярко блестятъ на солнцѣ, въ перемежку съ коричневыми кафтанами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на обиліе народа, крестьянинъ здѣсь далеко не такъ религіозенъ, какъ на сѣверѣ. У воротъ обители покуриваютъ трубочки. Ругань иногда виситъ въ воздухѣ. Даже рабочіе на паромѣ попыхиваютъ табакомъ. Монахамъ запрещено, а богомольцы— во всю. Вонъ людченка внизу наткнулась на палью и завертѣлась. Сунулся гребецъ въ другую сторону—и наткнулся на корчу.

— Какого стиля эти колонны, по вашему?

Обертываюсь—неугомонный отецъ Стефанъ.

— Коринфскаго, полагаю!

— Почему не иныя какія? Можетъ и иныя, а? — не воздержался онъ, чтобы не попробовать заспорить. — А вотъ что! Я за вами... Вы желали нашу лавку посмотрѣть!

— Ну?

— Пойдемте. Я хотѣлъ отсюда съ балкона снять фотографію, да камеръ-обскура мала!

— А хорошо бы!

— Еще какъ! Цѣлый альбомъ видовъ святогорскихъ можно бы составить!

XVI.

Монастырская — булочная и лавка.

Мимоходомъ зашли въ булочную. Арендуетъ ее мірянинъ. Хлѣбъ продается скверный, маловѣсный.

— Что вы монастырю платите?

— Плачу 100 рублей въ годъ. Плачу-то малость!

— Отчего у васъ хлѣбъ плохой?

— Контрахтой связалъ себя. Долженъ не иначе, чтобы муку у монастыря брать. Мнѣ и даютъ; только вмѣсто семи рублей за четверть — тринадцать дерутъ монахи. Потому и хлѣбъ не хорошъ, и дорого!

Благодаря этому, а также и отсутствію конкуренціи, богомольцы не могутъ добыть порядочнаго хлѣба, платя притомъ за трехкопѣечную булку вдвое.

— У насъ, въ Харьковѣ...—протестуетъ богомолецъ.

— Ну, что тамъ у васъ! Иди, иди, за мѣсто у насъ деньги берутъ!—гонятъ его изъ булочной.

— Чего ты! — усовѣщиваетъ богомольца встрѣчный монахъ.—Не стыдно-ли? Ты развѣ чреву угождать сюда пришелъ.—Претерпѣвай гладъ!.. Въ кои-то вѣки въ обитель зайдешь, да еще смутьянишь... То не хорошо, другое дурно. А ты пойми, можетъ, булка и не вкусна, да на ней благодать и благословеніе обители почіютъ. Ты, братъ, по своему у насъ не прикидывай!

Лавка устроена снаружи. Она примыкаетъ бокомъ къ монастырю, а другимъ выходитъ къ рѣкѣ. Торгуютъ въ ней монахи. Товаръ—книги духовно-нравственнаго содержанія, преимущественно синодальныя, картины, виды монастыря, ужасно скверно сдѣланные, ложки разныхъ сортовъ, съ крестомъ вмѣсто ручекъ, съ разными силуэтами святыхъ; кресты, четки изъ масличныхъ зеренъ, богородничныхъ слезъ, сухого гороху; образки, распятія, пояски. Изъ всего этого монастырь производитъ только однѣ ложки — больше ничего. Образками спабжаетъ Троицко-Сергіева лавра, а книгами — синодальная типо-

графія; даже четки изъ гороху покупаются монастыремъ на Аѳонѣ. Перламутровые кресты—изъ Виѳлеема, привозятъ ихъ греки. Сунулся я было къ видамъ монастыря. Скверные, плохіе, по 60 к. штука; альбомъ изъ 15 плохихъ картинъ—5 р.

— Что такъ дорого?

— Нужно же въ пользу святыя обители хоть какой нибудь профитъ получить!—бойко отрѣзалъ монашекъ.— Сами деньги платимъ. Не безъ проценту же!

Малороссы толпой приступились тоже. Поторговались и назадъ. Видятъ—не сладко: цѣны высокія, монахи не сговорчивые... Костромская кособрюхая артель привалила.

— Почемъ этотъ богъ-то? — тыкаютъ пальцами въ картину.

— Рубль! Рубль, благословенные, рубль!

— Нельзя ли подешевле? Ишь, какой онъ! Никакой въ емъ красы нѣтъ!

— Нельзя, нельзя, рабы Божьи!

Продавецъ въ лавкѣ—тулякомъ оказался. Онъ іеромонахъ. Видимо, и сюда онъ перенесъ принципъ: не надуешь — не продашь. Я, по крайней мѣрѣ, не думаю, чтобы обитель сама назначила такія цѣны.

— Сколько за Богородицу?—показываетъ костромичъ на св. Варвару великомученицу.

— Полтинникъ!

— Ну, давай!

Такъ св. Варвара и сходитъ у монаховъ за Матерь Божію.

Вечеръ я опять встрѣтилъ на дачѣ Потемкиной. Здѣсь будетъ умѣстно разсказать о томъ, какъ, послѣ запрета, опять возникъ этотъ монастырь, тѣмъ болѣе, что главное участіе въ его возстановленіи принимала именно Татьяна Борисовна. По смерти Юсупова, Святогорское имѣніе досталось Алексѣю Михайловичу Потемкину. Всего въ этомъ районѣ числилось до 20,000 дес. земли, причемъ половина ея была пахотная. Потемкинъ въ 1842 году обратился въ святѣйшій сvнодъ съ просьбою о возобновленіи

обители, предлагая съ своей стороны 70 дес. лѣсной, сѣнокосной и огородной земли и проценты съ 10,000 р., жертвуемыхъ имъ на это. Черезъ два года состоялось по этому предмету Высочайшее повелѣніе, ограничивавшее штатъ монастыря 24 лицами. Пожертвованіе было каплею въ морѣ, сравнительно съ тѣмъ, что дала обители Татьяна Борисовна. Ее до сихъ поръ поминаютъ монахи, обрушиваясь за то на нынѣшнихъ ея наслѣдниковъ, Рибопьеровъ, всѣми громами своего неудовольствія. Оказывается, что эти ничего не дали Святымъ горамъ. Потемкина пріѣзжала сюда чуть-ли не каждое лѣто. Въ судьбахъ обители она принимала самое живое участіе. Благодаря ей, монастырь получилъ извѣстныя льготы и былъ достаточно рекламированъ въ Петербургѣ.

Но если Потемкина была строительницей и благотворительницей обители, то ея управляющій сталъ здѣсь ужасомъ для всего населенія окрестнаго района. Оно бѣдствуетъ, разоренное мѣрами, принятыми имъ въ интересахъ владѣльца. Разумѣется, это выгодно обители. Дешевле рабочія руки, да и крестьянство въ кабалѣ, потому что ограбленнымъ хлѣбопашцамъ только одинъ монастырь можетъ оказать и оказываетъ помощь. Управляющій имѣніемъ Потемкиной съумѣлъ устроить дѣла такъ, что поселянамъ досталось въ надѣлъ только по двѣ десятины на семью. Если бы не арендуемая ими монастырская земля—мужикамъ пришлось бы умирать съ голоду. А какія подати при этомъ: въ селѣ Татьяновкѣ, напр., среднимъ числомъ, два работника въ семьѣ платятъ по 30 р., посѣва же на всю семью $1^1/_2$ десятины!

XVII.

Подземный ходъ.

Мѣловыя скалы, словно жилами, проточены подземными ходами, которые ведутъ сверху внизъ. Отъ подножія монастыря можно дойти ими до самаго Ѳа-

вора, какъ называютъ свою вершину святогорскіе монахи.

Отецъ Серапіонъ, который послѣ экзамена на дачѣ Потемкиной, почему-то привязался ко мнѣ, ждалъ уже съ пучкомъ восковыхъ свѣчъ.

Черная щель раскрылась передъ нами.

— И се разверзаются врата адовы!—шутилъ онъ по своему.

Насъ обдало мракомъ и сыростью. Ощутительный запахъ плѣсени стоялъ въ влажномъ воздухѣ. Черная тьма густилась впереди. За нами, въ отверстіи пещеры, колыхались зеленыя вѣтви, и свѣтило солнце, но долго. Визгливо скрипя и словно жалуясь кому-то, затворилась дверь, и теперь только колеблющееся пламя двухъ восковыхъ свѣчей озаряло небольшое пространство могилы, въ которую мы были опущены. Мѣловыя скалы— нѣсколько повыше. Теперь мы медленно подвигались впередъ жилою, пронизавшею обыкновенный грунтъ. Скоро, впрочемъ, сырости не стало. Стѣны этой жилы побѣлѣли: мы были уже въ мѣловомъ утесѣ.

Шли тихо... Тѣсно, — двоимъ въ рядъ идти трудно. Второстепенныя жилы, въ разныхъ направленіяхъ, разбѣгаются по скаламъ. Кажется, что идешь въ гигантскомъ окаменѣломъ трупѣ, сквозь когда-то бившіяся и полныя кровью, а теперь пустыя артеріи... Дунуло вѣтромъ изъ боковой жилы, и свѣчи наши потухли. На минуту мы остались въ тяжеломъ подземномъ мракѣ. Именно подземномъ, таково ощущеніе. На землѣ мракъ не мѣшаетъ вамъ дышать, не давитъ васъ. Вы чувствуете тамъ просторъ. Здѣсь эта тьма гробовою крышкою ложится на вашу грудь.

— Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ и освѣщаетъ вся!— И отецъ Серапіонъ съ довольною улыбкою возжегъ свѣчи.— Для свѣтскаго человѣка сіи ходы подземные ужасны; намъ же они отрадны, знаменуя, сколь многіе труды были подъяты на рамена свои первыми пустынножителями святогорскими!

При свѣтѣ, жила казалась уже совсѣмъ бѣлой. Сырость еще стояла здѣсь, видимо, снизу дышало влагой. Сырость осаждалась и на стѣны. Нельзя было упереться въ нихъ ладонью, такъ онѣ были мокры. Ходъ идетъ все вверхъ по довольно крутому наклону.

— Преосвященный Арсеній!—тыкаетъ отецъ Серапіонъ въ какую-то дверцу.

— Кто?

— Погребенъ первый изъ нашихъ настоятелей. Въ скалѣ мѣловой пещерка малая. Добродѣтельнаго житія былъ. При немъ и обитель поднялась. Онъ самъ себѣ здѣсь могилу избралъ!

Черная дверь могилы осталась позади. Опять сырость подземной жилы пронимаетъ насъ. Нога скользитъ, точно на мѣлу проросли влажные лишаи. Голова сама никнетъ здѣсь. Дышется съ трудомъ, глазъ невольно жмурится, утомляемый однообразнымъ видомъ бѣлыхъ стѣнъ, и вдругъ!.. Малое окошко въ скалѣ, за окномъ зеленая долина рѣки Донца, переполненная солнечнымъ блескомъ. Вонъ золотятся соломенныя кровли. Вонъ, синіе очерки лѣсовъ, уходящихъ вдаль.

— Ну, потрудитесь, потрудитесь еще!—торопитъ отецъ Серапіонъ, для котораго всѣ эти эффекты, очевидно, давно потеряли свою прелесть.

И опять полземъ мы по щели вверхъ; отсюда уже замѣтны горизонтальные тонкіе слои кремня, параллельно другъ другу скрѣпляющіе мѣловую породу. Они насквозь проникли ее, иначе и не могла бы держаться эта масса отдѣльныхъ утесовъ.

— Да, первые христіане здѣсь потрудились Господу!

— Почему же вы думаете, что они? Я полагаю происхожденіе этой жилы болѣе древнимъ!

— По каковому разсужденію?

— Да вѣдь здѣсь недалеко была половецкая столица Саркель, или Бѣлая Вѣжа. А этотъ утесъ являлся для нея естественною крѣпостью. Въ тѣ времена, ходы къ водѣ прорывались такъ, чтобы осаждающіе не могли помѣшать ходить за нею!

— Можетъ быть, все можетъ быть...

Богомольцы обожгли мѣловой потолокъ свѣчами и черные кресты понадѣлали, точно на бѣлой ризѣ. Сбоку надпись копотью: «Богу—рабъ, царю—коллежскій асессоръ Иванъ Трофимовъ». Какой-то французъ Мишонъ здѣсь же увѣковѣчилъ себя. «И я—Шимановская», вписалась рядомъ какая-то умница.

Въ самомъ сердцѣ мѣлового утеса крутой поворотъ налѣво. Торжественный отецъ Серапіонъ начинаетъ поглядывать на меня еще торжественнѣе. Щель стала уже, запахъ сырости несноснѣе. Влага осаждается на платье. Волосы мокры, съ бороды каплетъ. Зубы ноютъ, точно простуженные. Кремень уже проступаетъ большими раковинами—проможинами. Становится невыносимо. Кажется, будто кто-то навалилъ на васъ всю эту колоссальную мѣловую скалу, и она вдавливаетъ тѣло въ сырую болотину. Вотъ, вотъ, задохнешься.

— Троекратно перекреститесь!

Какая-то дверь скрипитъ жалобно-жалобно на ржавыхъ петляхъ. Дверь черная, за нею двѣ совсѣмъ черныя закопченныя пещерки, шага по четыре каждая. Въ одной пробита дыра въ наружу, вершка два въ діаметрѣ. Въ другой еще менѣе. Два узкихъ и скудныхъ луча свѣта дрожатъ въ черныхъ пещерахъ, ничего не освѣщая. Дрожатъ словно имъ холодно здѣсь. Только и видишь, что свѣтлыя пятна этихъ отверстій; точно двѣ тусклыя, робкія звѣздочки мигаютъ онѣ.

— Что это?

— Тутъ всю жизнь спасался затворникъ Іоаннъ, безвыходно и строго заключенный!

— Кто же его заключилъ?

— Самъ себя заключилъ на подвигъ велій...

Совсѣмъ могила. Стѣны закопчены. Кажется, что еще пахнетъ трупомъ.

— Ни пѣнія птицы не слышалъ, ни свѣта солнца не видѣлъ. Во тьмѣ!..

Въ мѣловой стѣнѣ выбита приступка. Вѣрно подвиж-

никъ что-нибудь клалъ сюда. Вонъ крестъ выдолбленъ въ стѣнѣ. Видно, что здѣсь жило живое существо. Но все-таки это могила — и могила страшная. Изъ кельи дыра внизъ — въ подземную церковь. Прикладывая ухо къ этому отверстію, заточникъ слушалъ божественную литургію. Иногда и запахъ ладона доносился къ нему сквозь этотъ волосной сосудъ мѣлового организма.

— Сколько же онъ тамъ-то?

— Семнадцать лѣтъ вытерпѣлъ, пока Господь его не призвалъ къ себѣ!

Іоаннъ Заточникъ въ высшей степени любопытный характеръ; я посвящу ему отдѣльную главу. Кажется, что это не отъ копоти восковыхъ свѣчъ, а отъ его дыханія почернѣли стѣны. Глаза невольно искали по сторонамъ изможженаго лица, на которомъ только глаза горѣли-бы изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, выдавая жизнь еще незакостенѣвшаго въ этой подземной кельѣ человѣка. Во второй пещерѣ—пара покрытыхъ ржавчиною веригъ. Отецъ Серапіонъ набожно приложился къ нимъ и потомъ предложилъ мнѣ поднять. Они гвоздили къ землѣ. Глядя на эти острые обручи, невольно думалось, какъ они должны были въѣдаться въ тѣло! Въ углу изображенъ Христосъ распятый. Обнаженное тѣло его выглядываетъ какъ-то особенно мертвенно на закоптѣломъ мѣлу. Внизу черное мѣсто—тутъ стоялъ гробъ заточника.

Ужасъ охватывалъ сердце. Семнадцать лѣтъ такихъ страданій! Среди этой тьмы, среди этой сырости. Въ безмолвіи, куда достигалъ только печальный отголосокъ молитвенныхъ напѣвовъ, гдѣ звенѣли тяжелыя вериги. Огонекъ лампады теперь нервно вздрагиваетъ здѣсь передъ иконою. Точно и ему жутко въ этой могилѣ. Точно онъ собираетъ послѣднія усилія, чтобы не потухнуть подъ этою массою сырости, мрака и камня.

Нѣтъ, прочь скорѣе!..

Отецъ Серапіонъ, очевидно, понялъ мое состояніе и вывелъ меня на площадку, откуда опять сверкнулъ мнѣ

въ глаза Божій міръ, со всею его прелестью, съ его свѣтомъ и жизнью. Разомъ охватило тепломъ.

Раза два въ годъ и затворникъ приходилъ сюда любоваться на оставленную имъ землю. Тутъ залетали къ нему голуби, отсюда онъ слышалъ соловьиную пѣсню, видѣлъ Донецъ, струящійся внизу... Представляю, съ какимъ жаднымъ и больнымъ чувствомъ слѣдилъ онъ за извивами рѣки, за перебѣгающею тѣнью облаковъ, за трепетомъ листвы, за колыханіемъ вѣтвей, подъ легкимъ вѣтромъ свѣжаго утренника. Какъ онъ пилъ цѣлебный ароматъ полей, запахъ весеннихъ цвѣтовъ. Неужели его не тянуло вонъ, совсѣмъ вонъ изъ этой кельи? И потомъ опять полгода тьмы, безмолвія, холода, потому что Іоаннъ и зиму проводилъ въ этой кельѣ, въ тѣхъ же веригахъ, въ той же скудной, убогой ряскѣ... Звѣрь уходитъ на зиму въ логовище, но у того хоть шуба есть, благо снабдила природа...

Опять подземная жила. Опять идемъ щелью. Опять пещера, но въ ней мигаютъ лампады, тускло поблескиваютъ убогія иконы безъ окладовъ. Это—церковь древняго монастыря. Въ нее, по сторонамъ, выходятъ устьи меньшихъ пещерокъ, гдѣ жили иноки, лѣтъ четыреста тому назадъ. Отсюда, по сторонамъ подземнаго хода, то и дѣло попадаются келійки, но окна въ нихъ уже четверти на полторы. Хоть свѣтъ есть. Эти-то черныя точки отверстій мы и видѣли въ скалѣ снаружи. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что въ этихъ сырыхъ ходахъ, въ этихъ мокрыхъ пещеркахъ, ни одинъ кротъ не въ силахъ прожить долго. Въ одной изъ нихъ найдено было семь череповъ и костяки. Ихъ похоронили въ одномъ гробѣ. Щель къ нимъ ведетъ узкая и низкая. Нужно идти, сгорбясь. Воздухъ тутъ таковъ, что, кажется, дышешь испареніями разлагающагося трупа. Тутъ уже много келій, по двѣ, по одной. Если по двѣ вмѣстѣ, то входъ изъ одной въ другую просто дыра, сквозь которую нужно ползти, какъ ползетъ змѣй. Очевидно, что въ чхъ пещерахъ жили не пустынники. На стѣнахъ нѣтъ

крестовъ; ничто не указываетъ, что въ норахъ по сю сторону мѣловой скалы молились и каялись. Тутъ нѣтъ даже и оконъ въ наружу. Только безразсвѣтная тьма!

Я, войдя въ одну изъ нихъ, затушилъ свѣчу. Заживо схороненный—иначе не могу опредѣлить своихъ ощущеній. И притомъ какое отсутствіе жизни! Въ землѣ хоть червякъ копошится, сверху мышь полевая норку роетъ—до могилы докопается, корни растеній тянутся къ тебѣ; тутъ же—въ мѣлу—только вода отлагается на стѣнкахъ. Тишина подавляющая. Развѣ капнетъ сверху и брызнетъ по сторонамъ. Въ этомъ безмолвіи и стукъ капли болѣзненъ для уха. Чудится, Богъ знаетъ что! Подъ конецъ кажется, что вотъ стѣны кельи раздвинулись, и какіе-то фосфорическіе силуэты шевелятся въ ней. Вотъ они приподымаются снизу. Вотъ какія-то невидимыя въ этой тьмѣ руки протягиваются къ тебѣ. По холоду, вѣющему на лицо, ты ощущаешь ихъ. Влага, отлагающаяся на немъ, мерещится прикосновеніемъ чьихъ-то сырыхъ и скользкихъ пальцевъ.

Нѣтъ, свѣта скорѣе! Воздуха! Воздуха!

Когда я вышелъ совсѣмъ изъ этой пещеры и сѣлъ—мнѣ казалось, что меня, заживо схороненнаго, отрыли и и вновь вернули жизни. Надо мной колышется зеленая листва, задорно свищутъ въ ней птицы, и громко, громко, раздражающе-громко внизу поетъ свою страстную пѣсню украинскій соловей... Солнце... Сегодня первое мая, но оно грѣетъ какъ у насъ въ іюлѣ, и только прохладный горный вѣтеръ умѣряетъ зной. Я, впрочемъ, радъ былъ жарѣ. Только что выбравшемуся изъ жилища мертвыхъ нужно было отогрѣться и высохнуть прежде всего.

Пахнетъ смолистымъ запахомъ прѣющихъ на землѣ сосновыхъ шишекъ и, порою, грибами. Должно быть, они только-что поднялись въ сырыхъ пролѣскахъ послѣ дождя. Откуда-то нѣтъ-нѣтъ да и обнесетъ розами, видимо, изъ настоятельскаго сада. И непонятно становится, какъ отъ всей этой прелести уйти подъ землю, спрятаться живьемъ въ гробъ? Вонъ она позади—чер-

ная щель пещеры съ могильною сыростью и съ запахомъ трупа. Вонъ оно, это царство смерти и безмолвія, это подземелье, гдѣ только и встрѣтишь что изможженаго монаха, слѣпнувшаго на солнцѣ, да застывшіе въ одномъ выраженіи равнодушія ко всему земному лики иконъ.

— Вотъ каковы наши старцы были! — восхищается отецъ Серапіонъ. — Нынѣ такихъ нѣтъ, да, по грѣхамъ нашимъ, и не будетъ!

— А не приходило ли вамъ въ голову, отче, что прятаться во тьму отъ свѣта, значитъ, презирать твореніе Бога своего? Не думаете-ли вы, что закопаться въ землю отъ зелени, отъ цвѣтовъ, отъ фиміама полей, кадящихъ небу, —кощунство?

— Это еретическія разсужденія, отрицаемыя церковью. Въ умерщвленіи плоти — могущество духа. Для монаха ничего не должно быть привлекательнѣе добровольнаго заточенія въ келію. Вы почему полагаете, что для него жизни нѣтъ?.. А созерцаніе? А воспоминаніе земной жизни Христа?.. Во тьмѣ еще ярче краски ему представляются. По наитію — и ликъ Спасителя въ молитвѣ явленъ бываетъ. Іоаннъ-Заточникъ, подъ конецъ своего пребыванія въ мѣловой скалѣ, не разъ со Христомъ бесѣдовалъ и сими бесѣдами несказанно утѣшенъ былъ...

XVIII.

Іеросхимонахъ Іоаннъ-Затворникъ.

Семнадцать долгихъ лѣтъ добровольнаго пребыванія въ могилѣ заживо!

«Какой фанатизмъ!» воскликнутъ многіе, отступая, совершенно справедливо, передъ этой страшной эпопеей страданій. Позвольте, почему же фанатизмъ, а не характеръ? Будь направлена та же громадная сила воли на достиженіе благихъ цѣлей, на дѣло, которому мы могли бы сочувствовать, и передъ нами былъ бы, несомнѣнно,

характеръ, и никакимъ инымъ именемъ мы бы его не назвали. По моему, и въ данномъ случаѣ это ничто иное какъ характеръ—упорный, настойчивый, презирающій внѣшнія условія, сбрасывающій прочь всѣ препятствія, побѣждающій самую жизнь! Характеръ, питающійся лишеніями и страданіями и укрѣпляющійся ими, какъ организмъ здоровою пищею; характеръ, какъ желѣзо въ горнилѣ, твердѣющій подъ молотомъ... Мнѣ возражали на это, что въ такомъ случаѣ и факиры тоже характеры? Несомнѣнно! и еще какіе! Именно, не галлюцинаты, а характеры! Галлюцинація потомъ проходитъ, а сначала—характеръ и только одинъ характеръ. Вѣритъ человѣкъ, что это добро зѣло, вѣритъ и стремится къ нему. Если это добро намъ не кажется добромъ — все равно, характеръ отъ этого не дѣлается чѣмъ нибудь инымъ. Мученичество тоже характеръ. Мученики вѣдь только въ Четьи-Минеи улыбаются своимъ палачамъ; въ дѣйствительности, они страдали физическими болями и не сдавались только въ силу характера, иначе бы и заслуги въ мученичествѣ не было. Въ самомъ дѣлѣ, что за диво быть заживо сожженнымъ, когда передъ глазами эдемъ и, вмѣсто боли, тѣло чувствуетъ прохладу райскихъ кущъ!..

Въ силу этого и въ святогорскомъ іеросхимонахѣ Іоаннѣ-Затворникѣ я вижу воплощеніе изумительнаго по своей силѣ характера, какъ вижу его въ затворникахъ печерскихъ. Дѣло въ томъ только, что тѣ жили давно, а Іоаннъ на нашихъ глазахъ. Тѣ стали легендой, а этотъ еще вчера былъ дѣйствительностью.

Іоаннъ родился въ Курскѣ, въ 1795 году. Окружающія условія съ дѣтства подготовляли въ немъ затворника. Мальчикомъ онъ слышалъ разсказы о заживо схороненныхъ старцахъ, и когда Сенька Мошнинъ, одинъ изъ его товарищей, вспоминалъ о своемъ дѣдѣ-заточникѣ въ какомъ-то изъ мѣстныхъ монастырей, Іоаннъ отзывался на это: «хорошо такъ жить и спасаться». Молодежь всегда ищетъ подвига. Однихъ эта жажда подвига ведетъ въ бой, въ дальнія экспедиціи къ полюсамъ; другихъ—

въ крѣпость, на каторгу; третьихъ—въ склепъ Святогорской мѣловой скалы. Иванъ Крюковъ (такова была фамилія его) чуть не съ восьми лѣтъ мечталъ о монастырѣ; въ девять—онъ присталъ къ отцу съ просьбою отдать его въ школу, но мальчика побили за это желаніе. Нищета давила его семью—думать о грамотѣ было некогда. Изъ суровой семьи, мальчикъ попалъ въ ученье къ мастеру, дѣлавшему изразцы, человѣку, незнавшему состраданія *). Трудно было бы сказать, что тяжелѣе, нравъ его хозяина или его кулакъ. Мальчикъ, взятый по контракту на семь лѣтъ, былъ обязанъ дѣлать печные изразцы, расписывать ихъ, муравить и выжигать, за что его родителямъ ежегодно выплачивалось хозяиномъ по 1 р. 43 к. ассигнаціями. Такимъ образомъ, за 10 р. ассигнаціями мальчикъ былъ проданъ въ безразсвѣтную школу побоевъ, непосильнаго труда и непроходимаго невѣжества. Въ первый же день ребенку дали работу, не объясняя, какъ ее сдѣлать. Мальчикъ спуталъ, за что хозяинъ ударилъ его ногою въ бокъ, такъ что бѣднякъ повалился замертво и долгое время потомъ былъ боленъ. Черезъ нѣсколько времени, хозяинъ спьяна бросилъ въ Крюкова изразцомъ, острый уголъ котораго попалъ ему прямо противъ сердца. У Ивана хлынула изо рта кровь, онъ упалъ навзничь, и только вечеромъ удалось вернуть его къ жизни. Тихій, безотвѣтный Крюковъ цѣлыя ночи проводилъ, широко открывъ глаза и глядя во тьму, гдѣ чудились ему смутные лики святыхъ, куда зачастую самъ Спаситель сходилъ утѣшать измученнаго и избитаго мальчика. Ему случалось, мерещились ангелы въ воздухѣ, и онъ радостно плакалъ, забывая на минуту боль отъ недавнихъ побоевъ. Такъ, мало-по-малу, сталъ развиваться въ немъ будущій аскетъ.

— Христосъ терпѣлъ—надо терпѣть и мнѣ; Богу угодно!—говорилъ онъ.

*) Авторъ, между прочимъ, помимо устныхъ разсказовъ иноковъ, пользовался и свѣдѣніями, сообщенными изданною монастыремъ брошюрою объ Іоаннѣ-Затворникѣ.

Такъ прошло семь лѣтъ. Нелюдимый и мрачный, почти одичавшій отъ побоевъ, Крюковъ, по окончаніи срока контракта, поступилъ къ другому хозяину-прасолу приказчикомъ. Отецъ и мать стали требовать, чтобы онъ женился, такъ какъ въ домѣ по ихъ старости нужна была работница. Требовали съ «пристрастіемъ», и Крюковъ на время долженъ былъ оставить мечту о монашествѣ и женился, хотя, по свидѣтельству иноковъ, «съ видимымъ отвращеніемъ». Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ работать, перемѣнилъ нѣсколько хозяевъ, сталъ извѣстенъ, какъ искусный лѣпщикъ, и черезъ восемь лѣтъ самъ открылъ свое изразцовое заведеніе. Въ Крюковѣ, мало-по-малу, умиралъ аскетъ и развивался просто-на-просто кулакъ-хозяинъ. Спустя нѣсколько времени, у него уже оказываются два постоялые двора и трактиръ,—заведенія, ни въ какомъ случаѣ, не совмѣстныя съ мыслью о святости. Такъ онъ прожилъ около девяти лѣтъ, когда семейство его стало вымирать: сначала его жена, потомъ отецъ. Старуха-мать пошла жить къ его сестрамъ, и Крюковъ остался одинокъ. Съѣздилъ онъ въ какой-то монастырь, пріютившійся посреди пустыннаго захолустья. Бездорожье и безлюдье, окружающія обитель, напомнили ему, воскресили въ немъ мечты дѣтства, Трудовая жизнь иноковъ (тогда еще были такіе) пришлась ему по сердцу, созерцательная, чуждая заботамъ о мѣдномъ грошѣ... Крюковъ, по возвращеніи, сталъ проситься у матери въ монастырь; но суровая старуха считала себя въ правѣ и совсѣмъ уже взрослаго сына удержать въ міру. Только черезъ годъ «сердце ея умягчилось».

— Иди съ Богомъ и молись за меня!

Изъ дома Крюковъ взялъ только тяжелый мѣдный, литой крестъ, который съ тѣхъ поръ постоянно носилъ на шеѣ, на толстой и тяжелой желѣзной цѣпи. Сдѣлалъ онъ себѣ изъ толстаго шиннаго желѣза вериги, состоявшія изъ пояса и наплечниковъ, болѣе полпуда вѣсомъ, и надѣлъ ихъ навсегда «для ради умерщвленія плоти».

Купецъ все-таки сказался въ немъ при этомъ. Собираясь отречься отъ всего земного, онъ самымъ тщательнымъ образомъ сталъ собирать со всѣхъ долги, даже и по суду. Это его еще на годъ задержало въ міру. Наконецъ, завершивъ всѣ свои дѣла, онъ помолился печерскимъ угодникамъ и отправился въ Глинскую пустынь, которая ото всего міра заслонилась глухою лѣсной чащей. Тамъ онъ явился къ игумену Филарету.

— Что ты къ намъ пришелъ, рабъ Божій, и чего тебѣ надо?

— Желаю въ обители вашей потрудиться во спасеніе грѣшной моей души!

— На какое время?

— Если Богу будетъ угодно, то по конецъ моей жизни!

— Документы въ порядкѣ? Что умѣешь дѣлать?

Крюковъ пояснилъ о своемъ искусствѣ лѣпить, дѣлать изразцы, править гостинницей.

— Все это намъ не надо. А вотъ сумѣешь-ли печку складть?

— Новую не могу, а старую починить сумѣю!

— Если починить въ силахъ, то матерь Божія поможетъ тебѣ и новую поставить!

Приказалъ пока служить при гостинницѣ. Ему уже было 38 лѣтъ, и полтора года онъ несъ на себѣ это послушаніе, когда, наконецъ, его перевели въ монастырь и дали келью. Тутъ онъ присмотрѣлся къ работѣ печниковъ и прежде всего построилъ у себя новую печь, вмѣсто старой, угарной. Опытъ оказался удаченъ—онъ передѣлалъ печи и у братій. Отсюда послали его въ Глуховъ; по возвращеніи, онъ увидѣлъ у воротъ обители бѣшенаго, скованнаго по рукамъ и ногамъ. Монахи нашли, что бѣдный больной одержимъ нечистымъ духомъ. Помѣшанный катался по землѣ въ конвульсіяхъ, обливался зловонною пѣною и богохульствовалъ. Іоаннъ взялъ его къ себѣ въ келью, велѣлъ снять съ него оковы. Озадаченный больной, на котораго до тѣхъ поръ дѣй-

·ствовали только силою и даже били, присмирѣлъ. Оставшись съ нимъ одинъ, Іоаннъ сталъ на колѣни и началъ молиться. До полуночи онъ просилъ исцѣленія больному, плача надъ нимъ, и тотъ широко открытыми глазами смотрѣлъ прямо въ лицо монаху. Пробовалъ больной начинать бѣсноваться, но кроткій голосъ и слезы Іоанна опять озадачивали его—и сумасшедшій, смолкая, продолжалъ только подозрительно наблюдать за инокомъ. Наконецъ, больной успокоился и только тяжело дышалъ. Іоаннъ прилегъ къ нему, положивъ ему на сердце руку. Сердце билось и трепетало, какъ птица въ силкѣ. Больной заснулъ. Утромъ сумасшедшій сознательно отвѣчалъ на всѣ вопросы и уѣхалъ домой исцѣленнымъ. Монахи называютъ этотъ случай чудомъ; мнѣ же онъ напоминаетъ французскихъ сестеръ милосердія и монахинь, которыя безбоязненно входятъ въ кельи самыхъ опасныхъ сумасшедшихъ и смиряютъ ихъ одною лаской и кротостью своего голоса. За труды по постройкѣ печей Іоанна сдѣлали рясофоромъ, т.-е. возвели его на первую, низшую степень монашества; тѣмъ не менѣе, братія его печами была недовольна и дѣлала Іоанну непріятности. Послѣ одной изъ нихъ Іоаннъ задумалъ измѣнить послушаніе, и внезапно ему пришло въ голову юродствовать Христа-ради. Обсуждая это, онъ заснулъ; во снѣ явились ему «двое прекрасныхъ юношей» сказавшихъ: «оставь, что думаешь, это не твой путь!» Послѣ этого, чуть не сорока-двухъ лѣтъ отъ роду Іоаннъ начинаетъ учиться читать и писать, опять исцѣляетъ «бѣсноватаго дворянина», дѣлается экономомъ братской трапезы и, наконецъ, игуменомъ всей Глинской пустыни. Когда была открыта обитель Святогорская, новопоставленный игуменъ Арсеній, между прочимъ, явился въ Глинскій монастырь «набирать монаховъ». За нимъ послѣдовалъ и Іоаннъ, котораго въ Святыхъ Горахъ тоже сдѣлали экономомъ. Іоаннъ и тутъ обнаружилъ присущіе ему характеръ и рѣшительность. Не предупредивъ, онъ распорядился «отсѣчь» часть горы подъ гостиницу. Проти-

него поднялось все, но онъ поборолъ препятствія, и гора была «отеѣчена». Іоаннъ велъ войну съ управителемъ Потемкиныхъ, вступался за ограбленное имъ крестьянство, и хотя на семъ пути былъ смиряемъ настоятелемъ, но, какъ упорное козлище, исполнивъ наложенное на него послушаніе, вновь вступалъ въ бой съ господскими холопами и отсѣкалъ горы. Потомъ его ужъ и смирять перестали—рукой махнули. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, оказалось, что Іоаннъ былъ правъ, за что на него наложили мантію. Вообще, въ эту пору своей дѣятельности, малограмотный, энергическій, незнающій усталп, упрямый и изобрѣтательный, Іоаннъ совершенно подходитъ къ типу сѣвернаго монаха-соловчанина. Затѣмъ Іоаннъ, а въ мантіи Іоанникій, является опять гостинникомъ, опять «отсѣкаетъ» горы, роется въ землѣ, какъ кротъ, отыскиваетъ и находитъ старые подземные храмы, собственоручно выбиваетъ для нихъ изъ цѣльныхъ дикихъ камней престолы.

Къ этому же времени относится и эпизодъ, разсказываемый монахами.

Врагъ рода человѣческаго попытался уловить его въ сѣти, но, какъ и потемкинскій управитель, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ.

Одна изъ посѣтительницъ обители (изъ типа, очерченнаго мною въ главѣ III) уязвилась нечистою страстью къ простосердечнаго Іоанникія, зазвала его въ свой номеръ, заперла двери и начала привлекать ко грѣху. Растерявшись отъ столь нечаяннаго искушенія, Іоанникій не нашелъ ничего лучшаго, какъ сверзиться черезъ окно на землю. А чтобы такія уловленія впредь ему не предстояли, онъ упросилъ настоятеля снять съ него послушаніе гостинника, что и было исполнено. Его посвятили въ іеромонахи и опредѣлили духовникомъ къ богомольчамъ. Правя свою должность, Іоанникій сталъ прилежать къ келейному уединенію.

Ходы въ святогорской мѣловой скалѣ были въ то время еще не изслѣдованы, а уже разысканные—запущены.

Іеромонахъ Іоанникій сталъ очищать ихъ, при чемъ особенно полюбилъ одну изъ маленькихъ мѣловыхъ келій, куда нерѣдко заходилъ отдыхать. Тутъ онъ сдѣлалъ деревянный простѣнокъ и дверь и затѣмъ сталъ проситься въ затворъ. Архимандритъ Арсеній началъ его испытывать. Прежде всего велѣлъ ему собственноручно привести въ порядокъ всѣ нечистыя мѣста въ обители, дабы смирить его помыслъ, если въономъ таится гордыня. Іоаннъ не погнушался, послушаніе исполнилъ, но помысла не измѣнилъ. Убѣдившись, что Іоанникій не превозносится, а жаждетъ подвига, Арсеній приказалъ ему затвориться въ простой жилой кельѣ и запереть ставни. Трудно было одолѣть Іоанникію въ первое время ужасъ одиночества, особенно по ночамъ. Но онъ привыкъ и затѣмъ перебрался въ мѣловую скалу. Настоятель все еще отговаривалъ его. Стояли холода, печи тамъ не было, и устраивать ее не дозволялось, но монахъ не внялъ. Наконецъ, ему разрѣшили затвориться совсѣмъ. Ввели въ мѣловую пещеру—и заперли на замокъ. Въ дверяхъ было продѣлано малое оконце для передачи пищи и питія.

Холодъ стоялъ тамъ, какъ въ ледникѣ. Узкая щель въ наружу—тьмы не разгоняла. Въ щели только брезжилъ свѣтъ, не озарявшій кельи. Меня здѣсь въ первыя же минуты охватило лихорадочнымъ ознобомъ. Гробъ, а въ гробу немного соломы—вотъ все, что дали съ собою затворнику. Онъ удвоилъ вѣсъ веригъ своихъ и, измаривая себя, дѣлалъ въ сутки по семисотъ поклоновъ земныхъ, по сто поясныхъ, молитвъ Іисусовыхъ произносилъ по тысячѣ, столько же Богородичныхъ. Такъ прошелъ цѣлый годъ безвыходнаго пребыванія въ затворѣ, самый трудный годъ, потому что тѣло заточника еще только привыкало къ сырости и холоду. Утомленный, ложился онъ въ свой гробъ—и вновь подымался отъ озноба. Сырость стояла такая, что одежда и бѣлье болѣе мѣсяца не выдерживали, истлѣвали и распадались. Пробовали его испытывать—выводили на свѣтъ, приказывали остаться, но Іоанникій неизмѣнно уходилъ на-

задъ. Такъ прошло еще шесть мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ, его постригли въ схиму и опять назвали Іоанномъ, разрѣшили пріобщаться два раза въ мѣсяцъ, а въ посты еженедѣльно Питаемый ужасами своей могильной кельи, Іоаннъ довелъ себя до галлюцинацій, которымъ радовался, какъ видѣніямъ. Онъ, наконецъ, пересталъ чувствовать холодъ, пріучивъ къ нему тѣло. Сырость тоже на него не дѣйствовала. Его точно поросшее мохомъ лицо, съ поблекшими глазами, безкровное, казалось, носило на себѣ отраженіе мрака, царившаго въ затворѣ. Въ обители Іоаннъ не находилъ поддержки. Слухи, доходившіе до него оттуда, сокрушали схимника. Тамъ ему приписывали гордость: говорили, что онъ впалъ въ «состояніе прелести». Схимникъ только молчалъ на это, промолчалъ пять долгихъ лѣтъ, и, только по истеченіи этого времени, когда у него стали уже дѣлаться судороги въ ногахъ, поставили ему небольшую печку Изъ мѣловыхъ скалъ выходили къ нему призраки и видѣнія, мертвыя руки простирались въ воздухѣ, дикій хохотъ слышался ему въ подземныхъ ходахъ мѣловой скалы, чудились стоны и носились звуки цѣпей. Чьи-то рыданія потрясали молчаніе его кельи, а разъ, ночью, примерещилось ему, когда онъ, лежа въ гробу, уже смыкалъ глаза, что вошли сквозь затворъ два великана и со злобою смотрѣли на него.

— Чего вамъ надо?—прошепталъ, обращаясь къ нимъ, галлюцинатъ.

— Съѣдимъ этого старика, чтобы онъ не молился такъ постоянно!

Іоаннъ сталъ читать молитву Іисусову, и великаны разсѣялись въ темнотѣ келіи.

Камни говорили ему, иконы съ нимъ бесѣдовали.

А зависть и злоба людская никакъ не хотѣли оставить его въ покоѣ. Сбывались слова Евангелія: «Яко ни который пророкъ пріятенъ есть въ отечествіи своемъ»

Келейники его били, остальная братія презирала. Какъ полуграмотный крестьянинъ, онъ не могъ давать книж-

ныхъ поученій приходившимъ сюда инокамъ и богомольцамъ.

— Какой толкъ отъ тебя дурака,—говорили ему монахи,—ежели мы показать тебя никому не можемъ при простотѣ и невѣжествѣ твоемъ!

Онъ, дѣйствительно, не былъ краснорѣчивъ, этотъ заживо схороненный человѣкъ.

— Какъ все тутъ вѣрно сказано!—воскликнулъ онъ, когда ему пропѣли «Плачъ инока» Брянчанинова.—Вотъ я не могу только выразиться по ученому словами, а здѣсь вотъ, на сердцѣ, все такъ и чувствуется, какъ тамъ говорится!

Отъ постояннаго мрака, зрѣніе его, наконецъ, притупилось. Онъ съ трудомъ сталъ читать, не различалъ лицъ допускаемыхъ къ нему иноковъ. Еще при блескѣ свѣчей хоть контуры ихъ видѣлъ, выводимый же при свѣтѣ — оказывался слѣпъ. Къ этому времени и относился цѣлый рядъ легендъ, разсказываемыхъ монахами.

— Когда онъ потерялъ зрѣніе, послали къ нему читать благочестиваго инока о. Мартирія. Однажды утомленный Мартирій получилъ отъ него замѣчаніе за невнятное чтеніе шестопсалмія. Оскорбясь, чтецъ возропталъ и сталъ упрекать старца, что изъ-за него лишается возможности бывать съ прочіею братіею во храмѣ, при службахъ церковныхъ, и портитъ зрѣніе чтеніемъ въ полумракѣ. «Вотъ ослѣпну, какъ и ты; тогда, посмотримъ, кто согласится идти къ тебѣ сюда читать». Окончивъ чтеніе часа въ три ночи, въ немирномъ духѣ началъ Мартирій сходить по лѣстницѣ святогорской скалы отъ затворника, рѣшивъ болѣе не возвращаться. Лѣстница эта идетъ среди лѣсной гористой чащи, и вдругъ предъ нимъ явились огненныя чудовища, щелкавшія зубами и готовыя пожрать его. Въ ужасѣ бросился бѣжать Мартирій, а они ему во слѣдъ: «ты нашъ, ибо огорчилъ затворника». Цѣлую ночь они бросались въ окно его кельи, стучались къ Мартирію. Такъ продолжалось, пока Іоаннъ не простилъ его.

Точно сказочный колдунъ, посылалъ онъ чудищъ изъ

своей мѣловой скалы, въ нѣдра которой ушелъ отъ всего мірского. Какая обстановка для фантастическихъ балладъ! И этотъ мракъ кельи, и этотъ подземный ходъ, ведущій къ ней, и позеленѣвшее лицо инока, ослѣпшаго въ самомъ сердцѣ горы, и самая мѣловая гора, обливаемая по ночамъ таинственнымъ сіяніемъ луны! Приставленные къ старцу келейники только били его, не заботясь ни о немъ, ни о чудовищахъ, находившихся въ его распоряженіи. Солома истлѣвала въ его гробу, обращаясь въ гнилую плѣсень, въ ранахъ отъ веригъ заводились черви. Такъ прошло семнадцать долгихъ лѣтъ, страшно долгихъ, подъ конецъ которыхъ старецъ сталъ юродствовать. Онъ сталъ требовать, чтобы съ него сняли портретъ, настаивалъ на сохраненіи его веригъ послѣ смерти, отказывался появляться передъ жаждавшими его видѣть богомольцами. Въ минуты просвѣтленія онъ бесѣдовалъ и производилъ глубокое впечатлѣніе на допускавшихся къ нему.

Въ 1867 году онъ началъ таять, «какъ свѣчка, возженная предъ иконою», говорятъ монахи. Ноги его отекли и опухли; наконецъ, онъ слегъ въ гробъ, но и въ гробу непрестанно молился, изрѣдка ѣлъ, хотя чаще отказывался отъ пищи, и въ августѣ умеръ, не измѣнивъ своему затвору.

И это не характеръ?

Вообще изученіе нашихъ обителей въ высшей степени поучительно. Поставьте рядомъ два такихъ типа, какъ святогорскій Эдиссонъ — отецъ Антонинъ и затворникъ іеросхимонахъ Іоаннъ. Это въ одной и той же обители, почти въ одно и то же время.

У обоихъ натуры одинаково сильныя, характеры одинаково твердые и непреклонные, но какими разными путями и къ какимъ разнымъ цѣлямъ идутъ они.

Мое дѣло только намѣтить, извлечь ихъ изъ этого темнаго, малоизвѣстнаго иноческаго царства.

XIX.

Отецъ Серапіонъ. — Рабочіе.

— Не знаете-ли, отче?.. Зубы у меня... то есть, цѣлую ночь вотъ...—жалуется подъ окномъ моимъ какая-то барыня..

— Болятъ? Бываетъ. А вы, сударыня, вотъ что. Завтра, нынѣ ужъ поздно, завтра помолитесь въ соборѣ за обѣдней и потомъ взойдите на наши горы и больнымъ зубомъ, съ вѣрою и со смиреніемъ, угрызите кусокъ мѣлу!

— Неужели помогаетъ?

— Молитвами святыхъ отецъ дѣйствуетъ и не токмо что зубную боль превозмогаетъ, но и отъ нутра большое исцѣленіе!

— А съ собою если взять мѣлу, будетъ полезно?

— Полагаю!

— Кому бы это поручить отколоть?

— Самой, госпожа, самой надо! Иначе дѣйствію препона. И непремѣнно зубами!

— Чудеса у васъ! Я ужъ и докторовъ...

— Чудесъ у насъ много. На бѣснующихся мантію Іоанна-Заточника возлагаемъ, и не было примѣра, чтобы одержимый не получалъ себѣ облегченія!

Слушаю — это мой отецъ Серапіонъ разглагольствуетъ.

— Скажите, какая въ ней сила!

— Свыше, госпожа благородная, свыше... Снисходитъ!.. По молитвѣ и по вѣрѣ—исцѣленія!

— А вотъ доктора—тѣ ничего не могутъ!

— Медики земные, что они! Развѣ у нихъ въ аптекѣ есть мантія Іоанна-Заточника? Ихъ наука отъ Эскулапа пошла. А намъ Матерь Божія и св. Николай чудотворецъ снисхождаютъ!

— А вѣдь какія деньги-то докторамъ платятъ!

— Отчего денегъ не брать, когда даютъ? Коемуждо потребны по дѣламъ его!

— А тотъ Эскулапъ что же?.. Бѣсъ былъ или волшебствомъ?

— Эскулапъ, сударыня, грекъ былъ, язычникъ, также, какъ и Гиппократъ. Меня за нихъ, за обоихъ, въ семинаріи драли неоднократно. Сіи оба отцами медицины почитаются!

— Отъ нихъ, значитъ, и доктора пошли?

— Отъ нихъ наука... А доктора отъ отцовъ съ матерями. Ну, спаси васъ Богъ, сударыня! Мнѣ тутъ тоже къ одному надо!

— Не ко мнѣ ли, отецъ Серапіонъ?—окликаю его.

— Вотъ именно! Хуторъ нашъ монастырскій хочу вамъ показать. Полюбуйтесь на хозяйство наше!

Я сошелъ внизъ. Дама, почитавшая Эскулапа бѣсомъ, все еще приставала къ отцу Серапіону.

Необходимо отмѣтить эту черту провинціальнаго бабья. Какъ попадетъ въ монастырь, такъ сейчасъ, первымъ дѣломъ, ротъ разинетъ, и давай всему благоговѣйно удивляться, точно никогда не видала.

— Во сколько же вы часовъ трапезуете, отче?

— Въ полдень.

— Ахъ ты, Господи! — удивляется уѣздная дурища, хотя сама жретъ тоже въ часъ пополудни. — Скажите! А это что у васъ, отче?

— Это голуби!

— Ахъ ты, Господи, голуби!—И качаетъ головою, и губы поджимаетъ, точно первый разъ отъ роду на голубя наткнулась.—А эта лодочка тоже монастырская?—И чуть не въ землю лбомъ стукается передъ обыкновеннымъ челночкомъ. Кажется, кабы не было при людяхъ, такъ зубами бы попробовала, не сахарная-ли?

Поневолѣ и сами монахи привыкаютъ и убѣждаются, что у нихъ все особенное.

— Я вамъ очень благодаренъ, что вы меня окликнули!—замѣтилъ отецъ Серапіонъ.

— А что?

— Да госпожа эта пристаетъ...

— Ну, вотъ... Скромная такая дама!

— Сіи сластолюбивыя Венеры и не такіе еще виды

на себя принимать могутъ.

. . . .

А потомъ инокамъ поношеніе!

Отецъ Серапіонъ, несмотря на свою смѣшную внѣшность, оказался прекраснымъ человѣкомъ. Предлагалъ я ему деньги — отказывается: монашествующей братіи не подобаетъ. И съ другими тоже самое. Вообще, если исключить монашка, встрѣченнаго мною на паромѣ, то свято горскіе иноки отличаются отъ всѣхъ другихъ безкорыстіемъ. Навязчивыхъ между ними я вовсе не встрѣчалъ. Никто не выпрашиваетъ, никто не говоритъ «пожертвуйте». Правда, и на Святыхъ горахъ разставлены во многихъ мѣстахъ тарелочки, но никто здѣсь не слѣдитъ за вами испытующимъ взглядомъ, положите вы или нѣтъ. Сидитъ монахъ и молчитъ, дѣла ему нѣтъ до васъ. На суевѣріе тоже не бьютъ, не извлекаютъ пользы изъ него; видимо, обитель живетъ крупными приношеніями, не заботясь о томъ, чтобы на каждомъ шагу срывать по нѣсколько копѣекъ съ богомольцевъ. Вотъ, напримѣръ, отецъ Серапіонъ, не тотъ, съ которымъ я шелъ, а другой, уставщикъ. Этотъ, мнѣ кажется, даже не наклонится, еслибы деньги ему подъ ноги попались. Высокая, строгая фигура; взглядъ точно сверху внизъ. Эффектный красавецъ, чисто аскетическаго пошиба. Въ католическомъ монастырѣ его бы, какъ бенефиціанта, впередъ выставляли. Пишетъ славянскою вязью, какъ скорописью, и притомъ изящнѣе нашихъ литографовъ. Я такихъ красавцевъ рѣдко и встрѣчалъ. Самъ по себѣ можетъ быть темою для картины... На нерадушіе монаховъ здѣсь трудно пожаловаться. Еще изъ дворянъ — бирюки бирюками. Остальные просто не знаютъ, какъ принять, куда посадить; по лицу видно, что рады вамъ, какъ дорогому гостю, только разговаривать боятся... Какъ бы за разговоръ не влетѣло.

Путь на хуторъ идетъ спачала зигзагами въ гору. Оглядываясь внизъ, видишь то долину Донца, то монастырь—прямо подъ ногами, съ микроскопическими группами богомольцевъ, то пустынныя лѣсныя горы. Поэтому.

разумѣется, приходится поминутно останавливаться—силъ нѣтъ оторваться отъ этихъ чудесныхъ картинъ. Мѣловая дорога подъ солнцемъ слѣпитъ глаза. Всюду обломки мѣлового камня. На горѣ громадныя сосны, неуступающія сѣвернымъ. Земля, на которой онѣ держатся, толщиною вершковъ въ восемь, ниже — опять-таки мѣлъ. Поэтому корни деревьевъ не идутъ въ глубь, а распространяются вдоль, переплетаясь одинъ съ другимъ въ непроницаемыя по своей крѣпости сѣти. Добрались мы, наконецъ, до вершины — тутъ избенка подъ соломенною кровлею. Оказалось, живутъ монахи, присматривающіе за наемными рабочими. Здѣсь же и рабочіе рубятъ бревна, пилятъ лѣсъ. Всѣ куряне. Въ монастырѣ они проводятъ семь мѣсяцевъ въ году до Введеньяго дня. Является сюда ихъ человѣкъ сто. Каждый получаетъ, смотря по работѣ, отъ 80 до 120 рублей — на монастырскихъ харчахъ. Перволѣткамъ платятъ по 50 рублей. Кормятъ рабочихъ хорошо. Чаю, разумѣется, не даютъ.

— Почему это?—спрашиваю у одного монаха по проще.

— Чай—трава невѣрная!

Я засмѣялся.

— Чего ты! — обидѣлся онъ.—Извѣстно въ невѣрной землѣ растетъ. Что табакъ, что чай!

— Да вѣдь и кипарисъ въ невѣрной землѣ растетъ!

Отецъ Серапіонъ вступился.

— Онъ по скудоумію своему поясняетъ. Чаю у насъ потому не даютъ рабочимъ, что и сами монахи таковаго не получаютъ — не полагается. За то каждому рабочему идетъ по фунту мяса въ день. Хотя бы въ обители и не слѣдовало, но идетъ!

Сами монахи, присматривающіе здѣсь, не работаютъ.

— Почему?

— Не приличествуетъ... Монахъ—не мужикъ!

Опять разница съ соловецкимъ инокомъ. Тутъ монахъ— не равный, а начальство для рабочаго. Онъ покрикиваетъ на него, командуетъ, иной разъ и затрещиной угоститъ, а не то, чтобы самому взять пилу въ руки и показать.

Вообще святогорскихъ монаховъ я за дѣломъ не видалъ. Исключая о. Антонина, едва-ли кто изъ нихъ и работаетъ. «Труждающійся, да ястъ», внушаютъ они наемнымъ крестьянамъ, но сами труждаться вовсе не любятъ.

Кругомъ пахнетъ свѣже-распиленными сосновыми досками. Высокіе дубы слегка колышутъ вѣтвями, потому что по гребню горъ тянется легкій вѣтеръ, не спускающійся внизъ. Вѣтви едва опушились, и запахъ молодой листвы пріятно смѣшивается съ смолистымъ духомъ сосны. Гдѣ-то, далеко, далеко, стучитъ топоръ. Вѣетъ миромъ и спокойствіемъ. Сквозь древесные стволы мерещится долина; какое-то озеро серебрится на ней.

Направо, на «версѣ горы», работаетъ прекрасная мельница. Вся она такъ и вырѣзывается на безоблачной сегодня лазури неба. Я зашелъ туда. Мельникъ-монахъ изъ курскихъ крестьянъ обрадовался мнѣ, какъ родному. Прежде всего онъ мнѣ своихъ дѣтей повелъ показывать:

— Какъ это дѣтей? Въ монастырѣ-то?

— У меня такія, что и схимнику можно имѣть. У меня дѣти особыя!

— Сколько же ихъ у васъ?

— Да трое! Такая ужъ жена плодливая, что дѣлать!

Представьте мое изумленіе, когда я увидѣлъ этихъ дѣтей: сороку, бѣлку и орла, совершенно ручныхъ. Это, впрочемъ, не единственный примѣръ. Во всѣхъ обителяхъ иноки привязываются къ животнымъ. Въ одной, напримѣръ, мнѣ показывали дрессированнаго поросенка, котораго почему то называли «иновѣрцемъ».

— Какъ одному скучно—сейчасъ: дѣти ко мнѣ! Они ужъ знаютъ, идутъ!

XX.

Мельница.

Мельница поставлена обителью на широкую ногу.

Сразу засыпается сверху для помола 500 четвертей хлѣба. Четыре пары жерновов работаютъ безо-

становочно. Съ мѣшка муки берутъ за помолъ по два ковша.

— Въ пользу святыя обители пополнѣй наровимъ. А то мужику помирволишь—обитель обидишь!—пояснялъ мнѣ мельникъ.

Въ селѣ Малкахъ стоитъ вторая, громадная монастырская мельница, водяная.

— Она у насъ на диво построена. Помѣщики любуются. Очень ужъ хороша! Изъ Харькова смотрѣть притекали. А и ставилъ-то, какъ и эту, простой неграмотный мужичекъ. Ученые пріѣзжали, говорятъ, совсѣмъ по наукѣ выходитъ, а у него, у мужиченки-то, и науки всей, что аршинъ... Бороденка-то—пеньковая; такъ, немудрящій мужиченко!

Мельникъ оказался типомъ въ своемъ родѣ.

Въ немъ первомъ здѣсь, подъ рясою монаха, не умеръ крестьянинъ. Скуфейка на затылкѣ, рубаха на выпускъ, сапоги со скрипомъ. Съ помольщиками зубъ-за-зубъ.

— Благослови-ко насъ чайкомъ, да яичками!—предложилъ ему о. Серапіонъ.

— Вотъ радость мнѣ, такъ радость!—суетился мельникъ.—Какого святого молить?

— Да ужъ радость не радость, а пришли—угощай! Онъ у насъ вѣдь мученый!—прибавилъ о. Серапіонъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это какъ?

— Прежде чѣмъ въ монастырь попалъ, сколько одного побоя отъ отца выдержалъ, за это самое, за монашество!

— Топоръ въ голову леталъ. Съ полнымъ удовольствіемъ. А что горшковъ объ меня разбито, да палокъ сломано. А я все еще—вонъ какой!

— Всякому дневи довлѣете злоба его!—ни съ того, ни съ сего, по своему обыкновенію, изрекъ отецъ Серапіонъ.

— Это точно!—согласился мельникъ.

— Идѣ-же зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всякая злая вещь!

— Чего-уже—извѣстно!

— То-то!

— Я, отецъ Серапіонъ, тоже говорю: за этотъ за самый монастырь, сколькимъ, поди, влетало!

— Безъ Бога, братъ, не влетитъ. Это Онъ, Господь, тебя испытуетъ, истинное-ли благожеланіе имѣешь. Не суесловишь-ли токмо. А ты такъ думалъ—въ монастырь, такъ сейчасъ тебя и пустили!

— Зачѣмъ сейчасъ, претерпѣть надо!

— Вотъ оно самое! И претерпѣвай! А ты говоришь—побой!

— Я рази со зломъ, отецъ Серапіонъ; я со всякимъ благодареніемъ. Мы за это самое родителю нашему, за побой, значитъ, въ ноги кланялись! Съ полнымъ удовольствіемъ!

— Всякое царство, раздѣльшеяся на ся, запустѣетъ, и всякъ градъ или домъ, раздѣлившійся на ся—не станетъ! — совсѣмъ уже неожиданно заключилъ отецъ Сраріопъ.

— Они насъ палкой, а мы имъ въ ноги!

— Смиряяй себя—превознесется!

— Они за власы, а мы имъ въ ручку!

— Ну?

— Ну, и превозмогли! Отпустилъ въ обитель. Вмѣстѣ помолились еще!

— Дивны пути Господни! Яйца-то у тебя изъ Малковъ?

— Да. Тамошній мельникъ, отецъ Мардарій, благословилъ десяточкомъ!

— Не вѣдаешь, куда приведетъ... Ты думаешь къ погибели, а Онъ тебя ко спасенію!

— И все это должны мы чувствовать!

— То-то!

— А мы не чувствуемъ и выходимъ скоты безчувственные!—окончательно уже размякъ мельникъ.—Пути, братъ, разные, — обратился онъ ко мнѣ. — Тутъ одинъ старикъ-казакъ ко мнѣ пришелъ. Въ монахи тоже захотѣлъ. Я его принялъ. Чтожъ бы ты думалъ: онъ пола

галъ въ иноки, а жена его домой по этапу стребовала. Вотъ те и пути!.. Это точно, что разные... Отецъ Серапіонъ?—обратился онъ, немного помолчавъ, къ моему спутнику.

— Ну?

— Никакъ невозможно!

— Что?

— По нашему мельничному дѣлу. Изъ-за длинныхъ рясъ, уже въ шестернѣ двое и вѣкъ свой скончало иноковъ. Смололо... Благословили бы насъ короткими. Вонъ они говорятъ, въ Соловкахъ—до колѣнъ!

— Не благообразно!

— Да вѣдь сгинемъ!

— Будетъ попущеніе—сгинешь, а не будетъ попущенія, и въ длинной рясѣ цѣлъ останешься. «Ни единаго волоса», сказано. Что «дамскому полу, что духовному сану—одежда подобаетъ длинная, сокровенно блюдущая члены!»

Чай пить мы пошли на балконъ мельницы. Впереди—громадная поляна, по сторонамъ вершины горъ. На востокѣ онѣ тонутъ въ туманной синевѣ вечера, на западѣ—смутно млѣютъ въ золотистой дымкѣ заката.

— Свѣтскому человѣку не понять чувства монашескаго!—засмотрѣлся о. Серапіонъ на горы.

— Это почему?

— Потому что здѣсь можетъ быть столько праведниковъ передъ Богомъ, яко свѣтильни, возжженныя молитвою, возносились!

— Да, тутъ, братъ, на каждомъ шагу угодники были,—замѣтилъ и мельникъ со своей стороны.—И все разные! Всякихъ націй! Поди, на многихъ языкахъ молились Богу-то?

— Отъ мірского соблазна въ камень уходили. Въ нѣдра горныя!

— А казакъ отъ жены—этотъ не ушелъ... Ишь... И шельма же!.. Супруга—и вдругъ по этапу домой... А?

— И листъ его не отпадаетъ, и вся елика, аще творитъ—успѣетъ!—закончилъ по своему отецъ Серапіонъ.

XXI.

На хуторѣ.

Отъ мельницы до хутора было рукой подать.

Хуторъ еще только устраивается, не окончена даже кирпичная стѣна, которою онъ окруженъ. По угламъ ея зачѣмъ-то башни, уподобляющіе ферму какой-то крѣпости. Внутри стѣны — ряды сараевъ, крытыхъ соломою, маленькія хозяйственныя избы.

— Что это?—указываю я на кирпичные фундаменты.

— Будутъ новыя больница и баня!

Строятъ опять-таки не монахи. Монаха—ни одного! Работаетъ крестьянство, получающее отъ 1 р. 80 к. до 2 р. съ тысячи кирпичей, уложенныхъ имъ. Разумѣется, харчи монастырскіе. Работа тяжелая, и вознагражденіе очень не щедрое. Я замѣтилъ объ этомъ о. Серапіону.

— Чтожъ, пускай для ради обители потрудятся. Вѣдь не кому другому—Богу! Чего и не додадимъ, послѣ сторицею имъ воздастя. Не на помѣщиковъ вѣдь!

Мы посмотрѣли пекарню; въ громадный чанъ, гдѣ замѣшиваютъ хлѣбъ, бросаютъ сразу 50 пудовъ муки, изъ которой выходитъ 65 пудовъ хлѣба. Печется хлѣбъ въ двухъ печахъ, въ каждой по 50 хлѣбовъ за-разъ. Точно изъ вратъ адовыхъ, выбрасывалось пламя изъ этихъ громадныхъ логовищъ. Медвѣдь привольно могъ бы перезимовать въ такой берлогѣ, а семейству крестьянина было бы еще очень просторно въ монастырской печкѣ.

— Все съ молитвой, все съ молитвой! И тѣсто мѣсимъ съ молитвой, и хлѣбы ставимъ, поминая угодниковъ,—сладко расписывалъ маленькій монашекъ, который только состоитъ за дѣломъ, а работаютъ другіе, послушники.—Оттого и хлѣбъ у насъ, рабы Божьи, святой выходитъ. На пользу!

— Ну, это что же! Всякій хлѣбъ на пользу!

— У насъ, отецъ Серапіонъ, особый. На нутро хорошо дѣйствуетъ. И солодкій же у насъ хлѣбецъ. Одинъ га-

нералъ изъ Питера пріѣхалъ, говоритъ, не пробовалъ лучше!

— Нашимъ хлѣбомъ убить человѣка можно!—замѣтилъ опять-таки неожиданно о. Серапіонъ.

— Съ чего же это?—обидѣлся монашекъ.

— Потому въ немъ безъ малаго пудъ. Дай-ка такую ковригу Самсону, замѣсто ослиной челюсти, сколько бы онъ народу побилъ... Хлѣбомъ насущнымъ-то! О, Господи! Господи! Господи! Даждь намъ днесь!

Тутъ же рядомъ—мукосѣйная. Сѣютъ на восемь ситъ сразу. При пекарнѣ отъ 12 до 14 послушниковъ постоянно заняты дѣломъ. Всего же монаховъ на фермѣ живетъ постоянно около 80, и, разумѣется, большей части изъ нихъ дѣлать нечего, тѣмъ болѣе, что и посторонняго рабочаго народа не мало. Сравнивая съ обиходомъ сѣвернаго монастырскаго хозяйства, я отдавалъ послѣднему преимущество. У соловецкихъ иноковъ всюду опрятность, напоминающая финляндское хозяйство. Коровы вымыты, солома подослана чистая. На Святыхъ же горахъ, въ коровникахъ хоть на ходуляхъ броди, столько грязи. На скотскомъ дворѣ мальчики, по колѣно въ грязи этой, доятъ коровъ. Видимо, и условія жизни для дѣтей не особенно хороши. Ребята блѣдные, худые, заморышами смотрятъ. Даже жаль ихъ дѣлается, на что ужъ, кажется, я присмотрѣлся и притерпѣлся къ людскому горю.

— Чтобы вамъ почистить!—замѣчаю я монаху.

— Чего тутъ чистить-то?

— А вотъ, Господь дождика пошлетъ, получше станетъ!

— Отъ дождя еще больше грязи будетъ!

— А тогда и чистить, значитъ, не надо!

Скота у монастыря много. Однихъ воловъ до ста, но все это содержится очень плохо, главное—грязь вездѣ, отдохнуть глазу не на чемъ. Опять разница съ Соловками, и какая еще.

— Скотъ любитъ, гдѣ ему грязно, — пояснялъ тотъ же монахъ.—Волъ мимо грязи не пройдетъ, сейчасъ въ ѣ. Ему любо, а намъ что! Блаженъ, иже и скоты ми-

луетъ. Вонъ у иновѣрцевъ, сказываютъ, коровамъ подъ хвостъ мѣшечки такіе подвязываютъ. По вашему, и намъ тоже?

— У иновѣрцевъ любому, отецъ Милитонъ, поучиться можно!

— Ну, ужъ это, отецъ Серапіонъ, напрасно; благочестивому иноку нечего у нихъ позаимствовать!

— Невѣжество! У германцевъ такъ рази скотъ содержатъ?—вмѣшивается вдругъ неизвѣстно откуда, явившійся строптивый отецъ Стефанъ. Точно съ неба свалился!

— А какъ?

— Да такъ!

— Да ты скажи какъ?

— Да такъ, что не такъ, какъ у насъ!—смутился о. Стефанъ.

— А еще восклицаешь въ необузданности своей—невѣжество!

— Ну, прости меня!

— Богъ проститъ!

И опять чмокъ другъ друга въ руку.

Сколько разъ отцу Стефану приходится такимъ образомъ, при строптивости своей, просить прощенія; я думаю, онъ и самъ счетъ потерялъ.

Около фермы — бахча, гдѣ мальчики, при насъ, подъ наблюденіемъ смотрителя изъ монаховъ, сѣяли арбузы.

— Эхъ, вы, дѣтишки, дѣтишки! — умилялся о. Серапіонъ.

Тѣ подняли утомленныя головенки. Видимо, шея заболѣла отъ работы.

— Ты ужъ очень ихъ!—обратился онъ къ приставнику.

— Пущай, пущай!.. Не замай—потрудятся... На Бога! Не для кого больше. Поиграть бы имъ, порѣзвиться по твоему. А бахчу нашу— кто пріуготовитъ?

— Все же...

— Работайте, дѣти, работайте! Богъ труды любитъ. Рабу лѣнивому не споспѣшествуетъ. Ты что таращишься?

Такъ рази грядки-то копаютъ? Ахъ, ты плѣсень! Глубже бери! Бога надуть хочешь? Такъ Онъ, братъ, раньше насъ съ тобой увидитъ... Онъ, братъ, съ неба зорко смотритъ, какъ ты труждаешься!

Мальчики еще торопливѣе принялись за дѣло.

— Такъ-то лучше! Ну, благословенные, еще вотъ тутъ, а потомъ на отдыхъ!

Да и пора была. Теплая ночь уже окутала насъ своими мечтательными сумерками. Опять соловьиныя пѣсни—такъ и льются кругомъ. Слушая соловья, одиноко поющаго, вамъ и представить себѣ нельзя, что это за прелесть, когда цѣлая роща полна ими, когда съ каждой вѣтки несутся на встрѣчу эти чудныя строфы пѣвца любви. Пѣвца любви — здѣсь, въ этомъ царствѣ отреченія отъ нея!..

Главою помаваетъ
И сердце веселитъ,
Отъ скорби помогаетъ
Пернатый сей піитъ—

ни съ того, ни съ сего произнесъ отецъ Серапіонъ, вмѣсто ожидаемаго мною и столь же, разумѣется, неподходящаго текста.

— Это вы о чемъ же?—изумился я.

— О соловьѣ. Имѣю слабость къ стихосложенію. Даже наказанію на тѣлѣ въ семинаріи подвергали за оное, но не оставилъ. Я какъ бурсакомъ былъ, больше сатиры на начальство писалъ.

XXII.

Ризница.—Трапезная.

Каждый старый монастырь вырабатываетъ непремѣнно свой типъ монаха. Такъ, напримѣръ, соловчанина вы съ одного взгляду отличите отъ инока Троице-Сергіевскія лавры, а этого послѣдняго отъ Кіево-Печерской. Святогорская обитель, какъ молодая, не можетъ дать вамъ такихъ же рѣзкихъ отличительныхъ чертъ. Здѣсь мо-

нахъ, поступившій сначала по набору изъ другихъ обителей, не сложился еще, не успѣлъ закостенѣть въ опредѣленную форму. Тутъ есть историческія воспоминанія, но нѣтъ традиціи, которая только одна воспитываетъ черноризца. Притомъ тутъ такая амальгама сословій и національностей, что, какъ острогранныя тѣла, смѣшавшіяся въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ, они сглаживаютъ другъ друга. Отсюда, неблагодарная роль наблюдателя въ Святыхъ горахъ. Монастырь этотъ пока не складывается еще, не перевариваетъ, а просто механически растетъ, какъ растутъ камни. Уже и теперь думаютъ, напримѣръ, перемѣстить сто монаховъ на хуторъ, потому что здѣсь имъ стало тѣсно. Когда обитель дойдетъ до совершеннолѣтія, тогда только у нея будетъ своя опредѣленная физіономія. Та же самая молодость монастыря отражается и въ его разницѣ, и въ живописи стѣнъ, и въ стилѣ построекъ. Все это пахнетъ казармой, известкой, лакомъ и масломъ. Разумѣется, въ нашихъ обителяхъ нечего искать замѣчательныхъ созданій живописи. Искусство тутъ имѣетъ совсѣмъ другой интересъ. Въ произведеніяхъ иноческой кисти вы можете изучить особенности народнаго вкуса. Та же, въ сущности, суздальская картина,—въ высшей степени характерная, какъ и она, хотя, разумѣется, безобразная до крайности. Въ Святогорской обители даже этого характернаго базобразія мало. Даже тулякъ-оружейникъ, встрѣтившійся мнѣ въ одной изъ галерей святогорскихъ, жаловался, что тутъ незанятно, нѣтъ той нравящейся народу и немного грубоватой ироніи. Въ одномъ изъ маленькихъ монастырей, напримѣръ, я видѣлъ цѣлую стѣну подъ картиною Страшнаго Суда. Судьи сидятъ наверху, какъ и подобаетъ, на облакѣ. Передъ ними развернутъ сводъ законовъ. Внизу, во всю длину стѣны, разверстая пасть люцефирова, съ огнемъ, пышущимъ изъ нея. Въ пасть эту вступаютъ, по два въ рядъ и по ранжиру (художникъ былъ изъ солдатъ), сначала черное, а потомъ бѣлое духовенство въ полномъ облаченіи, затѣмъ

чиновники въ мундирахъ, съ портфелями подъ мышкой, точно они идутъ къ докладу, и, наконецъ, цѣлый кавалерійскій полкъ во всемъ парадѣ, съ трубачами, играющими маршъ, съ начальствомъ, обнажившимъ сабли. Еще одна подробность. Дѣвица, въ короткомъ платьѣ, съ чрезвычайно старательно, любовно отдѣланными икрами, танцуя съ молодымъ человѣкомъ въ зеленомъ фракѣ, тоже стремится въ пламя адова въ пасть Люцифера.

И зданія здѣсь другого рода. Во всѣхъ старыхъ обителяхъ они оригинальны, въ Святыхъ горахъ—все больше къ типу казармы подходятъ. Въ ризницѣ есть богатство, но остановиться не на чемъ.

Спрашиваемъ, между прочимъ, относительно книгъ въ библіотекѣ. Нѣтъ-ли старыхъ, или рукописей?

— А на что намъ онѣ? Монаху одно Евангеліе, да Читьи-Минеи надлежатъ!

— Да вѣдь сколько ученыхъ изъ монаховъ было?

— Повѣрьте, всѣ они не настоящіе иноки. Всѣ на томъ свѣтѣ на сковородкахъ жарятся. Чортовы котлетки! Невѣжество свѣтскому человѣку стыдъ и поношеніе, а иноку въ честь и прославленіе. Если который истый черноризецъ, то науку забыть долженъ. Развратъ въ ней! Безъ наукъ-то сколько праведниковъ было; а какъ науки пошли, и праведниковъ не стало. Моисей былъ душою простъ, а какъ устыдилъ жрецовъ египетскихъ съ ихъ волшебствами? У насъ тоже, которые малограмотные монахи, тѣ больше къ иночеству прилежатъ. Вотъ отецъ Антонинъ, изволите знать? Что-же добраго—все въ книжку! Смиримъ мы его,—оставитъ, а потомъ опять. Іоаннъ-Заточникъ изъ простыхъ былъ, а каковъ! Аки адамантъ сіяющій, аки вѣнецъ свѣтящій!

— Да вѣдь и Іоаннъ сокрушался, что самъ не могъ читать и понимать отцовъ церкви!

— Такъ это развѣ наука? Это премудрость, а не наука. Премудростью спасешься—наукою погибнешь! И то уже не иноческій духъ у насъ. Пожарный струментъ завели. А зачѣмъ? Съ Богомъ спорить захотѣли. Громъ

небесный—глаголъ Господень; нѣтъ, громоотводы подавай! Слово-то Божіе отводитъ! Какъ пошлетъ попущеніе,—кишкой и заливай! Ересь!

— Однако, за эту за самую кишку ужъ какъ мы вамъ и благодарны!—вмѣшался мужичекъ.

— А что?

— Да пожаръ у насъ былъ; монастырь прислалъ кишку—чудесно залили!

— Изорвали только!

— Намъ обитель благодѣтельствуетъ! —слащаво вмѣшался мужичекъ.—Теперь, погорѣвшимъ по 10 р. денегъ отвалили, а кому и больше. Телѣгами благословили, скотомъ тоже. Одному избу на счетъ обители построили, триста рублей денегъ дали!

— Вы къ намъ прилежите, а мы къ вамъ. По завѣту евангельскому!

— Это точно!

Чрезвычайно трудно уловить особенность здѣшняго говора. Русскіе переселенцы быстро усвоиваютъ малороссійскія окончанія; произносятъ не «торговать», а «торгуваты», не «покупать», а «покупаты» Въ то же время и коренное населеніе, подъ вліяніемъ обители, отстаетъ отъ своего говора и принимаетъ русскій. Обитель въ этомъ отношеніи замѣтно ассимилируетъ; черезъ нее проходятъ, теряя особенности языка. Въ селахъ Банномъ, Малкахъ и другихъ ужъ говорятъ по-русски.

XXIII.

Богомольцы.—Нищіе.

Какъ пестра толпа богомольцевъ, спующихъ по дворамъ святогорскаго монастыря. Я по цѣлымъ часамъ всматривался въ нее. Тутъ и казаки въ бешметахъ, и женщины въ бѣлыхъ свиткахъ, съ черными тесьмами, и бродяжки въ подрясникахъ и скуфейкахъ, и отставные солдаты, съ обязательно торчащею щетиною на бо-

родѣ, и пестрое цыганство, перекликающееся гортанным говоркомъ, и гречанки съ Дона—чернобровыя, черноокія, и ростовскіе армяне, и болгарскіе колонисты, неповоротливые, тяжелые, и невѣдомо зачѣмъ—бойкіе и юркіе жидки, не то перекрещенцы, не то такъ себѣ вольнопрактикующіе. Притомъ, тогда какъ въ Соловкахъ нищенства нѣтъ, здѣсь нищенство на каждомъ шагу, самое назойливое, самое безотвязное.

— Дайте мини слѣпенькому, темненькому!—преслѣдуетъ васъ повсюду назойливое причитаніе. Вы не знаете, куда укрыться отъ него... У воротъ гостинницы сидятъ рядами. У входа въ обитель—тоже. Безногіе перекатываются по землѣ, безрукіе ухитряются держать чашку пальцами ногъ, слѣпыя старухи постукиваютъ посохомъ по сторонамъ.

— Тутъ, вы полагаете, все нищіе?

— А то ктоже?

— Баснописецъ, Крыловъ, кажется, замѣтилъ, что наружность обманчива бываетъ. Вонъ видите, здоровый мужикъ. Еще сапоги хорошіе на немъ!—указалъ мнѣ монахъ, сопровождавшій меня.

— Вижу!

— Выпрашиваетъ тоже. Ты по обѣту?—обратился къ нему инокъ.

— По обѣту, отче!

— Ну, вотъ видите! У него дома хозяйство, а это онъ обѣтъ далъ Богу мѣсяцъ въ видѣ нищаго у воротъ обители сидѣть. Ну, и сидитъ! Вы какъ думаете: тутъ одна барышня, благородная, тоже съ нищими по обѣту пришла. Мы ее видѣли. Черезъ недѣлю ужъ папенька ихній изъ города пріѣхалъ, такъ увезъ. А то все у воротъ сидѣла съ чашечкой. Вотъ какіе у насъ нищіе бываютъ!

Больше всего здѣсь окрестнаго, монастырскаго крестьянства. Оно чуть не живетъ при обители. Правда, и кормится здѣсь хорошо! Напримѣръ, бабы изъ села Банннаго присвоили себѣ монополію торговли при монастырѣ;

мальчики—тѣ при мельницѣ у монаховъ. Впрочемъ, обитель нѣсколько деморализовала ихъ. Лѣнивѣе работаютъ. Даже иноки и тѣ жаловаться стали.

— Мы ихъ не заставляемъ, впрочемъ. Какъ придется, такъ и пусть работаютъ!

Монахи поэтому предпочтительно нанимаютъ работниковъ изъ другихъ губерній, преимущественно же курянъ. Куряне—работники чудесные, и обитель ими дорожитъ очень. Монастырь вообще цѣнитъ трудовыя руки. На хуторѣ я самъ видѣлъ, что и двухъ слѣпыхъ не оставили безъ дѣла, приставили ихъ мѣсить хлѣбъ въ пекарнѣ.

Казаки снуютъ въ толпѣ. Въ однобортныхъ кафтанахъ и барашковыхъ шапкахъ. Перетянуты поясами, какъ жаръ, горящими отъ мѣдныхъ бляхъ. Эти, по словамъ монаховъ, воръ-народъ. Чуть не досмотришь, глядишь—ужъ и ахнуло! Ихъ неохотно «Святогорье» и въ монахи принимаетъ.

— Почему это?

— Да все старая удаль. Тѣ же воры—черкесы, что и прежде были. Есть для нихъ отдѣльная столовая,—нѣтъ, наровитъ все больше въ трапезную къ намъ забраться!

Трапезная святогорская очень бѣдна. На стѣнахъ плохо нарисованные образа. Между ними монахъ на крестѣ... Кругомъ него искушенія: одно въ видѣ сарацина. Изо рта ленточка, на ленточкѣ надпись: «плоть, сойди со креста». По другую сторону воинъ съ ленточкой во рту: «міръ, сойди со креста». Внизу, подъ самымъ крестомъ, чортъ съ длиннѣйшимъ хвостомъ и фигурой клоуна тоже приглашаетъ инока оставить его мѣстопребываніе. Кругомъ летаютъ головы съ пылающими глазами и ртами. Лучше всего то, что въ число «прелестныхъ искушеній» попало и не особенно привлекательное существо—лягушечья голова на змѣиномъ тѣлѣ! Она тоже приглашаетъ монаха къ себѣ.

— А лягушка сія обозначаетъ дамскій полъ!—пояснилъ мнѣ монахъ.

— Ну, что потрудились (потрудились па иноческомъ нарѣчіи значитъ—походили, посмотрѣли)?

Оглядываюсь,—отецъ Стефанъ, мрачный, недовольный.

— Что съ вами?

— Да съ пасѣки сейчасъ—прогнали!

— За что же это?

— По невѣжеству своему!

— Опять посовѣтовалъ что?—вмѣшался монахъ.

— Разумѣется! Если они по невѣжеству своему...

— Что-жъ ты имъ посовѣтовалъ?

— Дурного не пожелаю!—уклонился о. Стефанъ отъ прямого отвѣта.

— А однако?

— Да ульи стеклянные устроить!

— Ну?

— Обидѣлись пасѣчники и прогнали!

— Достойно и праведно!

— Почему?

— А не лѣзь въ чужое дѣло. Тебѣ-то что!

— Не могу же я видѣть, какъ въ нихъ темнота эта самая свирѣпствуетъ!

— А не можешь, не смотри!

— Нѣтъ моей мочи,—уйду я отъ васъ!

Кстати, въ этотъ же день обозрѣли мы нѣсколько хозяйственныхъ учрежденій въ самой обители. Тутъ каждый клочокъ земли отнятъ у горъ. Вотъ длинныя строенія кирпичнаго завода. Соломенныя кровли его рдѣютъ горячимъ золотомъ подъ солнцемъ. Монастырь съ этого года уже перестаетъ покупать кирпичъ—свой дѣлаютъ. «А скоро и продавать будемъ!» замѣчаютъ монахи.— Санное заведеніе и телѣжное—невдалекѣ, до пятисотъ экипажей въ зиму выходитъ отсюда. Въ зданіи обители механическая мастерская на пять станковъ, свѣчной заводъ, слесарня на четыре станка, лудильня, кузница на четыре горна, столярная на двѣнадцать станковъ. Все это заведено на хорошую ногу; видимо, хозяйство заводится прочное, во вѣки нерушимое.

— Это еще что!—говорятъ монахи.—Вы нашу обитель годовъ черезъ десятокъ посмотрите. Коли произволеніе Божіе будетъ надъ нами, мы такихъ чудесъ тутъ надѣлаемъ. Въ Англію не надо!

— Самимъ бы только работать слѣдовало!

Сейчасъ же и ушелъ въ раковину.

— Мы что, мы иноки — намъ не подобаетъ! Наше дѣло молитва. Мы за всѣхъ христіанъ православныхъ!

При самомъ выходѣ изъ монастыря — новая группа нищихъ попалась на встрѣчу.

Толстый одутловатый странникъ, въ лохмотьяхъ, которымъ нѣтъ имени. Слѣпой и глухой. Отъ лица такъ и пышетъ жиромъ. Недуги послужили ему въ пользу. Съ нимъ рядомъ хромая, безобразная жена. На плечѣ рана, и, видимо, расковыряла она ее для пущаго возбужденія сострадательныхъ чувствъ, а около—дитя, прелестнѣйшее, съ крупными, чудными, черными глазами, вишневымъ ротикомъ, улыбающимся такъ привѣтливо и наивно, что даже дико кажется видѣть его здѣсь, на рукахъ у этой отвратительной матери.

— Я такъ полагаю, стеклянные ульи поспѣшествовали бы пчеламъ!—не выдержалъ о. Стефанъ.

Я, разумѣется, поспѣшилъ согласиться.

— То-то и оно! Удивительно, какъ въ необузданномъ невѣжествѣ своемъ погрязаетъ человѣкъ. Помилуйте, я читаю, учусь. Всею душою готовъ для нихъ, а они негодуютъ. Пасѣчникъ даже побѣлѣлъ, какъ я сказалъ. И не простилъ! Вотъ за какую обиду себѣ принялъ!

— Не простилъ?

— Я ему черезъ ворота—захлопнулъ онъ ихъ—кричу: прости, святой отецъ! А онъ ни слова, машетъ рукою и прочь идетъ. А вы знаете, вотъ на этихъ самыхъ горахъ,—совершенно неожиданно заключилъ онъ:—прежде дикія козы жили, а теперь не живутъ. Отъ людского запаха ушли. Имъ не по себѣ, если чье жилье около. А я такъ думаю: дѣтенышами изловить ихъ, да подъ ощенившуюся суку пустить, чтобы онѣ отъ ея сосцовъ кор-

мились, тогда они къ человѣку будутъ прилежать и вновь сіи горы населятъ!.. Я къ этому пасѣчнику еще пойду!

— Зачѣмъ?

— Пускай проститъ. Какъ же я теперь въ церковь сунусь, когда онъ на меня зло имѣетъ?

XXIV.

Пещерная церковь.—Схимонахи.

Бѣлые цвѣты райскаго дерева колышутся надо мною. Тонкій ароматъ ихъ струится въ тепломъ воздухѣ... Не надышешься. Въ весеннюю листву, еще подернутую желтизною, ярко бьетъ солнце. Точно золотыя брызги сыплются по ней. Сквозь нее чернѣютъ стволы и сучья... И они словно рдѣть начинаютъ, и ихъ этотъ блескъ полуденнаго свѣтила зажигаетъ алыми огоньками. По цѣлымъ часамъ можно сидѣть здѣсь и слѣдить за переливами свѣта и тѣни. Самая тѣнь здѣсь лиловая, проникнутая теплыми тонами. Вонъ глубокое ущелье все въ эту тѣнь ушло... Только и свѣтится тамъ крестъ какой-то церкви.

Потянуло вѣтромъ. Бѣлые цвѣты заколыхались у самаго лица. Точно прикосновеніе чьихъ-то нѣжныхъ, лилейныхъ пальцевъ. Лепестки осыпаются, будто крылья бабочекъ скользятъ по вѣтру.

— Отдыхаете?

— А! Отецъ Антонинъ! Что вы?

— Да такъ! Тянетъ меня отсюда... Жизнь зоветъ... Какъ на картинѣ: «сойди со креста», говоритъ!

— И сойдите!

— А обѣты?.. Я монахъ... Я отъ всего земного отрекся... Нѣтъ уже... Для міра я мертвецъ. Что другихъ то пугать собою? Въ келью бы такъ спрятаться, чтобы ничей голосъ не дошелъ бы до тебя. Земли надъ собою насыпать повыше и камнемъ завалить!

— Хотѣли вы нашу пещерную церковь посмотрѣть?— предложилъ онъ немного погодя.

— Какъ же. Давно сбираюсь!

— Она во имя св. Антонія и Ѳеодосія ископана. А вы слышали, какъ мы ее нашли?

— Нѣтъ!

— Служеніе здѣсь древле еще совершалось, только никто у насъ не зналъ объ этомъ. Когда обновилась обитель, къ намъ старецъ одинъ помѣстился—Мафусаилъ. Онъ еще въ прежнемъ монастырѣ въ дѣтствѣ своемъ бывалъ!

— Сколько же ему было лѣтъ, когда возстановили монастырь?

— За сто, должно быть. Совсѣмъ ветхій деньми. Онъ намъ и разсказывалъ, что, ребенкомъ еще, пася стада отца своего, онъ въ лѣсу открылъ сей пещерный храмъ. Случайно на слуховое окно онаго набрелъ. Сообщилъ инокамъ тогда же; но тѣ, терпя утѣсненіе, не стали разрывать этого мѣста. Сначала ему не вѣрили и у насъ, хотя онъ и указывалъ въ чащѣ лѣса, на горѣ, малую яму, говоря, что это и есть слуховое окно въ подземный храмъ; а потомъ пріѣхалъ преосвященный Иннокентій и приказалъ начать разрывать гору въ этомъ мѣстѣ. Братія съ о. Веспасіаномъ во главѣ раскопали яму и черезъ оную вошли въ алтарную часть подземелья. Тутъ жертвенникъ и престолъ оказались; стали дальше работать, весь храмъ очистили и его боковые входы и выходы. Землю выгребали оттуда руками и въ своихъ одеждахъ выносили ее въ слуховое окно.

Черная щель, совсѣмъ нора, вела въ этотъ храмъ. Нора шла внизъ, такъ что нужно было нѣкоторое усиліе удержаться на мѣстѣ. Сырой и тяжелый воздухъ этого мрачнаго подземелья стѣснялъ дыханіе. Въ ходахъ мѣловой скалы стѣны бѣлыя, здѣсь онѣ совсѣмъ черны. Несмотря на свѣчу, я едва различалъ передъ собою силуэтъ монаха. Каплетъ сверху, течетъ съ боковъ, мокро внизу. Щель эта идетъ въ алтарь, для прихожанъ проведена

другая. Странное впечатлѣніе производитъ бѣдная обстановка подземнаго храма. Не страшно, а жутко; тянетъ скорѣе на свѣтъ Божій.

— Вотъ она эта самая могила! Зарыться бы, ничего не видѣть, не чувствовать!—шепчетъ о. Антонинъ.

Сурово смотрѣли лики иконъ, освѣщенные трепетавшими огоньками лампадокъ. Точно подстать этому подземелью поднялась съ земли сгорбленная, хилая фигура монаха. Черная риза... Скелеты на ней, черепа... Капюшонъ на головѣ такой же... Шепчетъ что-то намъ безкровными, совсѣмъ мертвыми губами. Уже не сѣдая, а даже пожелтѣвшая борода падаетъ космами. Не хочется вглядываться пристальнѣе въ это лицо, такъ и кажется, что изъ-подъ капюшона неотступно вперились въ тебя чёрныя впадины голаго костяка. Едва-едва идетъ къ намъ, видимо, не различая, гдѣ мы.

— Схимонахъ!—шепнулъ мнѣ о. Антонинъ.

— Кто здѣсь?.. Кому надо?.. Что надо?—шепталъ схимонахъ, блуждая взглядомъ по всему подземелью.

— Это мы, святой отецъ!

— Монашествующіе или мірскіе? Иноки?.. Иноки?.. Гдѣ?.. Простите меня недостойнаго!

— Одинъ мірской есть!

— Гдѣ?.. Гдѣ мірской? Зачѣмъ мірской?.. Зачѣмъ мірской?.. Гдѣ онъ тутъ?

Я откликнулся.

Темныя впадины глазъ уставились въ мою сторону. Смотритъ и ничего не видитъ. Точно сквозь меня.

— Отчего не монашествуешь? Почто не спасаешься? Почто? Адскихъ мученій восхотѣлъ? Иди, скорѣе иди!.. Преклони колѣни, моли о посвященіи. Иди, рабъ, иди!.. Се сѣкира лежитъ у древа! Пламя геенское пышетъ, скрежетъ грѣховный слышенъ... О, Господи! Господи! Господи!

И схимникъ падаетъ передъ образомъ, всхлипывая совсѣмъ уже по-дѣтски.

Еще недавно здѣсь умеръ другой замѣчательный схимонахъ, въ мірѣ Семенъ Голубъ; прослужилъ онъ въ полку

двадцать пять лѣтъ, былъ раненъ. Послѣ отставки пошелъ на Аѳонъ, въ Черноморскій монастырь, гдѣ и постригся. Тамъ онъ получилъ мантію и былъ названъ Серафимомъ. Греки его стали выживать. Долженъ былъ онъ уйти и нашелъ себѣ пріютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, а потомъ въ Глинской пустынѣ. Отсюда его перевели въ Святыя горы, гдѣ онъ, уже подъ именемъ Ѳеодосія, принялъ схиму и даже пророчествовалъ. Этотъ прожилъ болѣе ста лѣтъ и умеръ въ полной памяти, даже работалъ наканунѣ смерти.

Мы поскорѣе вышли изъ подземелья.

— Вотъ вамъ моя судьба,—тоскливо говорилъ о. Антонинъ.—Мечталъ, мечталъ, а подъ такую же схиму уйду. Что ужъ!. Смерть зоветъ!.. Не совлечь!

Какъ отраденъ показался теплый воздухъ и дневной свѣтъ. Изъ подземелья мы попали на кладбище, гдѣ схоронены разные благодѣтельницы и благодѣтели обители. На одномъ изъ памятниковъ между прочимъ изображено:

«Артиллеріи подполковница Ѳеодосія О****»,

Хорошо здѣсь! Хорошо именно съ пункта, гдѣ лежитъ эта артиллеріи подполковница. Вдали смутно синѣютъ таинственными очертаніями, уходя однѣ за другія, горы, покрытыя сосновымъ боромъ. Въ разсѣлинѣ, налѣво, пріютилось село, сползая въ сочную понизь. Луга, изумрудными коврами, покрыли скаты позади... Кони бродятъ тамъ...

Вонъ, на мысу, точно сбѣжался въ одну кучку, монастырь... Смотрится въ донецкія воды. Лѣсные плоты ползутъ по нимъ... А въ самой вышинѣ—тѣ же дивныя мѣловыя скалы, точно облитыя солнечнымъ блескомъ, сіяющія будто въ ореолѣ...

XXV.

Монахи скорбящіе.—Больница.

— Что? Нашу больницу смотрѣть? Никого вы тамъ не увидите!

— Почему?

ливо машутъ намъ руками. Засмотрѣлся мой спутникъ на одну гору.

— Это моя Голгоѳа!

Я попросилъ объясненія.

— Первое время, какъ поступилъ въ монастырь, куда какъ жутко было,—разсказывалъ онъ.—Тосковалъ, мучился. Ну, какъ только придешь на это мѣсто, на самую высь, станешь на колѣни въ одиночествѣ и молишься... и полегчаетъ, какъ и Христу на Голгоѳѣ, когда Онъ духъ Свой Отцу Небесному съ креста предалъ. А тамъ встанешь, начнешь мѣста эти оглядывать, совсѣмъ свѣтло на душѣ станетъ. Господи!—подумаешь: люди издалеча пріѣзжаютъ сюда только полюбоваться, только взглянуть, а ты здѣсь всегда... Всегда эта краса передъ тобою, твоя она... Ну, и легко станетъ, и духомъ воспрянешь. Вмѣсто слезъ смѣешься!

— А трудно бывало здѣсь?

— Какъ же не трудно! Мука крестная!.. На этой самой горѣ упадешь и часа два лежишь пластомъ, словно мертвый. И въ кельѣ тоже. Какъ вечеръ, такъ тебя и бьетъ всего; и въ головѣ мутится, и глаза не глядятъ. Бывало, въ церковь пойдешь: запоютъ монахи—несносно тебѣ, такъ бы и крикнулъ на весь храмъ, а что крикнулъ, и самъ того не знаешь. Доктора катаррами это называютъ. Душевный, должно быть, катарръ, потому духъ мятется, простору проситъ изъ-подъ черной рясы-то, какъ бѣсъ изъ одержимаго—вонъ стремится!

— Ну, я думаю, у отца Серапіона духъ не мятется!

— Это у котораго? Не у того-ли, что все текстами говоритъ?

— Вотъ, вотъ!

— А вы спросите, кого двѣнадцать лѣтъ тому назадъ изъ петли вынули? Въ другой обители это случилось съ нимъ; тогда еще онъ у насъ не былъ. Онъ, видите-ли, въ попы долженъ былъ поступить. Кончилъ семинарію. У него ужъ и приходъ имѣлся. Явился къ архіерею, а тотъ и говоритъ: приходъ твой, только ты женись на

дочери твоего предшественника, попа тоже. Ну, а она баба рябая, злая... Подлая совсѣмъ баба. Серапіонъ и докладываетъ: я, ваше преосвященство, другую люблю и ею любимъ...—Кого-же?—Свѣтскую, дочь одного чиновника себѣ намѣтилъ.—Ты,—говоритъ архіерей,—эту блажь изъ головы выкинь и не думай лучше. Я тебя въ такой приходъ загоню, гдѣ ты, какъ скнипа, будешь въ щели жить. Нѣтъ тебѣ моего благословенія на священство, пока не женишься на поповнѣ. Не подобаетъ служителю алтаря на свѣтскихъ дѣвицахъ жениться... Что ему было дѣлать? Отецъ, мать—бѣдные, дьячки простые... Кончилъ тѣмъ, что въ монастырь пошелъ. А года четыре спустя, его-то, на которой онъ хотѣлъ жениться, въ обитель Богу помолиться пріѣзжаетъ. Ужъ замужемъ, и дѣти у нея... Вотъ тогда-то, сказываютъ, отца Серапіона изъ петли и вынули... Иной веселый, веселый, а вы его копните, веселость-то и окажется.

XXVI.

Святое мѣсто.

Лучше всего путь къ Святому мѣсту съ пасѣки. Не въ смыслѣ удобства, а красоты пейзажей.

Онъ идетъ по крутому скату, по которому мы сползли внизъ, почти совсѣмъ окутанные зелеными облаками орѣшника и райскаго дерева. Послѣ дождя поднялись бѣлые колокольчики ландышей, запахъ которыхъ, смѣшиваясь съ ароматомъ фіалокъ, густо переполнялъ воздухъ. Какъ все это не напоминало объ умерщвленіи плоти, о принципахъ суроваго аскетизма! Любить и жить хотѣлось среди этихъ очаровательныхъ мѣстъ, созданныхъ для веселаго пира и обращенныхъ человѣкомъ въ глухую тюрьму, въ душную для мысли и чувства келью схимника. На самомъ днѣ зеленой лощины—дорога пропадаетъ въ вишневой чащѣ. Видимо, здѣсь рѣдко ходятъ. Вѣтви хлещутъ въ лицо, всякая лѣсная птица деретъ

горло, недовольная вашимъ приходомъ, и, наконецъ, сквозь зелень вы видите смутное очертаніе келій, обнесенныхъ рѣшеткой, наглухо запертой, и двѣ золоченыя главы скитской церкви. Въ сторонѣ, въ той же оградѣ—отдѣльно стоящая избушка на курьихъ ножкахъ. Въ ней спасается какой-то совсѣмъ изможденный и мохомъ поросшій схимникъ.

— Въ затворъ просится!

— Зачѣмъ это?

— Подвига жаждетъ! Его хотятъ тоже въ мѣловую скалу. Можетъ быть, скоро и келію ему тамъ приготовятъ!

Слышно, кто-то поетъ псаломъ. Сильный, красивый голосъ—всю окрестность наполнилъ собою.

— Какъ пройти туда?

— Въ скитъ?

— Разумѣется!

— Этого нельзя. Только четыре раза въ годъ отпираютъ ограду. А остальное время скитники отъ всего міра отрѣшены. Только на третій день Рождества, въ пятницу Свѣтлой недѣли, 8 мая и 14 августа можно войти сюда, 8-го мая память перваго настоятеля Арсенія, а 14-го августа освященіе храма скитскаго.

Вонъ вышло нѣсколько скитниковъ. Видимо, даже простое любопытство замерло въ нихъ. Скользнули сквозь рѣшетку по моему лицу ихъ глаза и опять внизъ. Будущіе схимники, совсѣмъ закостенѣвшіе. Пѣвца мы не видали, должно быть, совсѣмъ не похожъ на этихъ. Голосъ нервный. Въ каждомъ звукѣ его точно пульсъ бьется. Видимо, этотъ не окаменѣлъ еще, живетъ въ душѣ прежній человѣкъ, струится въ ней родникъ восторговъ и печалей. Эти, что тутъ проходятъ мимо, не поютъ, а если и поютъ, то тихо, безъ экстаза.

А какъ хорошо здѣсь! Именно прелесть несказанная, какъ говорятъ монахи. Птицы заливаются въ чащѣ. Зеленую листву сплошь засыпали цвѣты, какъ будто только и ждали дождя, чтобы распуститься. Такъ бы и ушелъ сюда забыться отъ тьмы и золъ, отдохнуть душой

отъ подлой клеветы. Гдѣ-то ручей звенитъ, точно въ душу къ тебѣ просится, ласково, ласково. Отъ этой пустыньки—просѣка къ берегу Донца.

Словно заснулъ Донецъ. Лѣнь ему всколыхнуться... Сѣрая ящерица спѣшитъ поскорѣй зарыться въ песокъ. Скользнула рыбка надъ водой и опять бултыхъ въ нее. Гдѣ-то кусокъ берега въ воду рухнулъ, глухо... Зыбь пошла... А птицы заливаются все громче и громче, все задорнѣе. Вся природа полна жизнью и счастьемъ—рядомъ съ этимъ царствомъ смерти и покоемъ могилы!

Когда мы всходили на противоположный скатъ, по немъ внизъ катились казакъ съ казачкой, оба старые престарые.

— Что вы опять, рабы?—спрашиваетъ мой спутникъ.

— Опять, отче, опять!

— Трудно?

— Богу трудимся. Даетъ Господь силъ!

— Повѣрите-ли, двое этихъ вотъ уже второй мѣсяцъ по этой горѣ въ день десять разъ, вверхъ и внизъ. Въ томъ все свое время препровождаютъ!

— Что же это они?

— По обѣту. Тутъ надъ ними смѣются, а я не смѣюсь. Въ чемъ бы душа ни находила міръ и успокоеніе, лишь бы нашла. Вонъ, говорятъ, факиры въ Индіи на одной ногѣ по мѣсяцамъ стоятъ. Чтожъ, если это усмиряетъ его совѣсть, либо соотвѣтствуетъ потребности смущеннаго духа—пускай!

Уже спустившіеся внизъ старики, казакъ и казачка, когда мы взобрались на верхъ, медленно стали всползать туда же, чтобы сейчасъ опять скатиться въ лощину.

XXVII.

„Новопреставившаяся раба Елена" и прощаніе съ монастыремъ.

— Ну, отецъ Серапіонъ, прощайте!

— Спаси Богъ! Въ отъѣздъ? Оставляете вы насъ?

— Да!

— Сегодня?

— Сейчасъ!

— Что-жъ такъ не пожилось? Я полагалъ, цѣлое лѣто Господне вы у насъ погостите, поелику такія мѣста развѣ только что въ Кіево-Печерской лаврѣ найдете. Но ежели такое ваше желаніе, чтобы непремѣнно уѣхать— спаси васъ Богъ! Пуще всего вы на Него, Милостиваго, надѣйтесь. Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется во вѣкъ. Вы это какъ же, на четвероногихъ?

— Нѣтъ, я думаю до села на лодкѣ!

— Подобно рыбарямъ? И то дѣло! Будете насъ описывать—очень не браните!

— Зачѣмъ же!

— Но и не хвалите, ибо превознесемся. Что злое замѣтили—обличите, мы покаемся. По слову писанія: блаженъ, иже внимаетъ гласу обличенія. Нашу обитель воспойте, мѣста собственно, древеса на версѣ горъ и прочее. У насъ древеса вѣчно зеленыя, какъ Давидъ о праведникѣ сказалъ: и листъ его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ,—успѣетъ!

Мы шли по двору гостинницы. Сегодня здѣсь просто Вавилонъ. До пяти тысячъ народу навалило. Разбросались, гдѣ кто могъ. Одни у дровъ и на дровахъ спятъ подъ солнцемъ, такъ что только ничѣмъ незаслоненныя лица рдѣютъ подъ его знойными лучами; другіе у сарая привалились; третьи густою, сплошною толпою стоятъ у входа въ женскую больницу. Гамъ такой, что у Іоанна гостинника голова кругомъ пошла. «Точно на ярмаркѣ», кидаетъ онъ мнѣ на бѣгу, звеня ключами. Только молчаливыя сосны и дубы съ горныхъ скатовъ сурово смотрятъ на толпу. Ихъ вѣковѣчной тишинѣ чуждъ суетный говоръ этихъ богомольцевъ, въ общемъ смѣшеніи которыхъ рядомъ сходятся: москвичъ, въ смазныхъ сапогахъ, съ краснымъ гаруснымъ платкомъ на шеѣ, и высохшіе клювоносые черноморцы-линейцы; понуренный малороссъ и рядомъ штурманъ коммерческаго судна, широко разставляющій ноги, точно земля подъ

нимъ, какъ палуба, колеблется. Всѣ эти голоса, всѣ эти крики покрываются дробною перестрѣлкою чечотокъ-бабъ всѣхъ родовъ и сортовъ, и молодыхъ и старыхъ, и красивыхъ и безобразныхъ. Бѣлое, синее, красное мѣшается вмѣстѣ, пестритъ, слѣпитъ глаза яркостью красокъ. Изрѣдка взглядъ отрадно останавливается на высокихъ и стройныхъ фигурахъ казачекъ, которыя, подпершись руками въ бокъ, однѣ не теряются въ этой разноголосицѣ, однѣ не суетятся.

Толпа все прибывала и прибывала. Все это стремилось именно въ женскую больницу.

Вошелъ и я туда.

Въ большой камерѣ, на столѣ, вытянувшись и сложивъ на груди руки, неподвижно лежитъ молоденькая дѣвушка. Глаза закрыты. Черты лица заострились, но жизнь какъ будто еще не сбѣжала съ нихъ. Такъ и кажется: вотъ-вотъ, вздрогнутъ эти длинныя черныя рѣсницы, что чуть не до половины кинули тѣнь на блѣдныя, блѣдныя щеки... Вздрогнутъ, откроются — и удивленный взглядъ крупныхъ красивыхъ глазъ недоумѣло остановится на свѣчахъ, что горятъ у нея въ ногахъ. У изголовья тарелка; богомольцы со звономъ бросаютъ туда мѣдь, и всякій разъ, когда монета звякнетъ о другія, мнѣ кажется, что бѣдная вздрагиваетъ.

— Кто такая?—спрашиваю у монаха.

— Богъ ее знаетъ!

— Неужели неизвѣстно?

— Паспорта при ней не было. Она пришла издали. Только семь денъ у насъ и проболѣла. Тутъ вонъ говорятъ, что Еленою ее зовутъ; о новопреставившейся рабѣ Еленѣ и отслужимъ панихиду. А откуда и кто—Богъ знаетъ. Онъ не собьется!

Около стоитъ громадный гробъ. Въ него пятеро, а не одна она помѣстится. Такая же чахоточная, какъ и эта, пробирается сквозь толпу. Цвѣтовъ принесла, бросаетъ на мертвую... Такъ и кажется, вотъ, вотъ улыбнется та... Но черты все такъ же неподвижны и не шевелятся безкровныя губы.

— Ваша знакомая?—спрашиваю я у чахоточной.

— Нѣтъ. Ее здѣсь никто не знаетъ. Пришла полумертвая, ни съ кѣмъ не говорила. Только все какого-то Семена Ильича звала, какъ помирала. И звала-то какъ, точно плакала. Должно быть, смерть свою чувствовала.

Такъ и схоронятъ никому неизвѣстную. Можетъ быть, мать ждетъ, любимый человѣкъ со дня на день переживаетъ: скоро-ли вернется? Куда ушла?

А она далеко, далеко ушла. Какъ тучка, пробѣжавшая по небу въ солнечный день. Куда дѣлась? Словно волна, смѣшавшаяся съ другими.

Подняли гробъ... уложили ее... понесли... яма готова уже... паръ оттуда идетъ—земля, должно быть, отсырѣла немного. И еще пуще хмурятся деревья на горномъ скатѣ, и еще громче поютъ соловьи.

Комья земли стучатся въ крышку гроба, точно въ дверь.

— Проснись, проснись скорѣе!

Но она не просыпается—и такая же серьезная, красивая, безмятежная, лежитъ за этою дверью. Голубь прилетѣлъ, уцѣпился за вѣтвь орѣшника надъ могилою.

— Ахъ, голубокъ, голубокъ, птичка ты Божья!— умиляются богомольцы.

«Прощай, новопреставившаяся раба Елена!» Только-то и осталось отъ всей твоей молодой жизни!

Прежде чѣмъ уѣхать изъ монастыря, надлежало проститься съ отцомъ архимандритомъ.

Признаюсь, мнѣ вовсе не улыбалось это. Отецъ архимандритъ очень благочестивый и строгій монахъ, такъ, по крайней мѣрѣ, изображали его и Антонинъ, и Стефанъ, и Серапіонъ съ прочею братіею, но собесѣдникъ онъ невозможный.

Когда я былъ въ первый разъ у отца архимандрита, я даже заподозрилъ его, не проникъ-ли онъ въ грѣховную душу мою и не обрѣлъ-ли въ ней чего нибудь ужъ очень злоехиднаго. Но потомъ я отбросилъ это соображеніе въ сторону, ибо сознавалъ, что къ обители

прилежу, къ его особѣ лично отношусь со смиреніемъ и кротостью, и чина монашескяго не отметаю вообще, а святогорскую обитель въ частности и того менѣе.

Челнокъ былъ готовъ. Молодой послушникъ уже сидѣлъ съ веслами въ рукахъ, сдвинувъ на затылокъ скуфейку, чтобы не такъ жгло солнце.

Оставалось только проститься съ однимъ молодымъ монахомъ.

Невыразимо грустно было оставлять его здѣсь. Мы недолго походили по плитамъ монастырскаго двора. Ударили въ било, и о. Іона остановился.

— Ну, прощайте!

Грустные глаза его стали еще грустнѣе. Онъ взялъ мою руку, видимо,—выпускать не хотѣлось.

— Напрасно повстрѣчался я съ вами. Опять теперь томить начнетъ. Мертвеца разбудили вы, а сами уѣзжаете!

— Нельзя!

— Знаю, что нельзя... Живому — живое... Съ черноризцами не весело!

— Къ міру тянетъ!.. Грѣховныя помышленія!.. Уйми!..— взялся откуда-то схимникъ. Самого едва ноги носятъ,— въ рукахъ посохъ.

— Прости, отче!

Схимникъ воззрился въ глаза о. Іонѣ, подошелъ ближе, шамкаетъ что-то; наконецъ, собрался опять съ силами:

— Ишь, у тебя изъ глазъ-то... Изъ глазъ... Уйми, тебѣ говорю!.. Какой ты монахъ!.. Уйми... Грѣхомъ отъ тебя!..

Поднялъ посохъ, погрозилъ ему. Я думалъ, что ударитъ—нѣтъ, обошлось. Затѣмъ понурился и опять пошелъ впередъ, шатаясь и едва передвигая ноги.

— Господи Благій... прости мнѣ!.. Прости мнѣ грѣшному! Поддержи слабаго! — сталъ молиться о. Іона.— Уѣзжайте... Не соблазняйте,—повернулся онъ ко мнѣ.— Ради Бога, скорѣе уходите! Душа-мятется... Боже мой Господи, простри руку Твою!

И о. Іона пошелъ въ соборъ, куда со всѣхъ сторонъ тянулись въ эту минуту мрачныя фигуры черноризцевъ. На самой паперти онъ оглянулся и издали перекрестилъ меня.

А колокола уже гудѣли во всю, и изъ отворенныхъ оконъ собора неслись печальные напѣвы.

Челнокъ чуть не опрокинулся, когда я сѣлъ въ него. Весь онъ изъ одного куска дуба. Колышется на водѣ, какъ люлька. Вокругъ меня изорванныя ущельями горы и мѣловые обрывы тамъ, гдѣ осыпалась почва. Бѣлыя скалы издали казались громадною крѣпостью, а черныя окна келій — бойницами. Постройки на верху пропадали рядомъ съ этими первосозданными громадами.

Отплыли съ версту.

Я оглянулся.

Монастырь весь маленькій-маленькій кажется. Сбѣжался къ берегу, точно ему хочется въ послѣдній разъ взглянуть, куда мы двинемся. А звонъ колоколовъ глухо докатывается до насъ, заглушаемый уже пѣніемъ украинскихъ соловьевъ и говоромъ струй, съ тихою нѣгою подкатывающихся подъ нашъ челнокъ.

Передо мной, словно тутъ, рядомъ, стояли всѣ эти типы иноческаго царства: о. Антонинъ, Іоаннъ заточникъ, монахи тоскующіе, монахи воинствующіе, монахи закостенѣлые.

Нѣтъ, какъ ни плохъ міръ, а все же для меня его теплое солнце и скудная любовь лучше этой большой могилы праведниковъ. Могій вмѣстити — да вмѣститъ. Но нужно для этого особыя силы и великая жажда подвига, самоистязанія, самосокрушенія.

Конецъ.